

**Воронежский государственный
университет
Межрегиональный центр
коммуникативных исследований
Кафедра общего языкознания и
стилистики**

Текст - дискурс- картина мира

Вып. 9

Научное издание

**Воронеж
2013**

Очередной (девятый) выпуск межвузовского научного сборника «Текст – дискурс – картина мира» (первый вышел в Воронеже в 2005 г.) посвящен теоретическим и прикладным проблемам изучения взаимодействия текста, дискурса и картины мира. В сборнике представлены статьи ученых Воронежа, Киева, Краснодара, Вьетнама, Ирака, Китая, посвящённые исследованию текста в традиционном, функциональном, прагматическом и когнитивном аспектах.

В некоторых случаях концепция присланных статей отличается от общепринятой трактовки анализируемой проблемы и расходится с мнением редакционной коллегии. Однако редколлегия считает возможной публикацию таких работ в порядке научной дискуссии.

Сборник предназначен для филологов, преподавателей русского языка и иностранных языков, литературоведов, преподавателей русского языка как иностранного, специалистов в области текста, дискурса, когнитивных исследований, культурологии и межкультурной коммуникации.

Редакционная коллегия:

д.ф.н. Вахтель Н.М., д.ф.н. Попова З.Д., д.ф.н. Стернин И.А.,
д.ф.н. Чарыкова О.Н. – научный редактор

Компьютерная верстка и оригинал-макет –
О.Н.Чарыкова

© Коллектив авторов, 2013

Текст - дискурс - картина мира. Межвузовский сборник научных трудов.
Вып.9. / Научный ред. О.Н.Чарыкова. Воронеж : изд-во «Истоки», 2013 г.
200 экз., 158 с.

От редколлегии

Предлагаемый вниманию читателей сборник продолжает тематическую серию публикаций, посвященных проблемам соотношения текста, дискурса и картины мира.

Сборник формируется в русле основной научной проблемы кафедры общего языкознания и стилистики «Язык и национальное сознание», но ориентирован на изучение национальной специфики текста и дискурса.

Редколлегия приглашает к сотрудничеству всех исследователей, занимающихся проблемами соотношения текста, дискурса и языкового сознания.

Электронный адрес редколлегии: sternin@phil.vsu.ru.

Вопросы теории

А.Ю.Большова

Трансформация субъектного подхода в научном осмыслении интерпретации

Философская концепция субъекта в контексте психологической специфики интерпретации связана с проблемой понимания как индивидуальной реализации познавательных возможностей личности. Смысл как результат понимания манифестирует формирование мнения субъекта. Субъект интерпретации появляется в филологической герменевтике далеко не сразу, а своим появлением вносит радикальные изменения в традиционную философскую антропологию, гносеологию и эстетику.

Первоначально собственно герменевтическая проблематика возникает в рамках экзегетики, т.е. дисциплины, цель которой состоит в том, чтобы понять текст, «исходя из его интенции, понять на основании того, что он хочет сказать» (Рикёр 2002, с.33). Данное положение подразумевает указание на интерпретацию, поскольку «всякое чтение текста, ...связанное... с вопросом о том, «с какой целью» он был написан, всегда осуществляется внутри того или иного сообщества, той или иной традиции, того или иного течения живой мысли, которые имеют свои предпосылки и выдвигают собственные требования» (Рикёр 2002, с.33).

Весьма существенно, что уже экзегеза включает в себя теорию знака и значения, и это обусловлено самим фактом возможности интерпретации: если текст может иметь несколько смыслов (например, исторический и духовный), то необходимо обратиться к гораздо более сложному понятию значения, чем этого требует формальная логика доказательств. Более того, любая интерпретация чужого текста сразу же сталкивается с необходимостью преодоления социальной и культурной отдаленности читателя от автора, с тем чтобы уравнивать позиции видения рассматриваемого содержания, чтобы «включить смысл этого текста в нынешнее понимание, каким обладает читатель» (Рикёр 2002, с.34). Таким образом, герменевтика приводит к возникновению общей проблематики понимания.

Интерпретация, трактуемая в широком смысле как постижение знаков, рассматривается как толкование текста и относится ко всему означающему дискурсу. Более того, как раз сам означающий дискурс и интерпретирует реальность: «высказывание есть овладение реальностью с помощью означающих выражений, а не сущностью так называемых впечатлений, исходящих из самих вещей» (Рикёр 2002, с.34). Прагматическое содержание семиозиса является приоритетным для

аксиологического аспекта, в рамках которого современные исследователи предлагают использовать лингвосемиотические модели – «объяснительные схемы соотношения языкового знака с внеязыковой реальностью и человеком как интерпретатором этой реальности» (Карасик 2012, с.21). В частности, оценочная квалификация объектов, значимых для коммуникантов, находит отражение в субъектном оценочном позиционировании – «определении разных точек зрения на тот или иной объект с позиций разных субъектов или с позиции одного и того же субъекта в разные временные периоды и в разных обстоятельствах» (там же, с.35). Однако первый шаг к субъектному подходу в изучении интерпретации был сделан еще Фридрихом Шлейермахером, немецким религиозным философом первой трети XIX века. Именно он впервые заговорил о «психологическом» типе понимания (Шлейермахер 2004).

Шлейермахер, который был одновременно теологом и филологом, предложил теорию двух типов понимания: «грамматического» и «психологического». Грамматическое понимание достигается методом сравнения языковых средств: «сравнительный <метод> полагает сначала то, что следует понять в качестве всеобщего, а затем находит самобытное путем сравнения с другим, входящим в состав того же всеобщего» (Шлейермахер 2004, с.156). При психологическом понимании происходит вживание во внутренний мир другой личности, воображение себя в ситуации другого, переживание его опыта и т.д.: «метод интуитивный состоит в том, чтобы, словно перевоплощаясь в другого, пытаться непосредственно схватить индивидуальное» (там же). Он развил идею целостности художественного произведения и вообще культурного текста: «Конечной целью психологического... толкования является не что иное, как развернутое начало, состоящее как раз в том, чтобы созерцать целое деяние в его частях, а в каждой части, в свою очередь, – материал как движущее начало и форму как природу, приведенную в движение материалом» (Шлейермахер 2004, с.154).

Таким образом, понимание – это «вживание» в мир художественного произведения, схватывание его как целого в его уникальном существовании, «это понимание уже не авторского смысла (или замысла), а проникновение в произведение, т.е. в самостоятельно существующий продукт его творчества, поскольку замысел не всегда совпадает с тем, что удалось воплотить в результате, в произведении» (Славская 2002, с.6). Полагание акта понимания как исходного с этого момента становится началом развития собственно философской, т.е. трансцендентальной герменевтики, которая разрабатывает саму теорию понимания и выясняет условия его достижения.

Шлейермахер, опиравшийся на идеи Э.Гуссерля (поскольку одним из основных принципов универсальной герменевтики Шлейермахера является принцип «герменевтического круга»: понимание целого, исходя из части, и части – исходя из целого), подчеркивая субъективный аспект

понимания и интерпретации, положил начало *феноменологическому* подходу к интерпретации. Он оказал непосредственное влияние на формирование направления т.н. «понимающей» психологии, идеологами которого стали В.Дильтей и Э.Шпрангер.

В.Дильтей пытается ответить на вопрос о принципах познания и специфике гуманитарного знания в целом. Согласно его концепции, все науки о духе должны базироваться на психологии: «Первейшим отличием наук о духе от естественных служит то, что в последних факты даются извне, при посредстве чувств, как единичные феномены, между тем как для наук о духе они непосредственно выступают изнутри, как реальность и как некоторая живая связь» (Дильтей 1996, с.16). И далее: «Природу мы объясняем, душевную жизнь мы постигаем. Во внутреннем опыте даны также процессы воздействия, связи в одно целое функций как отдельных членов душевной жизни» (там же).

В.Дильтей показал особенность описательной психологии («понимающей психологии», по Э.Шпрангеру) как опирающейся на метод непосредственного познания (непосредственного постижения, переживания, основанного на отношении к познаваемому, его ценности): «Под описательной психологией я разумею изображение единообразно проявляющихся во всякой развитой человеческой душевной жизни составных частей и связей, объединяющихся в одну единую связь, которая не примышляется и не выводится, а переживается. Таким образом, этого рода психология представляет собою описание и анализ связи, которая дана нам изначально и всегда в виде самой жизни» (Дильтей 1996, с.28). Если, по Гадамеру, целостность создается кругом – соотношением исходного смысла и его интерпретирующего, т.е. смысл имеет надличностный характер, то В.Дильтей в соответствии с принципом целостности (которую он противопоставлял атомарности ассоцианизма) выделил «индивидуальную целостность душевной жизни личности». Методологический подход, представленный В.Дильтеем, реализует иной, чем в естественных науках, принцип объяснения духовного мира человека: смысл его жизни – индивидуально-неповторимый, иррациональный, который улавливается лишь живым переживанием, интуицией. По замечанию А.Н.Славской, концепция понимающей психологии на основе идей Дильтея включила познающего в процесс познания (Славская 2002, с.10).

Основываясь на методологической установке трактовать психологические процессы только из психологических же процессов, Шпрангер ввел понятие «понимающей психологии» (Ионин 2010, с.395). Исходный принцип психологии, по мнению Шпрангера, – понимание как способ непосредственного постижения смыслового содержания явлений объективного духа. Переживание связи внутренней душевной жизни и ценностей общественной духовной жизни осуществляется в актах деятельности Я, в которых реализуется определенная ценностная система.

Основной задачей духовно-научной психологии как одной из наук о духе является исследование отношения индивидуальной духовной структуры человека к структуре «объективного духа» и, соответственно, выявление основных типов направленности абстрактного человека, получивших у Шпрангера обозначение «форм жизни» (там же).

Таких основных идеальных типов индивидуальности, обусловленных ориентацией на те или иные объективные ценности, им было выделено шесть: теоретическая (область науки, проблема истинности), экономическая (материальные блага, полезность), эстетическая (стремление к оформлению, к самовыражению), социальная (общественная деятельность, обращенность к чужой жизни), политическая (власть как ценность), религиозная (смысл жизни). В каждом человеке могут быть представлены ориентации на все эти типы ценностей, но в разной пропорции, какая-то из них при этом будет доминировать.

В основном своем труде «Формы жизни» Шпрангер обосновал истинность подхода с позиции рассмотрения душевного процесса как некоторой целостности в его смысловых связях с тем или иным содержанием культуры. Шпрангер подчеркивает объективность системы смыслов и видит ее в культуре, которая, согласно его теории, представляет собой как бы расчлененную в плане истории проекцию внутренней духовной структуры. Эта структура является общей и для объективного, и для субъективного духа и раскрывается через некоторые смысловые ценности: исторические, социальные, познавательные и т.д. Выводы Шпрангера можно соотнести с идеей бессознательного как семантического вакуума в квантово-релятивистской картине мира (Налимов, Дрогалина 1995).

Таким образом, субъективно-феноменологическая тенденция, идущая от Э.Гуссерля, – его идея жизненного мира – противопоставлена в герменевтике тенденции формализующей, основной задачей которой является *точная* передача *смысла*, информации, где традиционно происходит сведение процесса понимания и интерпретации к языку. Тенденция, восходящая к концепции понимающей психологии, отстаивает принципиально неформализуемый ценностно-иррациональный принцип объяснения духовного мира человека и механизм интерпретации как «вживания». Представителями интуитивно-иррационального и экзистенциалистского направления являются Ф.Ницше, А.Камю, Ж.-П.Сартр, М.Хайдеггер, С.Кьеркегор и многие другие. Но, подчеркнув субъективную сторону понимания, данная линия не раскрыла его субъекта.

В отечественной науке в этом плане достаточно активно представлен психологический аспект проблемы понимания, который был изложен в трудах Л.С.Выготского и С.Л.Рубинштейна.

Подход Л.С.Выготского к пониманию связывается с его идеей интериоризации как механизма индивидуального сознания, присваивающего таким путем опыт и культуру человечества. Здесь

подчеркивается внешне детерминированный аспект проблемы понимания. При этом если теория интериоризации подчеркивает внешнюю заданность развития (в процессе общения ребенка со взрослым), то при анализе понимания художественного текста Выготский выступает против нормативности и заданности. Он считает, что «...в неисчерпаемом разнообразии символического, т.е. всякого истинно художественного произведения лежит источник множества его пониманий и толкований» (Выготский 1965, с.366). Как видно, множественность подразумевает субъективность, незаданность, творческий характер понимания, и можно согласиться с тем, что «это внутреннее противоречие в концепции Выготского продуктивно, поскольку связано с реальной проблемой: как соотносятся интер- и интра- субъективные, нормативные и субъективные аспекты понимания» (Славская 2002, с.21).

С.Л.Рубинштейн рассматривает понимание как специфическую способность процесса мышления субъекта. В его концепции речь с самого начала является социальной (а не эгоцентрической, как у Ж.Пиаже), а главным в речевом развитии ребенка является то, что меняется способ построения речи, критерием которого становится понятность (Рубинштейн с.390). С точки зрения поиска субъекта интерпретации, наиболее существенным в ранней концепции С.Л.Рубинштейна является раскрытие понимания как обобщения отношений, а функции понимания – условия общения реальных людей, т.е. принципиальный выход за пределы классической трактовки понимания как «общения» с текстом. Кроме того, Рубинштейн подчеркивал роль контекста для понимания речи и даже выделил соответствующий вид – контекстную речь (там же, с.390-394). Современные психологи отмечают особую важность того, что «Рубинштейн дал не только определение психологической сущности понимания как обобщения отношений, но и то, что саму коммуникацию... он квалифицировал с позиции взаимопонимания партнерами друг друга, т.е., раскрыв связь понимания с познавательными процессами – с речью, с мышлением, он одновременно выявил в нем коммуникативный аспект; он показал, что понимание является условием осуществления этого общения» (Славская 2002, с.23).

Анализируя научное наследие великого психолога, исследователи отмечают, что Рубинштейну принадлежит идея о потенциальном содержании текста, которая может быть раскрыта в свете разрабатываемого им принципа имплицитного и эксплицитного (Славская 2002, с.23). Имплицитное – содержащееся в мысли, но еще не выраженное в речи, или выраженное так, что как бы нарочно настраивает на иное, привычное, закреплённое практикой значение, т.е. тормозит понимание. Переход от непонимания к пониманию предполагает работу мысли понимающего, поскольку в тексте элементы даны в таком качестве, в котором они не прямо входят в его образующий контекст. Для понимания необходимо повернуть все элементы такой стороной, чтобы они

выступили в том качестве, которым они включаются в данный контекст, в образующие его связи.

Теоретически и эмпирически процесс понимания исследовался А.А.Брудным, который выделил две его основные структуры – особенность текста и особенность его понимания читателем, и этапы процесса – последовательность перемещения от одной смысловой части текста к другой. Он указывал на формирование концепта текста – общего смысла, подчеркнув его внетекстовый характер и часто отсутствующее точное речевое выражение (Брудный 1998).

Концепция диалога М.М.Бахтина, в рамках которой он попытался включить активность субъекта в свое понятие контекста, также отражает проблему понимания в герменевтической ситуации. Методологически М.М.Бахтиным проводится различие между пониманием и интерпретацией в связи с различием гуманитарного и естественнонаучного знания. Он подчеркивал, что необходимость понять описываемый объект возникает только в гуманитарной области знания и вообще гуманитарной культуре и должна строго отличаться от необходимости истолковать, объяснить некоторый фрагмент реальности в естествознании. Это различие диктуется тем, что объектом понимания является для М.М.Бахтина субъект, а не объект, как в естествознании, и поэтому понимание для него всегда диалогично (Бахтин 1979). В связи с этим А.В.Брушлинский отмечает, что, с психологической точки зрения, нельзя рассматривать субъекта только как субъекта сознания, поскольку как субъект – он субъект и сознания, и действия, и созерцания, и именно эти векторы и образуют «контекст» его интерпретации и понимания (Брушлинский 1996).

На наш взгляд, в герменевтике можно достаточно четко обозначить психологический вид интерпретации, выводящий исследователя непосредственно на субъекта интерпретации. Традиционно в психологии мышления ограничивались исследованиями процессов понимания. Впервые выделение интерпретации как предмета исследования было предпринято Т.М.Дридзе. Преодолев трактовку текста как языковой действительности, она доказала, что текст является коммуникативной единицей, т.е. опосредует отношения людей. Текст рассматривается у Т.М.Дридзе не как речезыковая, а как коммуникативно-познавательная единица, а интерпретация была определена как текстовая деятельность – тем самым подчеркивался ее активный, целенаправленный характер. «Вне порождения и интерпретации текстов, – пишет Т.М.Дридзе, – немислим обмен знаниями и опытом, умениями и навыками, эмоциями, ценностями, идеалами и нормами – этими важнейшими ориентирами человеческой деятельности» (Дридзе 1984, с.7). Интерпретационная деятельность поэтому заключается во встречном характере активности интерпретатора по отношению к коммуникативному намерению автора текста. При этом интерпретацию Т.М.Дридзе определяет как познавательную деятельность индивида, т.е. выявляется качественное различие содержания самого

текста и его интерпретации. Текст, согласно концепции Т.М.Дридзе, выступает как определенный способ организации значений и структурирования смысловой информации для целей общения, как воплощение мотивированной и целенаправленной интеллектуально-мыслительной деятельности индивида, стремящегося к обмену духовно-практической деятельностью с другими людьми.

Личность как субъект интерпретирования, согласно концепции С.Л.Рубинштейна, является исходным методологическим основанием в исследовании А.Н.Славской (Славская 2002), которая отмечает, что «нужно, по-видимому, отправляться от самой личности – ее мотивов и способностей – и выявить ту жизненную потребность, которой отвечает механизм интерпретации. Это... постоянная потребность ориентироваться в окружающей действительности, устанавливая в ней свои координаты, направления своих интересов, отношений и т.д.» (Славская 2002, с.62).

Для психологии личность выступает интерпретатором не только текстов и информации, но и всей действительности. Тексты, понятия, информация – это теоретическая действительность, ее определенные ограниченные фрагменты. Для личности объектом интерпретирования становится реальная действительность, осмысляемая ею в социальных, научных понятиях и категориях. Однако разница между ними весьма значительна: «то, что в тексте уже «препарировано» автором, информатором (в виде сюжета, системы значений и т.д.), в действительности разорвано, разобщено во времени и пространстве, не упорядочено, изменчиво, часто противоречиво. Со всей этой неупорядоченностью и сталкивается личность, которая должна сама создать сюжет, систему, композицию, найти причины, следствия, ответы на вопросы «зачем» и «почему». Это и есть интерпретирование – работа сознания и мышления. Она не сводится только к нахождению одного своего собственного смысла, как предполагали некоторые философы, связывая интерпретацию со смыслом» (там же).

По определению А.Н.Славской, «интерпретирование есть индивидуальное толкование действительности во всей совокупности ее социальных процессов, событий, структур, человеческих отношений, поступков, личностей и собственной жизни. Динамика, изменчивость, противоречивость этой действительности, постоянное изменение своего соотношения с ней самой личности, порождение новых целей, притязаний – все это требует непрерывной работы сознания и мысли, осмысления и переосмысления, т.е. интерпретирования» (Славская 2002, с.63).

Таким образом, если подходить к проблеме интерпретации на основе принципа субъекта, то можно утверждать, что в зависимости от его практических и теоретических целей им осуществляется интерпретация как текстов, информации, так и разного рода явлений и событий, личностей, отношений людей, своей и их жизни. В связи с этим можно констатировать, что трансформация субъективно-феноменологического

подхода в герменевтике тесно связана с решением гуманистической задачи современной психологии в плане реконструкции предполагаемого индивидуального субъекта. При этом интерпретирование как процесс осознания субъектом действительности для создания своих отношений с миром приобретает активный личностнообусловленный характер, что позволяет в перспективе рассматривать проблему интерпретации в аспекте лингвopsихологии, которая, в отличие от лингвистики, опирается на психический, а не на социальный детерминизм в интерпретации символической реальности.

-
- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
 Брудный А.А. Психологическая герменевтика. М., 1998.
 Брушлинский А.В. Субъект: мышление, учение, воображение. М.-Воронеж, 1996.
 Выготский Л.С. Психология искусства. М., 1965.
 Дильтей В. Описательная психология. СПб., 1996.
 Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. М., 1984.
 Ионин Л.Г. Шпрангер//Новая философская энциклопедия. В 4-х тт. Т. 4. М., 2010. С. 395.
 Карасик В.И. Языковая матрица культуры. Волгоград, 2012.
 Налимов В.В., Дрогалина Ж.А. Реальность нереального. Вероятностная модель бессознательного. М., 1995.
 Рикёр Поль. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике/Пер. с фр. М., 2002.
 Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб., 2007.
 Славская А.Н. Личность как субъект интерпретации. Дубна, 2002.
 Шлейермахер Ф. Герменевтика/Пер. с нем. СПб., 2004.

З.Д.Попова

Принципы и категории инвентаризации структурных схем простого предложения

При характеристике синтаксической системы русского языка важным является определение структурных схем простого предложения.

Категорию структурных схем простого предложения выделили и начали обсуждать чешские лингвисты (Пр. Адамец, Р. Мразек, Ф. Данеш и др.). Структурных схем не очень много, они вполне исчислимы и обозримы. В них заключено предикативное отношение, в которое говорящий поставил субъект и предикат своего суждения (Попова 2009, с. 19-20). Идея чешских лингвистов каузировала труды российских синтаксистов по осмыслению

принципов и критериев инвентаризации структурных схем простого предложения русского языка.

Один из первых опытов выделения и инвентаризации структурных схем русского простого предложения предприняла Н.Ю. Шведова. За основу выделения структурных схем она взяла следующие критерии:

- формальную организацию, то есть характер главных членов предложения;

- принадлежность схемы к определенному типу парадигмы;

- систему регулярных реализаций схемы (Грамматика-70, с. 546; 47).

Инвентарь структурных схем Н.Ю. Шведовой насчитывает 39 формул, символизированных латинскими буквами, с которых начинаются латинские названия частей речи, то есть N – существительное, V – глагол и т.д. Например, N1 – Vf (ученик пишет), N1 – N1 (отец – учитель) и т.д. Полученный инвентарь Н.Ю. Шведова подразделила на 4 группы 1) двусоставные и односоставные предложения, 2) спрягаемо глагольные (*вечереет*), 3) наречные (*дождливо*), 4) инфинитивные (*встать*) (Грамматика-70, с. 546).

Такие критерии инвентаризации структурных схем В.А. Белошапкова определила как обращение к формальной организации предложения без учета его семантической структуры. Если на основе критериев Н.Ю. Шведовой выделяются минимальные структурные схемы, то на основе критериев семантической организации предложения В.А. Белошапковой выделяются расширенные структурные схемы простого предложения. Этот подход не отвергает обращения к формальной стороне предложения, но дополняет его включением в структурную схему ряда компонентов, необходимых для выполнения высказыванием коммуникативной функции (Белошапкова 1977, с. 110-111).

На основе критериев В.А. Белошапковой (а их разделяют многие зарубежные и отечественные синтаксисты) в структурные схемы включаются словоформы субъекта действия, независимо от их падежной формы (например, *его разбирало любопытство, отцом Фёдором овладел ужас, ему радостно, у него радость, в нем произошел душевный надлом* и др.) (Белошапкова 1977, с. 122, 130), словоформы объекта действия и другие, необходимые для информативной достаточности схемы. Инвентарь В.А. Белошапковой включает три блока: 1) двухкомпонентные номинативные; 2) двухкомпонентные инфинитивные; 3) однокомпонентные (Белошапкова 1978).

Существуют и другие варианты критериев инвентаризации русских структурных схем (подробно они описаны нами в: [Попова 2009, с. 19-20]), но, в основном, они тяготеют либо к формальной, либо к семантической организации предложения. Единства в понимании принципов и критериев инвентаризации структурных схем предложения пока нет. Эта ситуация стимулирует к продолжению поиска принципов и критериев такой инвентаризации.

В основе нашего подхода лежит принцип ориентации на синтаксический концепт, который обслуживают структурные схемы синтаксической системы языка. Категория синтаксических концептов обоснована нами в работах (Волохина, Попова 1999; Попова 2009). Напомним предложенное нами понимание синтаксического концепта.

Высказывание вербализует ту или иную пропозицию, которая состоит из нескольких компонентов смысла (деятель, действие, объект и инструмент действия, время, место действия и др.). Существуют типовые пропозиции, которые отражают жизненные ситуации, чаще всего повторяющиеся в реальной действительности и постоянно обсуждаемые говорящими. Именно для них создаются структурные схемы простого предложения, которые затем регулярно воспроизводятся в высказываниях и могут по мере необходимости дополняться словоформами, не входящими в эти схемы. Та типовая пропозиция, которая зафиксирована устойчивой структурной схемой простого предложения, и есть, в нашем понимании, **синтаксический концепт** (подробнее см.: Волохина, Попова 1999, с. 5-8).

Понятно, что структурные схемы вырабатываются для тех жизненных ситуаций, которые важны для говорящих. У разных этносов такие ситуации могут совпадать, но могут и различаться. Пока люди живут вместе, составляют единую общность, они создают и используют одинаковые структурные схемы с единой общепринятой семантикой. Расселение прежде единого этноса по разным территориям закономерно приводит при сохранении общего наследия к созданию новых языковых знаков и новых синтаксических концептов. Это позволяет разграничивать синтаксические концепты по их условному «возрасту», находить древнейшие базовые концепты и концепты более нового времени.

Итак, основной принцип выделения структурных схем простого предложения, предлагаемый в данном исследовании, – принадлежность некоторой совокупности структурных схем к семантическому полю одного синтаксического концепта и соответственно – разграничение совокупностей структурных схем, принадлежащих к семантическим полям разных синтаксических концептов.

На основе этого принципа могут быть выделены **критерии инвентаризации структурных схем простых предложений русского языка**.

Для определения базовых схем. Изосемичная вербализация синтаксического концепта, то есть полное совпадение синтаксической и лексической семантики структурной схемы и её лексического наполнения. Так, схема *кто находится где* изосемична выражаемому ею концепту «бытие объекта».

Для определения статуса небазовых схем, входящих в поле базового синтаксического концепта. Характер их соотношения с базовой схемой синтаксического концепта по синтаксической семантике и составу словоформ.

Для выделения общенародных схем из разнообразных речевых реализаций. Устойчивая, безвариантная воспроизводимость схемы на всей территории распространения изучаемого языка, в нашем случае русского.

Для определения схем, находящихся в новое время в процессе формирования, создающих новый синтаксический концепт. Неустойчивое, вариантное употребление, наличие территориальных, профессиональных, стилистических и других ограничений.

Для определения статуса фразеосхем, то есть застывших формул, допускающих варьирование лексического наполнения. Совпадение синтаксической семантики с семантикой базового концепта при отсутствии полной или хотя бы прозрачной мотивированной связи словоформ структурной схемы со словоформами базовой схемы.

Заметим, что характер соотношения небазовых схем с базовыми весьма разнообразен и даже иногда причудлив. Например:

– при полном совпадении схем по семантике в небазовой схеме имеются отличия в одной или нескольких словоформах, в том числе за счет их уменьшения или увеличения;

– при явной принадлежности к полю базового концепта небазовая схема детализирует, конкретизирует его семантику за счет новых сем и частично отличается по составу словоформ.

– при четкой мотивированности семантической связи с производящим базовым концептом схема деривата обслуживает новый синтаксический концепт и имеет достаточно заметные отличия в составе словоформ.

Возможны и другие соотношения между схемами базовых и небазовых синтаксических концептов. Рассмотрим такие соотношения на конкретных примерах.

В работах прошлых лет (Волохина, Попова 1999; Попова 2009) было обосновано выделение базовых синтаксических концептов простого предложения русского языка. Наиболее древние из них формировались еще в период индоевропейской общности и обнаруживаются в разных индоевропейских языках.

Концепт «бытие объекта», схема – кто/что есть где.

Концепт «бытие признака объекта», схема – кто/что есть какой/какое.

Концепт «инобытие объекта», схема – кто/что проявляет себя чем.

Концепт «самостоятельное перемещение агенса», схема – кто идёт куда, откуда.

Концепт «агенса воздействует на объект», схема – кто делает что.

К базовым мы относим и более поздние синтаксические концепты, формировавшиеся в период балтославянской и древнеславянской общности.

Концепт «небытие объекта», схема – кого/чего нет где.

Концепт «пациент претерпевает состояние», схема – кому необходимо/приходится что делать.

На основе структурных схем базовых концептов по мере развития системы языка формировались новые варианты этих схем, понадобившиеся для вербализации новых синтаксических концептов. Характер соотношения производных схем с базовыми проиллюстрируем по каждой базовой схеме отдельно.

На основе схемы концепта *«бытие объекта»* появляются варианты такого бытия: «совместное бытие двух объектов»: *кто был с кем*; «бытие принадлежности объекта»: *у кого есть что*; «бытие события»: *с кем случилось что*. В этих схемах изменились словоформы в позиции *где* и конкретизировалась ситуация бытия.

На основе схемы концепта *«бытие признака объекта»* появились вариации в обозначениях признака. Объект характеризуется не только по его собственному признаку, но и через его принадлежность к роду деятельности, к некоторому собственнику/владельцу, по отнесённости к некоторому множеству, через его идентификацию. Развиваются схемы: *кто есть кто, что есть что, кто /что есть чей, это есть кто/что*.

Значительно отдаляются по составу словоформ схемы, которые представляют признак действия: *что делать есть делать что; что делать есть что, что есть что делать*.

Особая схема характеризует объект по количественному признаку: *кого/чего есть/было/будет сколько*.

Все производные схемы совпадают с базовой схемой по семантике («бытие признака объекта»), но отличаются по указанию на вид признака, что достигается главным образом изменением словоформы в позиции *какой*, а иногда и изменением словоформы в позиции *кто/что*.

Концепт *«инобытие объекта»* в исторический период представлен уже целой россыпью лексически ограниченных вариантов: *кто двигает частью своего тела; кто/что звучит чем; что светит чем; что пахнет чем; что прирастает чем*.

Каждый из этих вариантов в зависимости от способа самопроявления в инобытии может иметь свои дериваты. Если семантика глагола включает указание на способ проявления объекта в инобытии, позиция *чем* устраняется (*кто дышит*). Для извлечения звука бывают нужны два предмета, тогда добавляется номинация этого второго предмета (*кто стучит чем по чему*). При полной ясности позиции *чем* она часто заменяется позицией *как* (*кто/что проявляет себя как*).

В рамках концепта «инобытие объекта» сформировался синтаксический концепт «состояние природы и окружающей среды», его структурная схема: *где самопроявляется (на востоке светает, в ушах звенит, в воздухе пахнет осенью и т.п.)*. В ходе формирования этого концепта позиция *кто/что* устраняется и заменяется позицией *где*. Мотивированная связь с базовым концептом поддерживается лексическими группами глагольных предикатов, но состав словоформ заметно изменён.

На основе базового концепта **«самостоятельное перемещение агенса»** и его схемы *кто идёт куда откуда* сформировалась целая серия лексико-морфологических вариантов с приставочными глаголами. Эти варианты детализируют разные виды перемещения по направлению, по отношению к пространственным реалиям, по расстоянию от них. Укажем основные из них.

Кто входит во что, кто выходит из чего, кто отошёл / ушёл от чего, кто подошёл/пришёл к чему, кто сошёл с чего, кто взойшёл на что, кто зашёл за что, кто прошёл сквозь что, через что, кто обошёл вокруг чего и некоторые другие.

Полностью совпадая с семантикой своего базового концепта, эти схемы развивают его, конкретизируя виды перемещения путем замены позиций *куда, откуда* разными словоформами в зависимости от семантики приставочного глагола.

На основе базового концепта **«агенса воздействует на объект»** и его схемы *кто делает что* образовалась страдательная конструкция *что делается кем/ что сделано кем*. Эта схема выражает вариант базового концепта: «объект подвергается воздействию агенса». Этот вариант перемещает позицию агенса на периферию высказывания, номинирование агенса иногда оказывается столь несущественным, что его позиция полностью устраняется и реализуется структурная схема *что сделано*. Лексическое наполнение базовой и производной схемы может полностью совпадать (*сестра пишет письмо – письмо пишется сестрой*), но семантика структуры и составляющие её словоформы существенно различаются.

Схема *кто делает что* способна совмещаться со схемой *кто идет куда откуда*. Такое совмещение индуцируют лексико-семантические группы глагольных предикатов.

В позиции *делает* стоит глагол из ЛСГ «нести»: *кто несет что куда*.

В позиции *делает* стоит глагол из ЛСГ «давать»: *кто дает что кому*. Место позиции *куда* заняла словоформа адресата действия *кому*.

В позиции *делает* стоит глагол из ЛСГ «брать»: *кто берет что у кого*. Место позиции *откуда* заняла словоформа владельца *у кого*, активно развивавшая статус посессивности в русском языке на базе общеславянской тенденции (о чем есть сведения в работе: Ушакова 2011, с. 41-44).

Таким путем создаются лексически ограниченные структурные схемы. Они дифференцируют разные виды воздействия агенса на объект. Подобные схемы отличаются устойчивостью, безвариантностью, являются общенародными. В традиционных грамматиках они не рассматриваются как структурные схемы, а зависимые от соответствующих глаголов предложно-падежные словоформы описываются в разделах о глагольном управлении в составе словосочетаний. По нашему мнению, данные

структуры должны включаться в инвентарь структурных схем простого предложения.

Укажем еще несколько таких совмещенных структурных схем.

Кто смешивает что с чем, кто меняет что на что, кто наполняет что чем, кто наделал чего сколько и др.

Во всех случаях образования указанных структурных схем играет роль семантика глагольного предиката, предопределяющая необходимость включения в схему падежных и предложно-падежных форм для достижения её информационной достаточности.

Формирующаяся в последние столетия структурная схема для вербализации концепта **«речемыслительная деятельность»** – *кто говорит /думает о чем* (подробно об этом процессе см.: Попова 2009, с. 90-92) в настоящее время активно расширяет состав глаголов, которые могут в ней употребляться, хотя литературная норма такое употребление запрещает. В устной, в том числе публичной речи, слышим: *было показано о том, диктует о необходимости принять меры, констатируется о влиянии русского языка, показывает о своей осведомленности, намекает о том, объясняет о том, определяет о том, не представляет о том, жалуются о том и мн.др.*

Несмотря на то, что употребление словоформы *о том* регулируется в грамматиках, справочниках и словарях, говорящие, реализуя синтаксический концепт «речемыслительная деятельность», упорно используют структуру с формой *о том*.

В настоящее время формируются синтаксические структуры для концептов эмоциональных состояний и воздействий на психологическое состояние людей. Можно наблюдать метафорическое использование структур, описывающих физические процессы, для сообщений об эмоциональных и интеллектуально-модальных переживаниях. Ср., например, структуры *кто опирается на что (на стену, на дерево)* и *кто надеется на что/на кого*; или структуры *кто давит на что (на ногу, на крышу)* и *кто влияет на кого* и др. Но единой схемы для такого концепта пока не создано.

От совмещения базовой схемы *кому необходимо делать что* и схемы *что делается кем* возникает структурная схема *кому кажется что*. С первой схемой она соотносится словоформой дательного падежа субъекта-пациенса, со второй схемой – словоформой глагольного предиката в форме страдательного залога и словоформой именительного падежа воспринимаемого пациенсом объекта. Эта совмещенная схема ограничена лексико-семантической группой глагольных предикатов неуверенного восприятия (*мерещится, чудится, снится* и др.). Известно, что такие схемы создают трудности при школьном грамматическом разборе, потому что они противоречивы. Ведь в них объект действия занимает место подлежащего, а субъект, претерпевающий восприятие объекта, представлен косвенным дательным падежом.

Так же противоречива и устойчивая схема *кому исполнилось сколько лет*. Она может использоваться и без глагола: *сколько тебе лет?*, и в шутливом варианте: *кому стукнуло сколько лет*. Формально в этой схеме *сколько лет* – подлежащее, *кому* – косвенное дополнение, но в пропозиции *кому* – субъект-пациенс, а *сколько лет* – предикативный признак субъекта.

На основе схемы *кому необходимо что делать* формировался её вариант *кому есть каково*.

Схема *кому есть каково* репрезентирует варианты состояний, претерпеваемых субъектом-пациенсом. Базовая схема *кому необходимо делать что* сообщает о претерпевании модального состояния. Схема *кому есть каково* вербализует претерпевание физиологических и физических состояний (*кому жарко, холодно, кому больно, трудно и т.п.*). В этой схеме номинация субъекта нередко устраняется, а вместо неё появляется позиция *где* (*в комнате было жарко, на улице было холодно и т.п.*). Иначе говоря, и на базе синтаксического концепта «пациенс претерпевает состояние» появляются схемы, обслуживающие концепт «состояние природы и окружающей среды». Формально такая структура признаётся безличной, но позиция лица-пациенса в ней при необходимости легко восстанавливается (ср. *на улице нам было холодно*).

Базовая схема *кого/чего нет где* актуализирует идею отсутствия объекта бытия. По мнению А.А. Потебни, словоформа род. падежа отсутствующего объекта-агенса – это бывший аблативный падеж, который и имел сему `удаление`. Видимо, эта сема определила употребление словоформы род. падежа и в схеме концепта «агенса воздействует на объект», если объект для воздействия отсутствует. Так появилась структурная схема *кто не делает чего*. Но эта схема отличается неустойчивостью, постановка в ней род. падежа объекта не обязательна. Вариантом этой схемы является структура *кто не делает что*. Схема варьируется в зависимости от того, действительно ли отсутствует объект (*не купили хлеба*) или он имеется, но над ним не выполнили действия (*не порезали хлеб*). Подробнее об этом см.: Попова 2009, с. 102-103. При глаголах, обозначающих отсутствие своим лексическим значением, постановка род. падежа объекта обязательна (*не достаёт чего, не хватает чего*).

На основе базовых схем и их вариантов и вариаций образовалось **много синтаксических фразеосхем**. Это устойчивые формулы, состоящие из определенных словоформ, которые в речевой практике могут наполняться разнообразной лексикой. Например, фразеосхема *что будет за кем* может иметь разные лексические наполнения: *победа будет за нами, последнее слово будет за председателем и т.п.*

Фразеосхема может быть записана символами. Например, N1 есть N1 (солдат есть солдат), N1 как N1 (ребенок как ребенок) и т.п.

Одна из словоформ фразеосхемы может быть лексически ограничена принадлежностью к узкой лексико-семантической группе или даже к небольшому синонимическому ряду.

Приведем примеры лексически ограниченных фразеосхем, мотивировка которых базовыми структурами утрачена, поскольку из свободного употребления вышли некоторые беспредложные падежные формы.

Кто владеет чем, кто скучает по кому, кто ждет чего, кто боится чего, кто радуется чему, кто принадлежит кому, что убыло/прибыло и др.

Итак, на основе теории синтаксических концептов структурные схемы простого предложения могут инвентаризироваться по перечисленным разрядам.

Каждый разряд структурных схем простого предложения требует той или иной методики преподавания иностранного, а также и родного языка. Понятно, что в синтаксисе принято изучать базовые схемы и производные от них схемы устойчивые. Неустойчивые схемы частично рассматриваются в стилистике. Фрагменты лексически ограниченных схем описываются в учении о словосочетаниях. Системное изложение порядка изучения структурных схем простого предложения на основе принципов и критериев их инвентаризации, предложенных в нашей разработке, могут в будущем сделать методисты. Осмысление и уточнение критериев инвентаризации структурных схем русского простого предложения на основе принципов, вытекающих из теории синтаксических концептов, будет продолжаться.

Белошапкина В.А. Современный русский язык. Синтаксис / В.А. Белошапкина. – М.: Высшая школа, 1977. – 248 с.

Белошапкина В.А. Минимальные структурные схемы русского предложения / В.А. Белошапкина // Русский язык за рубежом. – 1978. – № 5. – С. 55-59.

Волохина Г.А. Синтаксические концепты русского простого предложения / Г.А. Волохина, З.Д. Попова. – Воронеж: Облтипография, 1999. – 196 с.

Грамматика современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1970. – Раздел «Структурные схемы предложения и их регулярные реализации». – С. 546-576.

Попова З.Д. Синтаксическая система русского языка в свете теории синтаксических концептов / З.Д. Попова. – Воронеж: Истоки, 2009. – 210 с.

Ушакова А.П. Грамматические формы категории принадлежности в русском и сербском (сербохорватском) языках: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А.П. Ушакова. – Челябинск, 2011. – 57 с.

Проблемы изучения художественного текста

О.В. Арзямова

Психические механизмы обыденного языкового сознания в романе Д.Данилова «Горизонтальное положение»

В настоящее время проблема отражения обыденного языкового сознания в художественном тексте все больше привлекает исследователей (О.В. Евтушенко, М.Р. Шумарина, Т.В. Тимошина и др.).

Известно, что язык является продуктом лингвокреативной деятельности сознания как по содержанию (например, лексическому значению), так и по форме (например, грамматическим категориям). Языковое сознание формируется как «совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей» (Тарасов 2000, с. 26).

Рассмотрим данный аспект применительно к роману Дмитрия Данилова «Горизонтальное положение».

Язык романа «Горизонтальное положение» – это язык обыденного языкового сознания, созданный под влиянием окружающей повседневности. В данном произведении жизнь предстает как протокол – сухой, равнодушный, констатирующий только факты и отдельные сведения и лишенный личностных черт и ярких характеристик. Возникает картина серой, скучной, чрезвычайно монотонной повседневности. Создается впечатление, что автор, фиксируя всё происходящее, как будто выполняет свою работу механически.

С точки зрения языкового / речевого воплощения роман Дмитрия Данилова «Горизонтальное положение» интересен тем, что в определенной степени позволяет проследить, какие именно психические механизмы могут определять *обыденное языковое сознание* в конкретном художественном тексте.

К психическим механизмам, определяющим формы обыденного языкового сознания в романе, следует отнести следующие: рефлексивность, метарефлексивность, объяснительность, интерсубъективность, интеризованность, сукцессивность, симультанность и инерционность. Покажем объективацию некоторых из них.

В романе «Горизонтальное положение» *обыденная рефлексивность* (вербальное проявление психолингвистического механизма рефлексии, реализуемого в рамках конкретного текста) как особый механизм отражения обыденного сознания представлена достаточно разнообразно. Например, она проявляется в форме последовательных размышлений героя-субъекта речи. В этом случае обыденная рефлексивность, как

правило, реализуется на фоне таких семантических категорий текста, как сукцессивность (построение текста по принципу линейной последовательности) и симультанность (одновременность, которая осуществляется применительно к зрительному восприятию, а также интуитивному познанию и означает охват всех компонентов в рамках единого перцептивного и познавательного целого). Например:

Мимо по 2-й Вольской улице проезжает грузовая машина-платформа, на которой громоздятся покореженные кузова четырех или пяти легковых машин. Надо бы сфотографировать этот живописный, хотя и страшноватый объект, но почему-то фотографирование не состоялось. Трудно сказать почему. Наверное, проблемы с реакцией.

В романе «Горизонтальное положение» окружающие реалии, как правило, передаются совместно с мировоззренческими представлениями:

17 февраля

Позднее пробуждение.

Поездка в торговый центр “Сибирь” с целью приобретения некоторого набора продуктов. Принятие решения заехать по пути в торговый центр “Сибирь” на железнодорожный вокзал. Железнодорожный вокзал — это всегда интересно.

Здание вокзала — маленькое, одноэтажное. Скоро будет построено новое здание вокзала — огромное, многоэтажное. Но пока пассажирам остается довольствоваться старым зданием — маленьким, одноэтажным.

Здание вокзала до отказа заполнено пассажирами. Одни пассажиры стоят в бесконечной очереди, другие сидят на скамейках в зале ожидания.

Много заскорузлых, корявых мужиков с мешками, сумками и чемоданами. Много молодых парней такого типа и вида, что как-то не хочется сталкиваться с ними на так называемом жизненном пути.

На железнодорожном пути рядом с вокзалом стоит поезд Новый Уренгой — Екатеринбург. Наверное, все эти люди хотят уехать куда-нибудь на этом поезде.

Изучение расписания поездов. Интересно, ходят ли поезда до Надыма. До Надыма поезда не ходят. Зато ходят поезда до Ямбурга. До Ямбурга поезд идет целую ночь. Есть еще поезда до Москвы, Екатеринбурга, Казани.

Покидание вокзала, приобретение продуктов в торговом центре “Сибирь”, автобус 7, Сибирская улица, Таежная улица, офис газодобывающей компании.

Прием пищи, расшифровка интервью, горизонтальное положение, сон.

Достаточно часто перечисляются различные «обсуждения» и (как будто спонтанно) передаются всякие «разговоры»:

Обсуждение вопросов миссионерской деятельности, богослужебной практики, межличностных отношений в церковной среде, сравнение фототехники Nikon и Canon, обсуждение учебного процесса в Свято-Тихоновском университете, обсуждение конфессиональных корней извечного противостояния между шотландскими футбольными клубами “Селтик” и “Рейнджерс”, обсуждение достоинств принимаемой пищи.

Дмитрий периодически рассказывает смешные истории из церковного быта. Отец Андрей в шутливой форме предупреждает о пагубности специфического семинарского юмора. Дмитрий рассказывает еще одну историю, про какого-то диакона, и все смеются.

Как правило, рефлексивность, созданная на основе текстовой рефлексии, активно взаимодействует с таким психолингвистическим механизмом, как метарефлексивность.

Так, М.Р. Шумарина в исследовании, посвященном метаязыковой рефлексии в фольклорном и литературном тексте, отмечает, что в художественных произведениях обыденное языковое сознание выступает как «элемент эстетически организованного целого, что позволяет говорить о способах эстетического переосмысления метаязыковой информации и о приемах стилистического использования рефлексивов» (Шумарина 2009, с. 4).

В романе Дмитрия Данилова «Горизонтальное положение», как правило, представлены **обыденные метарефлексии** героя:

Расшифровка интервью. Вот один начальник рассказал все толково и складно, и расшифровка прошла легко, и интервью получилось хорошим, лаконичным, даже, можно сказать, прекрасным. Такое хорошее интервью, аккуратненькое такое, пригожее. А другой начальник рассказал по-другому. Пока он рассказывал и диктофон фиксировал его речь, казалось, что все хорошо и понятно и интервью получится удачным, а теперь вообще непонятно, о чем этот начальник говорил, то есть не то чтобы непонятно, но просто совершенно невозможно перевести эту устную речь в письменную. И что-то с этим надо делать. Ох. Ладно.

Метарефлексия может быть построена и как пересказ услышанного или содержания книги.

Авторская рефлексия также довольно часто переходит в метарефлексию, например, это происходит, когда автор сначала фиксирует происходящие события, а затем прибегает к так называемым «неконвенциональным» способам оформления прямой речи, которые могут быть представлены в виде традиционно не оформленных диалогов:

Профсоюзная улица, улица Кржижановского. На соседнем сиденье — два студента-кавказца. Разговаривают об университете, о сокурсниках, о девушках, о развлечениях. Пытаются установить контакт с девушкой, сидящей через проход наискосок. Девушка, не подскажете, сколько время.

Не подскажу. Не знаете? Не знаю. Девушка отворачивается к окну. Эх, девушка. И опять об университете, об однокурсниках, о девушках. Студенты-кавказцы говорят между собой по-русски. Может быть, они относятся к разным кавказским народностям и не знают родных языков друг друга и русский язык служит им языком межнационального общения. А может быть, им просто нравится русский язык, они очарованы его красотой, его тончайшей выразительностью, его громадными словообразовательными возможностями, и вот они поэтому говорят на этом великом языке, кто знает.

Другим, не менее важным качеством обыденного языкового сознания является **объяснительность**.

В романе автор, как правило, поясняет что-либо не только и не столько читателю, сколько самому себе, при этом, как правило, опираясь на житейские прописные истины (своеобразные «профанные» сведения), составляющие по своей сути основу универсальных знаний, сформированных на основе так называемой «универсальной пресуппозиции», которая складывается под воздействием универсальных речевых знаний и собственно языкового сознания субъекта речи. Таким образом, благодаря взаимодействию таких «обыденных» ориентиров, как объяснительность и рефлексивность, происходит корреляция обыденного сознания с собственно языковым сознанием субъекта речи.

По этому поводу М.Р. Шумарина пишет: «Обыденная рефлексия опирается на «наивное», в значительной степени мифологизированное представление о языке и на речевой опыт личности и коллектива. Она стремится к поиску и осмыслению доступных коммуникативных средств. Для обыденной рефлексии важны такие ориентиры, как практичность, объяснительность, мифологичность» (Шумарина 2009, с. 16-17).

Т.Н. Ушакова, определяя основные принципы исследования языкового сознания, отметила: «Понятие (термин) «языковое сознание» имеет широкое референтное поле, включающее две его основные разновидности: динамическую – выражение состояние сознания в вербальной форме, воздействие на сознание с помощью речи, – а также структурную, образуемую языковыми структурами, формирующимися в результате ментального опыта субъекта, действия его сознания. При всей широте этого референтного поля понятие языковое сознание имеет свою специфику, подчеркивая момент смыкания, совокупности феномена сознания, мысли, внутреннего мира человека с внешним по отношению к нему языковыми и речевыми проявлениями. Этот важный момент высвечивает главную сущность языка/речи – быть выразителем психического состояния говорящего (Ушакова 2011, с. 21).

Так называемый «момент смыкания», о котором пишет Т.Н. Ушакова, по нашему мнению, во многом является схожим с так называемым этапом «нивелирования», для которого, по мнению О.В. Евтушенко, «характерно

облечение в художественную форму продукта обыденного мышления» (Евтушенко 2011, с. 31).

О.В. Евтушенко отмечает, что художественное мышление занимает промежуточную позицию между обыденным и научным мышлением (там же, с. 10), а главным отличием художественного мышления от обыденного становится так называемая «нацеленность» «художественного мышления на внутреннюю сферу человека в отличие от обыденного мышления, направленного на сферу социальных и межличностных отношений» (там же, с. 41).

В романе «Горизонтальное положение» рефлексивные размышления часто сменяются рациональными высказываниями, имеющими характер объяснения:

Все в каком-то пару, дыму, дымке. Дымка образуется от дыхания людей и от машин, от испарений большого города. На сильном морозе в городе всегда образуется такая дымка. Это соответствует законам физики.

Объяснительность может также приобретать характер внутренних размышлений героя:

Ночь. Выпивание некоторого количества сухого белого вина “Изумрудная долина”. Вино “Изумрудная долина” изготавливается в Краснодарском крае. Вино “Изумрудная долина” — дешевое, низкокачественное. Но это ничего. Когда красное вино низкокачественное — это довольно-таки противно, а белое — нормально.

Обычно объяснительность устойчиво взаимодействует с перцептивной составляющей обыденного языкового сознания:

Выхино — довольно-таки отвратительное место. Два огромных рынка. На одном торгуют тряпьем, на другом — так называемыми продуктами. На улице перед метро выстроились кривым рядом стихийные торговцы непонятно чем. Прямо как в начале девяностых. Толкотня, грязь, слякоть. Бабы с кошелками и тележками. Нелепые кричащие вывески. На уродливом стеклянном павильоне вывеска — спиртные напитки, и тут же рядом — кредит;

Еще одной характерной чертой, отражающей особенности обыденного языкового сознания, является **интерсубъективность**. О.В. Евтушенко отмечает: «Поскольку обыденное мышление интерсубъективно, т.е. ориентировано на коллективную выработку знаний, и инерционно, т.е. настроено на то, что сложившаяся система знания будет служить опорой длительное время, особую значимость в составе концепта приобретают идеалы, стереотипы, образцы. Формой их фиксации могут служить паремии и прецедентные феномены....» (Евтушенко 2009, с. 74).

Подобные примеры проявления обыденного языкового сознания встречаются и в романе «Горизонтальное положение»:

Как говорили военнослужащие срочной службы Советской армии и как теперь, наверное, говорят военнослужащие срочной службы Российской армии, только сон приблизит нас к увольнению в запас».

К характерным чертам обыденного языкового сознания, имеющим опосредованное отражение в рамках художественного текста, следует отнести и такое качество, как **интеризованность** (включенность в речевую структуру внутренней речи):

Сонливость. Усталость. Но ничего, ничего.

Прием препарата ортофен.

Надо поесть.

Можно поесть в “Макдоналдсе”. Почему бы и нет. Один или два раза в год можно поесть и в “Макдоналдсе”.

В ассортименте “Макдоналдса” появились какие-то штучки из сыра. Употребление в пищу штучек из сыра, штучек из мяса, минеральной воды.

С интеризованностью также активно взаимодействуют такие семантические категории, как **сукцессивность** (линейная последовательность во времени) и **симультанность** (одновременность):

Прибытие ранним утром в Нижний Новгород ранним утренним поездом, встреча на вокзале с Сергеем, встреча на вокзале с Николаем, Вадимом и Анжелой, покупка в магазине съедобных веществ и напитков, доезжание до речного вокзала, посадка на небольшой кораблик, который называется “Омик”, поездка по Волге до острова Мочальный, высадка на остров Мочальный, Волга прекрасна, остров Мочальный прекрасен, встреча с Евгением, встреча с Евгенией и Дмитрием, встреча с другими литераторами, здесь будет поэтический фестиваль, прямо на природе, поэты будут читать стихи, будет неформальное общение, разговоры о литературе, политике, экономике, средствах массовой информации, спорте, все это должно было произойти в этот день, но не произошло, потому что накануне, 26 июня, было принято решение отказаться от поездки на остров Мочальный близ Нижнего Новгорода на поэтический фестиваль, потому что вот только-только практически прошло защемление нерва, не совсем еще, но почти, только стало возможно практически нормально ходить и почти не прихрамывать, и если провести целый день на природе, на волжских ветрах, если сидеть и лежать на еще холодной в это время земле, то, пожалуй, защемление нерва вернется, там что-нибудь опять застудится и защемится, и придется опять хромать и с трудом доползать от рабочего места до туалета, нет, лучше не ездить на остров Мочальный, хотя, конечно, жаль, очень жаль.

Вяловатая праздность, горизонтальное положение и сон, могучий и всепобеждающий.

Особо следует отметить такое ведущее качество обыденного языкового сознания, как *инерционность*.

Используя вместо понятия «обыденное сознание» понятие «обыденное мышление», О.В. Евтушенко, опираясь на работу венгерского философа Д. Лукача, отмечает, что обыденное мышление характеризуется инерционностью, непосредственным характером отражения, расплывчатостью результатов такого отражения (Евтушенко 2009, с. 74-75).

Приведем наглядный пример отражения инерционности в романе «Горизонтальное положение»:

Вот подошла маршрутка-“газель”. Вот подошла другая маршрутка, побольше. Вот подошел автобус с логотипом какой-то газодобывающей компании на борту, он развозит на работу и по домам сотрудников газодобывающей компании, логотип которой размещен у него на борту.

Когда же автобус 7, когда же автобус 7, когда же автобус 7, когда же автобус 7, сильное жжение в области лица, когда же автобус 7?

Прибытие автобуса 7. Здесь, на Ленинградском проспекте, ярко горят уличные фонари, и подъезжающий автобус 7 уже не выглядит темным прямоугольником с огоньками по углам, как на Сибирской улице, автобус 7 выглядит как и положено автобусу, и еще издали видно, что это едет автобус 7, наконец-то, наконец-то, жжение в области лица, наконец-то ты приехал, автобус 7.

Инерционность обнаруживается и в прямой речи говорящего. Следует особо отметить, что в романе и диалоги, и прямая речь традиционным способом не оформляются:

Пробуждение, собирание вещей, поездка на длинном джипе «мицубиси» в аэропорт. Регистрация, контроль, посадка в самолет «Boeing-737» авиакомпании «Газпромавиа». Взлет, набор высоты. Попытки читать учебник сектоведения, неудачные. Вам курицу или рыбу? Курицу. Вам с газом или без газа? С газом. Мы приступаем к снижению, пристегните ремни, пристегивание ремней. Стюардесса обходит салон и проверяет пристегнутость ремней. У некоторых пассажиров ремни не пристегнуты, стюардесса указывает им на это нарушение и на необходимость его устранения.

В анализируемом романе психическими средствами выражения инерционности, как правило, служат многочисленные повторы. Например, в представленном ниже фрагменте текста многократно повторяются глаголы *скопировать* и *удалить*:

Надо, значит, собирать вещи. Устранять следы присутствия.

Надо компьютер оставить в его изначальном состоянии, удалив из него все личное, персональное.

Сначала скопировать на флешку все написанные за почти два года материалы. На всякий случай. Портфолио, так сказать.

Скопировать все, что нужно, из папки Private, потом всю папку удалить.

Удалить все файлы с рабочего стола, всякие заметки, пометки и так далее.

Удалить аську, qip, фотошоп, оперу, футбол-менеджер. Можно было бы и файрфокс удалить, но ладно, пусть будет, может, пригодится кому. Кому-то, кто унаследует этот компьютер. Кто-то ведь его унаследует, неизбежно.

Анализ романа Дмитрия Данилова «Горизонтальное положение» показал, что в его речевой организации находит отражение устойчивая корреляция рефлексивных структур обыденного языкового сознания с определенными семантическими, лингвистическими и психолингвистическими механизмами. Становится также очевидной значимость разработки интегральной теории обыденного языкового сознания с учетом ее применения к специфике художественного текста.

Евтушенко О.В. Эволюция концептов художественной речи как отражение ее когнитивного потенциала: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / О.В. Евтушенко. – М., 2011. – 50 с.

Тарасов Е.Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания / Е.Ф. Тарасов // Языковое сознание и образ мира / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М.: ИЯ РАН, 2000. – С. 24-32.

Шумарина М.Р. Метаязыковая рефлексия в фольклорном и литературном тексте: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2009. – 47 с.

Ушакова А.П. Грамматические формы категории принадлежности в русском и сербском (сербохорватском) языках: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А.П. Ушакова. – Челябинск, 2011. – 57 с.

А.П. Бабушкин

«Тот самый Мюнхгаузен» в границах «возможных миров»

Объективный мир – это реальность, заданная в координатах пространства и времени. Философы определяют его как «бытие сущего», как действительность, которую отражает человеческое сознание, выстраивая образ мира, формируя его картину. Эту картину в ее вербализованном формате принято называть языковой картиной мира. Одна из специфических особенностей ЯКМ заключается в том, что она допускает существование (в отличие от научной картины) огромного

количества мифических объектов и субъективных характеристик (Корнилов 2003, с.21).

В семантике языка имеются мыслительные пространства, которые не копируют содержание окружающей нас действительности. Эти мыслительные конструкторы, также объективируемые языком, следует отнести к категории так называемых «возможных миров». Мысль человека способна выходить за пределы сущего, позволяя воображению рисовать «реальность нереального». То, насколько приближены эти картины к действительности или насколько они удалены от нее, определяется когнитивным опытом человека и человечества в целом (Бабушкин 2001, с.4).

Способность проникать за пределы сущего характерна для искусства в его различных ипостасях. Говоря о «возможных мирах» в области художественной литературы, обычно апеллируют к логическому и референциальному статусу изображаемых героев и событий. Оригинальную интерпретацию «иных миров», воплощенных в авторских текстах, представляет А.Д. Шмелев. С точки зрения ученого, эта проблема решается через обращение к особому роду «действительности», какой является вымышленная действительность, создаваемая пером писателя. Утверждение о том, что Шерлок Холмс – это реальный, некогда живший в Лондоне человек, – ложно в реальном мире, но оно оказывается истинным в мире рассказов о приключениях замечательного английского сыщика. Писатель как бы «притворяется», что повествует о реальном мире. Постулируется существование ряда возможных миров, в которых художественная фантазия представляется как достоверный факт, и из этого множества можно выделить такое подмножество миров, которые отличались бы от мира действительности в минимальной степени. Положения, истинные в каждом из этих возможных миров, будут рассматриваться в качестве истинных и в «мире» литературного вымысла (Шмелев 1995, с.115-116).

Зато без всякого «притворства», вполне осознанными в качестве художественной фикции создаются байки, произведения фэнтезийного жанра, волшебные сказки и явные небылицы. К произведениям подобного рода относится и забавная книжка Эриха Распе «Приключения барона Мюнхгаузена», разговор о которой начнем с одной исторической справки.

В 20^{-е} годы прошлого века возникло движение, направленное на полное искоренение вымысла в художественной литературе, прежде всего детской, на том основании, что строители новой жизни должны верить фактам, а не продуктам воображения, надуманным, неправдоподобным, а значит, и вредным. Однако, к счастью, среди участников дискуссии по поводу «литературы факта» и «фактов литературы» нашлись люди, которые открыто заявили, насколько важна для прогресса науки фантазия, насколько ценна «неустрашимая плодотворность» художественного вымысла. По их справедливому замечанию, вымысел нельзя приравнять к

«химерам» – образам, заполняющим сознание курильщиков гашиша или опия. «Самый отчаянный фантаст и визионер не «творит» свои образы, но слагает их, комбинирует, синтезирует из реальных данных и реальных элементов опыта. Поэтому даже в безумном и нелепом представлении всегда можно найти какой-то пусть ничтожный, но все же реальный эквивалент», – подчеркивал один из активных защитников вымысла известный советский философ В.Ф. Асмус (Асмус 1968, с.30).

Это относится и к «Приключениям барона Мюнхгаузена». В книге, полной неуместной фантазии, целиком сотканной из небылиц, тоже имеются рациональные моменты. Действительно, уже в самом начале приключений барона вымысел «заземляется» самим же автором. Это «заземление» можно усмотреть в «декорациях», на фоне которых развиваются события. В тексте повествования упоминаются реалии российской действительности: имена людей, «существовавших» в эпоху Мюнхгаузена, что позволяет «датировать» рассказанные им истории: царь Петр, фельдмаршал Миних; указывается на знаковый для России атрибут – колокольню, описываются климатические и природные явления нашей страны: мороз, снежные заносы, дремучие леса с их обитателями: зайцами, волками, медведями, кабанами и оленями; отмечаются характеристики, присущие русскому народу: веселье, тяга к вину и т.д.

Однако «правда жизни» не может вступить в соревнование с озорной фантазией писателя. Вспомним об охотничьих «победах» барона, о его трофеях в виде уток, по «сквозному принципу» нанизанных на веревку с кусочком сала; семи куропатках, пронзенных острием шомпола, выпущенного из ружья вместо пули, а также вывернутого наизнанку волка. В роли пули выступает и вишневая косточка, попавшая в голову оленя, из которой вырос усыпанный спелыми ягодами куст. Военные приключения Мюнхгаузена занимательны: он летит в стан неприятеля на пушечном ядре, скачет на половине лошади, когда вторая ее половина, отсеченная упавшей крепостной решеткой, спокойно «пасется» на лужайке; по бобовому ростку забирается на Луну, чтобы достать заброшенный туда и зацепившийся за рог месяца топорик (Распе 2011).

Одним словом, жизнь барона Мюнхгаузена протекает в пространстве одного из вариантов «возможных миров», рефлексированного в картине особого мира – назовем ее гротескной картиной. По определению Словаря иностранных слов Л.П. Крысина, гротеск – это нечто фантастическое, причудливое, затейливое и смешное, т.е. картина мира зависит от того, каков сам «мир», который она «картирует» (Крысин 2012, с.212). Специфика этого «возможного (а скорее, невозможного) мира» видится в абсолютном неверии в его существование, однако через это неверие читателей явно «просвечивается» вера в объективный мир как всеобъемлющую реальность, в которую человек включается на протяжении всей его жизни.

Об этом прекрасно сказал К.И. Чуковский в статье «Разговор о Мюнхаузене» (так у Чуковского!). «Именно при помощи своих фантазий и сказок эта книга утверждает ребят в реализме. Самый хохот, с которым встречаются они каждую авантюру Мюнхаузена, свидетельствует о том, что ложь им ясна. Они именно поэтому и хохочут, что всякий раз противопоставляют его измышлениям реальность. Это-то и радует их больше всего. Это повышает их самооценку: «Ага, ты хотел нас надуть, не на таковских напал!». Тут спор, тут борьба, тут полемика, и их оружие в этой борьбе – реализм» (Чуковский 1958, с.176). Таким образом, гротескная картина мира оказывается лишь одной из сторон двуплановой картины – за ней скрывается пространство реального мира, который полностью подтверждает ее фиктивность.

Но важно и другое. Барон Мюнхгаузен из старой детской книжки Э. Распе шагнул на современный «взрослый» киноэкран. В фильме «Тот самый Мюнхгаузен» он (в блистательном исполнении Олега Янковского) предстает как благородный и честный человек, восстающий против лжи и лицемерия высшего общества. Его шутки только кажутся лишенными здравого смысла, им находятся вполне закономерные объяснения. Так неутомимый выдумщик оказывается в пространстве еще одного «возможного мира», который люди нашего времени невольно ставят в параллель с миром удивительных приключений «настоящего» Мюнхаузена.

Асмус В.Ф. В защиту вымысла / В.Ф. Асмус // Вопросы теории и истории эстетики. – М.: Изд-во «Искусство», 1968. – с. 11-36.

Бабушкин А.П. Возможные мира в семантическом пространстве языка / А.П. Бабушкин. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2001. – 86с.

Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О.А. Корнилов. – М.: ЧеРо, 2009. – 349с.

Крысин Л.П. Иллюстрированный Словарь иностранных слов / Л.П. Крысин. – М.: Эксмо, 2010. – 863с.

Распе Э. Приключения барона Мюнхгаузена / Э. Распе. – М.: Эксмо, 2011. – 159с.

Чуковский К.И. От двух до пяти / К.И. Чуковский. – М.: Детгиз, 1958. – 367с.

Шмелев А.Д. Суждения о вымышленном мире: референция, истинность, прагматика / А.Д. Шмелев // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. – М.: Наука, 1995. – с. 115-122.

Освоение «неразрешимого вопроса» как особенность смыслового движения в поэтике художественного текста

Odejść. Zostawić go tutaj tak jak jest. Nie moja rzecz, co ja mam z tym wspólnego: wcale nie jestem obowiązany wiedzieć, jak to się stało, człowiek trochę piasku weźmie na dłoń a już gubi się bez ratunku w kupie nieobjętej, nieogarnionej, niezmiętej, niezliczonej...gdzie mnie tam do odkrycia wszystkich związków<...>

Уйти. Оставить здесь всё так, как оно есть. Не моё это дело, что у меня с этим общего: я вообще не обязан знать, как всё произошло, человек возьмёт немного песка на ладонь, и уже пропал без остатка в необъятной, неохватной, неизмеримой и неисчислимой гряде... где уж мне распутать все нити (Гомбрович 2001, с.550)

Естественный язык используется в применении к разным мирам – идеальному и должному, психологическому и предметному, мифическому и эмпирическому, запредельному и реальному, видимому и кажущемуся. Он служит далеко не только для передачи информации. Его назначения множественны. Нарушение законов логики не всегда говорит о пороке мысли. Оно может говорить о пороке мира и человека (Арутюнова 1990, с. 8-9). Жесткая структурированность языка и, наоборот, нежесткая структурированность внутреннего опыта, данного в ощущениях, создают видимое противоречие при анализе текста, апеллирующего к иррациональным духовным прозрениям. А внутренне понятное из опыта становится в тексте лишь маркером, отсылкой, порою непоследовательным умолчанием.

В эссе «Неразрешимое», написанном в 1984-85гг., Григорий Померанц (философ, культуролог, публицист, писатель; годы жизни: 1918-2013) обращается к развёрнутому описанию основной движущей силы своего творчества – движения через *отрицание возможности выразить самое главное* к попыткам его выражения так или иначе, вопреки установленным границам собственных возможностей:

«Созерцание неразрешимого вопроса – один из вечных подступов к Богу. Можно даже сказать, что неразрешимый вопрос – это один из ликов Бога.

Подвижникам Дальнего Востока помогал метод коанов, т. е. заведомо неразрешимых вопросов <...> Насколько я понимаю, суть здесь не в решении одной загадки (или нескольких таких иррациональных загадок), а в созерцании всей жизни под образом неразрешимого вопроса <...>

Самые обыденные житейские неразрешимости – подобие непостижимого перехода от человека к Богу. Разве нелепый вопрос – как звучит хлопок одной ладони – не стал великим коаном?<...>

По-настоящему взглянуть в неразрешимое – это не меньше, чем постоянная молитва или созерцание Распятия. В ответ

неразрешимому открывается и углубляется сердце. Я не достиг этой последней глубины. Но меня тянет и тянет к ней, и мысли мои вьются и вьются вокруг неразрешимого, бесконечные попытки дать безымянному имя (сегодня, сейчас: вчерашние имена недействительны). Попытка «хоть раз не солгать» там, где всякая мысль есть ложь, все догматы – только подобию, иконы непостижимого» (Померанц 1998, с.44-45).

«Неразрешимое» выступает внешне – как некая область, центр движения («мысли мои вьются и вьются вокруг» – курсив М.Владимирова), и внутренне – как то, что заполняет, расширяет («в ответ<...> открывается и углубляется сердце»). Применительно к традиции художественного мышления через отрицание теологический термин *апофатика* (от греч. αποφατικός – «отрицающий») появляется в книге «Философия возможного» М. Эпштейна: «В теологии наряду с катафатическим, «утвердительным», направлением, которое выносит определенные положительные суждения о природе и свойствах Бога, существует апофатическое, «отрицательное», считающееся более совершенным. Апофатическая теология выражает абсолютную трансцендентность Бога через нетождественность, иноположность Его всем видимым проявлениям через отрицание Его имен и атрибутов. Любое определение оказывается несоизмеримым с тем, что должно оставаться скрытым в себе Абсолютом. В своем отношении к высшей реальности авангард тоже как бы разделяется на два направления, которые можно условно обозначить теми же терминами» (Эпштейн 2001, с.232).

Апофатическую традицию можно применить не только к художественной, но и к научной картине мира. В таком случае исследование посвящается проблемам лакуарности, неполноты. Например: «принципы отражения неполноты словоизменительных парадигм глагола в толковых словарях основательно никем не разрабатывались» (Тихонов 1998, с.7). Здесь объектом изучения видится не то, что имеется, а то, чего нет, и то, почему этого нет. В данном случае, пожалуй, сам термин не имеет большого значения – важен сам принцип обращения внимания на отсутствие чего-либо, его характер и причины.

В другом эссе – «Поэзия духовного опыта» – Померанц приводит отрывок из письма Пастернака (от 18 октября 1933г.) двоюродной сестре Ольге Фрейденберг:

«Ах, много бы я мог тебе написать на эту тему пережитого и передуманного, но всякий раз, как в письме или работе подходишь к главному и уже готовому, потому что найденному до всего остального, то такая тоска прутковская охватывает (необнимаемости необъятного), что именно главное это и оставляешь в умолчании. Не потому, чтобы мысль изречённая была ложью или вообще изреченью не поддавалась. Нет, нет, совсем не потому. Но физическое ощущение бесконечности, корнящейся во всяком общем положении, так

перевешивает у меня интерес к его содержанию, что я изложением жертвую из какой-то внутренней зябкости, из страха озноба, который для меня неминуем на этом пустыре.

Оттого-то и захвачено у меня второстепенное, сколько я ни писал, теза оставалась неназванной. У всех этих вещей отрублены хвосты, каждый из которых, если бы дать им волю, должен был бы разрастись в трактат или, точнее, нечто бесконечное о бесконечном.

Тут-то и пролегает водораздел между гением и человеком средних способностей. Первый именно не боится этого холода. И тогда, вопреки Пруткову, Паскаль охватывает необъятное и только и делает, что пишет принципиально о принципах, и набрасывает бесконечность бисернее и непринуждённее, чем Бунин какую-нибудь осень» (Пастернак 2000, с. 189). И далее Померанц объясняет: «Общее понятие для него — что-то вроде имени Бога, и это значение важнее, чем научный смысл термина, например, пространственности в слове «пространство». Общее понятие для Пастернака — не число, а Бог. И Пастернака охватывает озноб, он отшатывается от святая святых» (Померанц 1998, с.213). В письме Пастернака дан принципиально иной взгляд на проблему «неразрешимого»: первоначальный «предмет» («главному и уже готовому, потому что *найденному до всего остального*» — курсив М. Владимирова) не может быть дан в словах, так как появляется внутренний запрет на всякое описание «бесконечного». В обоих случаях отрицание возможности постичь/ описать порождает сильнейший импульс к языковому творчеству («бесконечные попытки дать безымянному имя» у Померанца, «теза остаётся неназванной» у Пастернака).

У Н.Д. Арутюновой можно найти описание альтернативной логики отрицания (в которой отсутствует принцип исключённого третьего): «Н. А. Васильев переосмыслил понятие отрицания. Отрицательные суждения в его системе считаются непосредственно проистекающими из опыта. Они имеют равный статус с положительными предложениями. Те, кто живет в воображаемом мире, способны испытывать не только ощущение белого цвета, но и ощущение не-белого, причем эти ощущения совместимы. Совмещение выражается индифферентным суждением. Автор, таким образом, различает три типа суждений по качеству: положительные, отрицательные и индифферентные. В его системе действует не закон исключённого третьего, а закон исключённого четвёртого» (Арутюнова 1990, с.8-9). Художественное сознание вырабатывает собственную логику, в которой последующие смыслы обогащают и вытесняют предыдущие: так «непостижимое» становится объектом описания, не теряя собственной непостижимости, и «бесконечное» можно описать «бисернее и непринуждённее, чем <...> какую-нибудь осень», но в силу «внутренней зябкости» оно не может быть описано и остаётся неназванным.

Арутюнова Н.Д. От редактора//Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста. – М.: Наука, 1990. - С. 3-9

Гомбрович В. Космос : [Сборник] / Витольд Гомбрович ; Сост., предисл. и общ. ред. Р. В. Грищенко; Пер. с пол. А. Н. Ермонского и др. — СПб. : Кристалл, 2001 .— 733, [2] с.

Пастернак Б.Л. Пожизненная привязанность : Переписка с О. М. Фрейденберг / Б. Пастернак; Сост. Е. В. Пастернак, Е. Б. Пастернак; Вступ. Е. Б. Пастернака .— М. : Арт-флекс, 2000 .— 414 с.

Померанц Г.С. Страстная односторонность и бесстрастие духа / Григорий Померанц; Отв. ред. Г. Э. Великовская .— М.;СПб. : Университетская книга, 1998 .— 616,[1] с.

Тихонов А.Н. Русский глагол:проблемы теории и лексикографии / А.Н. Тихонов.— М. : Academia, 1998 .— 278с.

Эпштейн М. Философия возможного / Михаил Эпштейн ; вступ. ст. Г. Л. Тульчинского; Междунар. каф. ЮНЕСКО по философии и этике СПб Науч. центра РАН .— СПб. : Алетейя, 2001 .— 334 с.

Gombrowicz W.
file:///C:/Users/Админэ/Downloads/Программы/chomikuj.pl/
andreher/KSIc484c5bbKI/Witold+Gombrowicz++-+Kosmos,371354981.html
[дата обращения: 11.09.12]

В.В. Диденко

Особенности мифонимов и их перевода на русский язык в «Сказке про водяных» Карела Чапека

Карел Чапек стоял у истоков современной чешской литературной сказки. В 1918 году он стал идейным инициатором и редактором первого тома «Короба сказок» («*Nůše pohádek*») – как и другие сказки того времени, они позволяли читателям сбежать от жестокой реальности и обрести надежду в мире добрых историй для детей (Marková 2008, с.10).

В 1921, 1923 и 1924 годах в газете «Лидове новины» к Рождеству публикуется по одной сказке Карела Чапека. Среди них – «*Pohádka vodnická*» («Сказка про водяных»), которая была впервые издана 25 декабря 1923 года.

В сказке встречается 15 мифонимов, в 53 словоупотреблениях. Мы называем их мифонимами вслед за Н.В. Подольской («Имя вымышленного объекта любой сферы ономастического пространства в мифах и сказках...»), так как все 15 онимов именуют водяных. В то же время многие из этих имён являются реальными чешскими фамилиями.

Оним *Jireček* (*Иречек*) именует старого водяного, которому пришлось переехать с обжитого места в связи с тем, что среду его естественного обитания изменили люди. Существует фамилия *Jireček*, например,

Konstantin Jireček (Константин *Иречек*) – чешский историк, при этом у чехов, скорее всего, её звучание вызывает ассоциации со словом *říčka* – ‘речка’, которые, возможно, и стали решающим фактором называния персонажа.

Для наименования водяных были использованы реальные фамилии: *Kreuzmann* (нпр., чешский оперный певец и актёр František *Kreuzmann* – Франтишек *Кройцман*), *Zelinka* (Jan *Zelinka* – Ян *Зелинка*, чешский композитор), *Kulda* (Beneš Metod *Kulda* – Бенеш Метод *Кульда*, чешский священник, писатель, собиратель фольклора), а также *Faltys* (*Фалтыс*) и *Slepánek* (*Слепанек*). Что касается последнего, нетрудно заметить сходство фамилии с чешским словом *slepý* (‘слепой’). Возможно, выбор онима объясняется попыткой добиться комического эффекта, ведь *Слепанек* ещё и хромым, а работает при этом водопроводчиком: «...kulhavý *Slepánek* se stal instalatérem a dělá vodovody...» (Čapek 1972, с.110) («хромым *Слепанек* стал сантехником и проводит водопроводы»).

В эту же группу можно включить и оним *Liška*. Это реальная фамилия (Zdeněk *Liška* – Зденек *Лишка*, чешский композитор), но в то же время слово *liška* имеет значение ‘плут, старая лиса’. Также у водяного есть прозвище *Hejkavce* (*Гейкавец*). Не исключено, что персонаж родственен фольклорному герою, которого называют *hejkal* (*гейкал*) или *hejkadlo* (*гейкадло*). Это лесной дух, нечто напоминающее лешего из русских сказок. Все три слова фонетически объединяет слог *hej* – в фольклоре *гейкал* ночью в лесу издаёт страшные звуки, ср.: русск. эхо.

Как и другие сказки Карела Чапека, «Сказка про водяных» состоит из нескольких историй. Одна из них о том, как водяной научил воду петь. Так как все водяные – существа пожилые, память у них на имена слабая. И старый водяной *Лишка* долго вспоминает, кто именно научил воду петь. Комический эффект достигается тем, что *Лишка* подбирает имена, казалось бы, абсолютно разные по звучанию: «Tak tehdy byl živ jeden vodník, jakpak se honem jmenoval? *Rákosník*, ne *Rákosník*, *Minařík*, taku ne, *Hampl*, taku ne *Hampl*, *Pavlásek*, taku ne, hergot, jakže se jmenoval?» (Čapek 1972, с.115) («Вот тогда жил один водяной – как же его звали? *Ракосник* не *Ракосник*, *Минаржик* – тоже нет, *Гампл* – не *Гампл*, *Павласек*, нет – чёрт, как же его звали?»).

Онимы *Minařík*, *Hampl* и *Pavlásek* также имеют реальные фамилии-аналоги: чешский художник Jan *Minařík* (Ян *Минаржик*), математик Miloslav *Hampl* (Милослав *Гампл*), чешский теннисист Adam *Pavlásek* (Адам *Павласек*). *Rákosník* же крайне редкая фамилия. По данным статистики с сайта kdejsme.cz, в 2011 году на территории Чешской республики проживал только один человек с такой фамилией. Разумеется, в 20-е годы прошлого века ситуация могла быть иной, но, скорее всего, в сказке *Ракосник* не просто оним, а имя-характеристика. Слово *rákosník* обозначает птичку камышовку, а *rákos* – ‘камыш, тростник’ (ср.: русск.

рогоз), что связывает оним с болотом и, следовательно, делает имя почти идеальным для водяного.

И вот *Лишка* перебирает все варианты, а *Кройцман* подсказывает, что того водяного, который научил воду петь, звали *Arion* (*Арион*). *Лишка* сообщает, что *Арион* был талантливым музыкантом, но *Кулда* поправляет его – не музыкантом, а поэтом: «„A ten Arion měl vám takový divný dar <...> On dovedl tak krásně mluvit a zpívat, že jednomu srdce skákalo a zase zaplakalo, když zazpíval. Takový to byl muzikant.“ „Básník,“ opravil Kulda» (Čapek 1972, с.115).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что прототипом *Ариона* стал греческий лирический поэт и певец *Arión z Méthymny* (*Арион Метимнейский*), который в какой-то степени был связан с водой – согласно рассказу, передаваемому Геродотом, *Арион* плыл с сокровищами (которые заработал своим пением) на корабле. Моряки, желая завладеть богатствами певца, выбросили его за борт, однако *Арион* был спасён дельфином. Возможна и другая связь онима с миром водяных. Дело в том, что *Arion* (*Арион*) – род лёгочных улиток, слизняков, которые обитают во влажных местах.

В последней истории речь идёт о водяном, который опустил небо в воду. «...a udělal to vodník Kvakvakvokoax, a to z lásky» (Čapek 1972, с.116). «...А сделал это водяной *Кваккваквокоакс* ради любви». Он влюбился в прекрасную (по меркам водяных) принцессу, по имени *Kuakuakunka* (*Куакуакунка*). Эти два мифонима созданы автором на основе звукоподражания кваканью лягушек. Исследователь Л.Маркова считает, что частое повторение этих онимов (18 словоупотреблений на два мифонима) на относительно небольшом пространстве текста, создает некое подобие скороговорки (Marková, с.20). Особенно ярко это проявляется в последних абзацах сказки:

«„A kdo to dokázal?“

„Kvakvakvokoax.“

„Ať žije Kvakvakvokoax!“

„A Kuakuakunka!“» (Čapek 1972, с.120).

(«– А кто это доказал?

– *Кваккваквокоакс*.

– Да здравствует *Кваккваквокоакс*!

– И *Куакуакунка*!«)»

Услышав этот диалог, прохожий решает, что лягушки сильно расквакались, и бросает камень в болото.

В «Сказке про водяных» Карел Чапек использует реальные антропонимы для наименования вымышленных персонажей, приближая таким образом сказочную действительность к реальной, размывая между ними границы. Однако при этом автор подбирает онимы не случайно – он пытается сделать их запоминающимися и заставить юного читателя улыбнуться, привить ему любовь к языковой игре.

В 50-х годах прошлого века сборник Карела Чапека «Девять сказок» («Devatero pohádek») был переведён на русский язык Б.В. Заходером. Среди них была и «Сказка про водяных».

Так как большинство онимов здесь – встречающиеся в реальных именниках фамилии, то переводчик в основном пользовался транскрипцией/транслитерацией. Таким способом были переведены следующие онимы:

Faltys – «A tu si vodníci vypravují, že jaroměřský vodník *Faltys*...» (Čapek 1972, с.110) – «И тут кто-то из водяных рассказывает, что яромержский водяной *Фалтыс*...» (Чапек 1977, с.149).

Zelinka – «„A jak to,“ ptal se *Zelinka*, který byl stár jenom sedm tisíc let...» (Čapek 1972, с.114) – «– А как же, – спросил *Зелинка* (ему ведь было всего семь тысяч лет)...» (Чапек 1977, с.150).

Kulda – «„To byly,“ vzpomínal ratibořický vodník *Kulda*» (Čapek 1972, с.113). – «Было, было... – сказал задумчиво ратиборжский водяной *Кулда*» (Чапек 1977, с.149).

Minařík и *Hampl* – «*Rákosník*, ne *Rákosník*, *Minařík*, taky ne, *Hampl*, taky ne *Hampl*, *Pavlásek*, taky ne, hergot, jakže se jmenuoval?» (Čapek 1972, с.115) – «*Ракосник* не *Ракосник*... *Минаржик*? Тоже нет... *Гампл*? Нет, не *Гампл*... *Павлишек*? Тоже нет... Господи ты боже, как же его звали?» (Чапек 1977, с.150).

В последнем примере переведены ещё два онима – *Rákosník* и *Pavlásek*. В первом случае была использована транскрипция/транслитерация, которая привела к тому, что оним потерял для русского читателя свою связь со словом *rákos* – ‘камыш’. Что касается фамилии *Pavlásek*, которая в чешском языке явно связана с именем *Pavel* (от римского личного имени *Paulus* – ‘скромный, малый’), то она переведена как *Павлишек*. *Pavlišek* – не самая распространённая гипокористическая форма от *Pavel*. А если вспомнить о том, что в сказке этот оним употреблён в ряду других фамилий, то логично было бы и его посчитать фамилией, а не личным именем. Однако, как показывает современная статистика, в Чехии проживают 400 человек с фамилией *Pavlásek* и ни одного с фамилией *Pavlišek*. Возможно, переводческую трансформацию можно оправдать тем, что благодаря ей оним становится более похожим на русские гипокористические формы от *Павел* – *Павлик*, *Павлуша*.

Переводчику пришлось столкнуться и с другими «семантически прозрачными» именами. Например, *Jireček* переведён следующим образом: «...takže se tamní vodník, jako starý *Jireček*, musí odtamtud vystěhovat...» (Čapek 1972, с.110) – «...и тамошний водяной... как бишь его?... старый *Иречек*, должен оттуда переселиться...» (Чапек 1977, с.149). В данном случае оним сохраняет в русском языке связь со словом *речка*.

Также сохранил при переводе фонетические связи со словом *слепой* и оним *Slepánek*: «...kulhavý *Slepánek* se stal instalátérem a dělá

vodovody...» (Čapek 1972, с.110) – «...хромой *Слепанек* стал слесарем и чинит водопроводы...» (Чапек 1977, с.149).

С помощью традиционной немецкой транскрипции переведена фамилия *Kreuzmann*: «„Inu,“ povídá starý *Kreuzmann*, trutnovský vodník...» (Čapek 1972, с.113) – «– Н-да, – говорит старый *Крейцман*, трутновский водяной...» (Чапек 1977, с.149). Неслучайно водяной живёт в Трутнове, ведь до 1945 года основное население этого чешского города составляли именно немцы.

Фамилия *Liška* тоже не стала исключением и была транскрибирована: «„Ba,“ povídal *Liška* řečený *Hejkavec*...» (Čapek 1972, с.113) – «– Да уж, – сказал *Лишка*, по прозвищу *Леший*...» (Чапек 1977, с.150). А вот в случае с мифонимом *Hejkavec* была проведена лексическая замена – на привычного для русской культуры *Лешего*.

Транскрипцией/транслитерацией переведено и имя *Arion*: «A ten *Arion* měl vám takový divný dar ...» (Čapek 1972, с.115) – «И этот *Арион* имел, скажу я вам, такой дивный дар...» (Чапек 1977, с.150).

Мифонимы *Kvakvakvokoax* и *Kuakuakunka* были транскрибированы, и при этом сохранилось их сходство с кваканьем лягушек: «*Kvakvakvokoax* se zamiloval. *Kvakvakvokoax* viděl princeznu *Kuakuakunku* a zaplanul k ní láskou, kvak» (Čapek 1972, с.117). – «*Кваквакоакс* влюбился. Он увидел принцессу *Куакуакунку* и запыхал к ней любовью, квак!» (Чапек 1977, с.152). Однако не сложно заметить, что в переводе оним *Kvakvakvokoax* теряет один слог. Возможно, Б.В. Заходер посчитал, что имя слишком неудобно для восприятия русских детей, поэтому сократил оним на один слог.

Существенное преобладание транскрипции/транслитерации в передаче онимов на русский язык также указывает на преобладание реальных имён, что, несомненно, можно назвать одной из ярких черт литературной сказки вообще и в частности – стиля Карела Чапека, чья «Сказка про водяных» наглядно демонстрирует приём приближения явно вымышленного персонажа и, как следствие, всего происходящего к читателю через имя этого персонажа.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – М., 1978.

Чапек К. Собрание сочинений. В 7-ми томах. Т. 6. Рассказы, очерки, сказки. – М., 1977.

Marková L. Komika v pohádkách bratří Čapků. – Brno, 2008.

Čapek K. Devatero pohádek a ještě jedna jako přívazek od Josefa Čapka. – Praha, 1972.

Драйсави Хусейн Кадим Маджди, О.Н. Чарыкова

Сравнение как компонент поэтического идиостиля (лингвокогнитивный аспект)

Художественный текст всегда несёт в себе черты языковой личности его создателя, «отмечен, по справедливому замечанию А.Ф.Ашимовой, неповторимой авторской индивидуальностью» (Ашимова 2013, с.7), что позволяет говорить об авторском идиостиле. Поэтому исследование художественного текста, языка отдельного автора не может обойтись без обращения к этому понятию (Тарасова 2009, с.54). «Понятие стиля, указывает В.В. Виноградов, является везде и проникает всюду, где складывается представление об индивидуальной системе средств выражения и изображения, выразительности и изобразительности, сопоставленной или противопоставленной другим однородным системам» (Виноградов 1961, с.8). Согласно его трактовке, стиль писателя – это система индивидуально-эстетического использования свойственных данному периоду развития художественной литературы средств словесного выражения (Виноградов 1959, с.85). Это определение конкретизируется и уточняется другими исследователями, например В.В.Пищальниковой, рассматривающей художественный идиостиль как целостную систему, которая «возникает вследствие применения своеобразных принципов отбора, комбинирования и мотивированного использования элементов языка» (Пищальникова 1992).

Общепризнанным является тот факт, что в формировании идиостиля художника слова определяющую роль играет специфика используемых им тропов. И особая роль в их ряду принадлежит сравнению, поскольку оно не только наиболее ярко демонстрирует особенности ассоциативных механизмов индивидуального творческого мышления, но и является источником образования других тропов художественной системы данного автора (сравнения, метафоры, гиперболы и др.)

Сравнение является важным показателем специфики индивидуального художественного сознания, которое реализуется через идиостиль. На этот факт указывает ряд исследователей. Например, М.А.Бакина и Е.А. Некрасова выделяют сравнение в качестве важного параметра сопоставления идиостилей разных художников слова (Бакина 1986, с.84; Некрасова 1979, с.225), а В.А.Ваганов отмечает, что «каждому мастеру слова присуща специфическая система сравнений и своеобразные способы их применения в тексте» (Ваганов 1991, с.3).

Исходя из вышеизложенного, рассмотрим некоторые аспекты использования сравнений в поэзии С.Есенина и В. Маяковского.

В свете современной научной парадигмы наиболее плодотворным представляется лингвокогнитивный подход к анализу данного феномена, поскольку сравнение играет большую роль в формировании

концептуальной картины мира, уточняет и конкретизирует представления человека о предметах и явлениях.

Когнитивный подход позволяет трактовать сравнение как ментальную операцию, в результате которой возникает особая когнитивная структура, трёхчленный когнитивный блок, состоящий из: 1) ментальной единицы, которую подвергают сравнению, 2) ментальной единицы, с которой сравнивают первую, 3) ментальной сущности, являющейся основанием для сравнения.

В лингвистике компоненты этого когнитивного блока определяются следующим образом: А – предмет сравнения (и соответствующая языковая единица, репрезентирующая его); В – образ сравнения (и соответствующая языковая единица); f – формальный показатель сравнения; С – основание сравнения (и соответствующая языковая единица).

При анализе языковой репрезентации данной когнитивной структуры в художественном тексте выявляются определённые соотношения между когнитивной сферой и её языковым воплощением.

На синтаксическом уровне сравнение как трёхчленная когнитивная структура репрезентируется посредством набора определённых конструктивных единиц. Наиболее частотным является выражение компаративных отношений посредством сравнительного оборота в составе простого предложения, что наблюдается в творчестве обоих поэтов – как у С.Есенина:

*Небо словно вымя,
Звёзды как сосцы...* (Тучи с ожерёба...)

*Как будто бы на корточки погреться
присел наш клён перед концом зари ...*(Исповедь хулигана), так и у В.Маяковского:

*Берёт, как бомбу,
берёт, как ежа,
как бритву обоюдоострую.
Берёт, как гремучую в двадцать жал змею двухметроворостую...*
(Стихи о советском паспорте)

*Растет улыбка, жирна и нагла,
рот до ушей разросся,
будто у него на роже спектакль-гала
затеяла трупна малороссов* (Моё отношение к этому)

*И так однажды разозлясь,
Что в страхе всё поблекло...* (Необычайное приключение...);

Языковая компаративная структура может быть изоморфна когнитивной, а может быть асимметричной по отношению к ней.

Изоморфной является такая сравнительная конструкция, которая так же, как когнитивный блок, состоит из трёх структурных компонентов. Например, в сравнительной конструкции С.Есенина *глаза, как яхонты горят* существительное *глаза* обозначает предмет сравнения, *яхонты* – образ сравнения, глагол *горят* – основание сравнения; у В.Маяковского в сравнительном обороте *дождик толст, как жгут* существительное *дождик* – предмет сравнения, *жгут* – образ сравнения, *толст* – основание сравнения.

Асимметричной является такая языковая структура, которая в отличие от репрезентируемого ею когнитивного блока, состоит только из двух структурных компонентов. Асимметрия языковой структуры по отношению к когнитивной обусловливается отсутствием лексической экспликации одного из компонентов когнитивной структуры – основания сравнения. Например, в контекстах С.Есенина *«Нефть – как чёрная кровь земли»* и В.Маяковского *«Они (бюрократы) и на скалу глядят, как на мандат»* основание сравнения имплицитно.

Имплицитность основания сравнения является релевантной в аспекте каузации у реципиента креативного начала, поскольку не названный автором художественного текста признак (или признаки) восстанавливается самим читателем в соответствии с эталонами окружающего мира, контекстом, ассоциациями и эрудицией.

На лексико-грамматическом уровне текста конститuentы когнитивной сравнительной структуры объективируются посредством определённых морфологических единиц и/или их сочетаний.

Предмет сравнения репрезентируется:

- именами существительными, например:

Башка моя, словно август,

Льётся бурливых волос вином (С. Есенин. Исповедь хулигана)

Висят плавнички,

как подбитые крылышки (В.Маяковский. Мелкая философия на глубоких местах).

-личными местоимениями, например:

...*Я* такой же, как ты, хулиган (С.Есенин. Хулиган).

Мы крепки,

как спирт в полтавском штофе (В.Маяковский. Юбилейное)

Основание сравнения в случае его эксплицитного выражения репрезентируется преимущественно атрибутивными единицами и глаголами.

Образ сравнения представлен следующими разновидностями.

- образ-предмет (выраженный существительным), например:

Я нарочно иду нечёсан.

С головой, как керосиновая лампа, на плечах (С.Есенин. Исповедь хулигана)

*Как сельди,
в сети чулок
плывут
кругосветные дамы* (В.Маяковский. Еду).
-образ-ситуация (выраженный глаголом в составе сравнительного придаточного предложения)

*А за окном
Протяжный ветер рыдает,
Как будто чуя близость похорон* (С.Есенин. Метель);

*Как будто
пришёл
к социализму в гости,
от удовольствия –
захватывает дых* (В.Маяковский. Рассказ литейщика Ивана Козырева)

Следовательно, каждый из конституентов когнитивной компаративной структуры репрезентируется посредством лексико-грамматических категорий, наиболее адекватно отражающих его сущность и функцию в процессе познания и отражения мира.

На лексическом уровне текста когнитивная интерпретация семантики и частотности употребления лексических единиц, объективирующих конституенты компаративной когнитивной структуры, позволяет определить следующее.

1. Применительно к *предмету* сравнения выявить ключевые концепты художественной картины мира поэта и ранжировать их по степени аксиологичности для его художественного мировосприятия. Например, и для С.Есенина, и для В.Маяковского наиболее частотным предметом сравнения является человек. Но есть когнитивные сферы, объекты которых становятся предметом сравнения только у одного из поэтов. Так, животные и растения в качестве предмета сравнения используются только в поэзии С.Есенина, а у В.Маяковского значительное место занимают сравнения, предметом которых являются слово, его части и словесные произведения. Например:

*Я вам открою
Словами
Простыми, как мычанье,
Наши новые души ...* (Трагедия)

Слог изыскан, как борзая... (Птичка божия)

...чтоб не таял **стих**,

как дым клубимый (Наше новоегодие)

2. Применительно к образу сравнения когнитивная интерпретация позволяет определить когнитивно релевантные для художественного сознания поэта фрагменты национальной концептосферы. Например, как указывает Л.Л.Бельская, среди есенинских живых существ наиболее многочисленны птицы (Бельская 1990, с.38). Это наблюдение, сделанное относительно всей образной системы лирики С.Есенина, оказывается справедливым и для образов сравнений. В его поэзии используются следующие номинации: птица, ворон, голубь, желна, журавль, касатка, кукушка, лебедь, малиновка, орёл, сова, сорока. Например:

Месяц, словно жёлтый ворон,

Кружит, вьётся над землёй ...

Как скелеты тощих журавлей,

Стоят ощипанные вербы...

Как птицы, свищут вёрсты из-под копыт коня...

Как желна, над нею мгла носилась...

Золотой пролетит сорокою урожай над твоей страной...

Излюбленным образом С.Есенина был образ лебедя. Он использует его для описания явлений природы. В его стихах «лебедем красным плавает тихий закат», «снова выплыл из рои синим лебедем мрак». С лебяжьей шеей ассоциируются стебли ржи: «все колосья в поле, как лебяжьи шеи», «Не звенит лебяжьей шеей рожь», «Режут серпом спелые колосья, как под горло режут лебедей». Вызывает ассоциации с лебедем и образ любимой: «Руки милой – пара лебедей, в золоте волос моих ныряют»; «И меня твои лебяжьи руки, обвивали, словно два крыла». Примеры показывают, что поэт использует образ лебедя при описании самых дорогих для его поэтического мировосприятия объектов: природы, ржи – главного смысла крестьянской жизни – и любимой женщины.

Специфика образа птицы в поэтических сравнениях С.Есенина служит ярким проявлением его творческой индивидуальности.

А в стихах В.Маяковского образ сравнения часто связан с когнитивной сферой «война». Например:

...железки строк случайно обнаруживая,

вы

с уважением

ощупывают их,

как старое,

но грозное **оружие** (Во весь голос)

*Веселье,
грохот,
как будто пушки!* (Маруся отравилась).

3. Применительно к *основанию* сравнения когнитивная интерпретация позволяет выявить наиболее значимые для художественного мировосприятия поэта когнитивные признаки предмета сравнения.

Регулярность и частотность соотнесения в компаративных единицах предметов и образов сравнения, выражаемых лексическими единицами, объективирующими определённые фрагменты национальной концептосферы, свидетельствуют о существовании в художественной картине мира образных парадигм, репрезентирующих значимые для художественного мировосприятия каждого из поэтов устойчивые соотношения определённых когнитивных сфер окружающей действительности.

Посредством единичных парадигм репрезентируются индивидуально-авторские особенности мировосприятия художника слова.

Таким образом, анализ языковой объективации когнитивного блока «сравнение» позволяет проникнуть в глубинные механизмы когнитивных процессов художественного сознания, то есть является результативным приёмом выявления релевантных черт художественной концептосферы, языковая репрезентация которой определяет индивидуальный стиль.

Ашимова А.Ф. Лингвистический анализ индивидуальной творческой системы Б.Л.Пастернака на примере романа «Доктор Живаго» /А.Ф.Ашимова // 2 International Scientific Conference “European Applied Sciences : modern approaches in scientific researches”. Volume 2. – Stuttgart, 2013. – P. 7 – 9.

Бакина М.А. Эволюция поэтической речи XIX – XX вв. (Перифраза. Сравнение) / М.А.Бакина, Е.А.Некрасова. – М.: «Наука», 1986. – 191 с.

Бельская Л.Л. Песенное слово. Поэтическое мастерство С.Есенина. – М.: Просвещение, 1990. – 144 с.

Ваганов А.В. Сравнения в художественных произведениях М.А.Шолохова: автореф. дис. ...канд. филол. наук / А.В.Ваганов. – Ростов-на-Дону, 1991. – 21 с.

Виноградов В.В. О языке художественной литературы / В.В.Виноградов. – М.: Госполитиздат, 1959. – 654 с.

Виноградов В.В. Проблема авторства и теория стилей /В.В.Виноградов. – М.: Госполитиздат, 1961. – 614 с.

Некрасова Е.А. Сравнения общезыкового типа в аспекте сопоставительного анализа художественных идиолектов / Е.А.Некрасова // Лингвистика и поэтика. – М.: «Наука», 1979. – С.225 – 237.

Тарасова И.А. Индивидуальная концептосфера как основа поэтического идиостиля//Держава та регіони: Науково-виробничий журнал. Серія: Гуманітарні науки. 2009. №3-4. С. 54-58.

Пищальникова В.А. Проблемы идиостиля. Психолингвистический аспект. – Барнаул : Алтайский гос.ун-т, 1992. – 73 с.

В.В.Инютин

Глубина обыкновенного (о прозе А. Ягодкина)

Сейчас в литературе трудно кого-либо удивить непатетическим героем, живущим в обыденной обстановке, занятым обыкновенными проблемами. Литература совершенно обоснованно пришла к мысли о том, что каждодневность может быть столько же увлекательной, как и высокий, что называется, романтический порыв. В прозе А. Ягодкина представлена бытовая фактура изображения: героиня поглощена подробностями разведения черепашек и собак («Черепашки»). Пьющий сотрудник газеты, добывая средства, чтобы похмелиться, выпивает чистую воду, не заметив этого («Сила духа») и т.д.

Казалось бы, сюжеты приземлённые, анекдотичные. Но А. Ягодкин умеет, совершенно не преувеличивая значимости быта, выбрать такие эпизоды, в которых неожиданно открывается вечность. Это очень высокое умение, подлинное мастерство. У автора прослеживается второй смысл текста. Например, в рассказе «Черепашка» представлена простая, на первый взгляд, история, не случайно беседа ведётся во время прогулок с собаками. Возникает сюжет о судьбе домашних черепашек. Почему героиня так привязана к черепахам? Это чувство совершенно несовременное – любовь к живому существу. Странность этого чувства подчеркнута неординарностью объекта – не собака, не кошка, а черепашка. Ведь не в черепашках самих само по себе дело. Героиня как мировую трагедию переживает их гибель, поскольку черепашки в рассказе становятся воплощением ответственности человека за судьбу братьев наших меньших.

Обыденно чудовищное зло. Никто: ни автор, ни герои не скажут высоко трагических фраз. Но суть именно в каждодневном трагизме жизни.

Когда-то было выражение: «Среда заедает». Она и заедает. Но есть люди, у которых органически, неотвратимо остаются простые человеческие представления, чувства, сила духа. Герой об этом не подозревает, но действует по общечеловеческим законам, и ничего с этим не поделаешь («Отец олигарха»)!

Есть в поведении персонажа, старого отца, человека, имеющего болезни, просто случайные привычки, особенности поведения на грани с предрассудками. Впрочем, некоторые привычки старика, идущие вразрез с

цивилизацией, можно оценить и как особую деликатность, и как дремучее невежество. Весь вопрос в том, кто оценивает.

Явно, что этот персонаж, Фёдор Михайлович, извлечённый из своей среды, теряется, мечется. У него – «надрыв». Он даже начинает спиваться. И спасением, точкой опоры для человека, не мыслящего своей жизни без природы, становится уход за деревьями и клумбами во дворе городского дома, где он теперь живёт. Фёдор Михайлович таким образом возвращается не только к природе, но и к себе.

Один из самых глубоких и трагических рассказов А. Ягодкина – «Жизнь невольника». Это рассказ о матери и материнской любви. Героиня воспринимается своими взрослыми детьми с раздражением. Она словно неуместна со своими заботами, хлопотами кажется им суетливой, сумбурной. Ей хочется быть полезной: «Давайте я вам что-нибудь подлатаю... вот курточка совсем новая; ну, дырка, мы её заделаем» (с. 20). Матушка со своей старомодной человечностью и смешна, и неуместна. Но это и есть истина души. Только никто этого уже понять не может. Страшновато становится.

Матушка никого не обременяла своими болезнями, своей смертью. Но в слабости душевного порыва – непреодолимая сила нравственно глубочайшего вечного чувства. Оно даже сильнее смерти. Именно оно, а не энергичное, деятельное, напористое свойство современного понимания: «Она приходит почему-то к жене. И там, в темноте, они о чем-то шепчутся» (с.24).

Героиня, матушка, самоотверженна (правда, другим, видимо, кажется, что несовременно стеснительна). Она всё оставляет близким, детям: «Матушке ничего не нужно было от жизни. А, если и было нужно, мы ей этого не дали» (с.23). Матушке уже открылась разгадка самой главной тайны – тайны любви к близкому человеку. Только проявляется любовь к детям на самом будничном уровне. Это сложно, просто невозможно выдержать. И ещё сложнее об этом написать. А. Ягодкину это удаётся.

Впрочем, сложная метафора реальности, возникающая из символического образа мира, – тоже не редкость в прозе А. Ягодкина. На символично-метафорическом материале он выстраивает повесть «Бег с бабочками» (она дала название книге). И вновь сам символ с виду прост, незамысловат: сонм бабочек, однажды летом поднимающихся над водой. Получается и неудержимость естественного начала в природе и в человеке, и стремление подняться над заурядностью света. Бабочки – частицы души. Их полёт нельзя отбрасывать. Он помогает обрести смысл существования.

Очерки, точнее публицистика А. Ягодкина читающим (и думающим) воронежцам хорошо известны. Диапазон его видения мира широк: от убийственной сатиры («К нам приехал, к нам приехал») до пронзительного сострадания («И каждое утро, в час назначенный»). А. Ягодкин, даром, что не только литератор, но и журналист, обращает внимание на самые живые темы жизни общества и человека. «К нам

приехал...» – об известной дальневосточной целительнице. Сколько же шарлатанов «совершенно нагло используют» затравленность, загнанность, замороженность современного человека, чтобы урвать свой барыш? Маги, чародеи, потомственные гадалки, чудодеи... И каждый грабит, обирает, обманывает. Сделать ничего нельзя: это сущность миражного, алчного общества. А. Ягодкин в своей публицистике хотя бы называет вещи своими именами. Прямо и жестко. Он обращается к читателю в надежде докричаться до него, воззвать к его совести.

Воры, мошенники, прохиндеи, лукавые деятели в слове А. Ягодкина получают по заслугам. Но это в слове. В реальности – процветают. Что делать будем?

Здесь уместно сказать: это сочувствие обычному человеку, его неуклюжей судьбе. Персонаж, который когда-то именовался «маленький человек», – вот любимый герой А. Ягодкина. Я полагаю, что с таким пониманием души честного человека, его проблем, его драмы в современной литературе редко кому удаётся писать.

Нашей воронежской литературе повезло – А. Ягодкин умеет раскрыть эту сложнейшую и важнейшую проблему.

Ягодкин А. Бег с бабочками. – Воронеж: ГУП ВО «Воронежская областная типография», 2011. – 528 с.

Т. Ю. Кудрявцева

Графическая репрезентация деепричастного оборота как элемент пунктуационной архитектоники текста

Интерпретация пунктуации как «совокупности иерархически организованных позиций, маркированных или немаркированных знаками препинания или другими пунктуационными средствами, призванными обеспечить единство текста и его частей, текстовые связи семантических единиц одного языкового уровня, а также межуровневые связи» (Кольцова 2006, с. 32), представляется одним из важных аспектов изучения художественного текста. В статье мы рассмотрим, какова структурная и семантическая роль в тексте знаков препинания, оформляющих деепричастный оборот, и проиллюстрируем теоретические положения примерами из текстов В. Маканина (представленных в базе Национального корпуса русского языка <http://www.ruscorpora.ru/>). Выбор материала обусловлен богатством и разнообразием пунктуационных средств и приемов, которые этот художник слова использует в своих произведениях для графического выделения конструкций, включающих в свой состав деепричастие.

Традиционным и, пожалуй, наименее семантически нагруженным знаком препинания, применяемым для обособления деепричастного оборота, выступает двойная запятая: *Завершая свитерно-брючную обыденность, лыжная шапочка делает его чудаковатым; Продолжая путь вдоль ровно стоящих пятиэтажек, он выходит знакомой асфальтовой тропой к пустырю...; Одиноким прохожий возник, но и он, увидев другого человека, шмыгает куда-то за угол дома и там ждет; Жена, взяв мочалку, моет сыну руки; Ключарев протискивается до самой горловины, вползая и цепко держась; И, оступившись, вдруг садится, обхватив руками живот и тяжело дыша.* Следует отметить, что двойные знаки препинания в полной мере проявляют свой семантический потенциал при положении обособляемого члена в середине предложения. Замена одного из двойных знаков препинания знаком начала (заглавная буква) или конца (точка, многоточие, вопросительный и восклицательный знаки) ослабляет их выделительную функцию.

Использование двойной запятой делает зримой пропозиционную осложненность структур, содержащих деепричастие, подчеркивая их синтаксический статус. Выделительной силы запятой обычно достаточно для того, чтобы указать на смысловую и грамматическую зависимость деепричастного оборота – от сказуемого, с одной стороны, и от подлежащего, с другой: *Пытаясь вырваться, Чурсин делает отчаянные усилия, но едва он, работая локтями, отбивается в сторону, как его тут же волочет с общей массой назад.* Характерно, что отсутствие формальных средств, маркирующих позицию между обособленным членом и остальным составом предложения, оказывается семантически значимым: *Ключарев и оберегаемая Оля стоят обнявшись.* Тесно примыкая к группе сказуемого, деепричастие обеспечивает смысловую завершенность высказывания, заполняя семантическую, а иногда и грамматическую лакуну.

Для усиления позиции и увеличения коммуникативной нагрузки деепричастного оборота авторы прибегают к использованию более экспрессивных знаков препинания – скобок и тире.

В отличие от двойной запятой, объединяющей функции разделения и выделения, тире является «как бы отделительно-соединительным знаком» (Иванова 1962, с. 31) и помимо этого выполняет функцию предупреждения (Шварцкопф 1988, с. 16).

Тире на месте нормативной запятой усиливает обособление: *Он даже вернулся к коридорному перекрестку, к столь редкому добродушному санитару и – сориентировавшись – направился теперь уже в обратный ход и изгиб, в левое колено больничного коридора; Раскланявшись – разлетались в стороны; И юноша – услышав или угадав его настороженность – тоже чутко замер.*

При этом тире оказывается мощным актуализатором пропозиционной структуры предложения, вскрывая дополнительные смыслы в отношениях

между сказуемыми – первым, сказуемым матричного предложения, и вторым, репрезентированным деепричастием (Ломов 2004, с. 61): *Однако и остыв – не пришел*. Часто тире замещает позицию сказуемого базисного предложения, фиксируя грамматические пропуски: *Он – стоя и держа плащ и портфель, она – сидя в кресле*. Либо способствует выявлению семантико-грамматических связей основной части предложения и обособленной конструкции, привнося добавочные смысловые оттенки в отношения однородных элементов (в данном случае сказуемых) матричной структуры: *Они стоят, подняв лица к отцу, как бы вынуд и выложив свои детские души, – ждут*.

Знак тире используется и для членения предложения на коммуникативно значимые части: *Женищина срывается с постели – высунув голову в дверь, она цыкнула на малыша; и притворяет дверь плотнее; Он не дождался, пока развяжут руки или напоят из стаканчика, – стоя на коленях и склонившись к быстрой воде лицом, долго пил; Ключарев видит девушку-продавца, – держа раскрытый томик в руке, она следит за стихотворной строкой глазами и одновременно слышит стих в авторском исполнении (нирвана?)*. В положении между частями сложносочиненного предложения тире, поглощая одну из двойных запятых, обозначающих деепричастный оборот, одновременно маркирует принадлежность обособленной группы к определенному структурному блоку, чем обеспечивается ясность прочтения и трактовки текста: *В третьем окне Тартасова узнали – завидев его лицо, к окну подскочила Галя...; Рисунки были слишком хороши – нравясь там и тут, он мог стать неспешным утонченным портретистом*. Несомненно существенна в структурном блоке сложноподчиненного предложения роль пониженной в ранге пропозиции, образованной деепричастием, подчеркнуто актуализированная благодаря появлению знака тире на стыке частей: *Опер только перетаптывался, ревниво ожидая – вернет бинокль зек?*

Наиболее выраженной выделительной силой из двойных знаков обладают скобки – «они фактически изолируют заключенный в них текст от предложения» (Шварцкопф 1988, с. 42). Скобки не заключают в себе общей функции связи и всегда двукомпонентны, поэтому, в отличие от запятой и тире, не теряют выделительной силы в зависимости от позиции и не могут быть поглощены другим знаком препинания.

Как правило, скобки используются для выделения в тексте «инородных» элементов, к числу которых относят в первую очередь вводные и вставные конструкции, содержащие дополнительные сообщения, авторские пояснения: *Набегал (или, зарывшись в траву, Рубахин вызывал его в себе?); Словно бы на прощанье (прощаясь и, быть может, прощая его) юноша вновь обрёл более или менее ясные черты (и как вспыхнуло!); Не зная, на что решиться (колеблясь), я остался стоять напротив их дома; Но от навалившейся сегодняшней усталости (или, может, не желая выжечь до дна мои зрачки) Башалаев сам закрыл себе глаза*. Скобки

становятся мощным средством выражения авторской интенции, актуализируя наиболее значимую в коммуникативном плане часть текста.

Выделение деепричастных оборотов с помощью скобок помогает автору довести мысль до высшей степени конденсации через изображение максимально сконцентрированного действия. Воссоздаваемые картины дробятся, обрастая уточняющими и расширяющими описание деталями, в результате чего событие приобретает объемность, широту охвата – прежде всего (в силу семантики деепричастий) временного и пространственного: *Пленных (наконец построив) повели к машинам; В армейском «козлике» ГАЗ-69 (с какой пылью, с каким ветерком!) мчал он по горным извилистым дорогам в районный центр, пока не подкатывал наконец к известному зданию с колоннами, куда и входил, не сбавляя шага (и не глядя на умученных ожиданием посетителей и просителей), прямоком в кабинет; В ванной, закатав рукав (и что-то напевая, озвучивая быт), я по-тихому обработал на руке одеколоном и ватой четыре ранки разной глубины.*

Зачастую скобки свидетельствуют об изменении не только формы мысли, но и ее содержания: *Он стоял всего в нескольких шагах от кустов, за которыми лежали двое живых (прячась, они залегли) и мёртвый; Раздосадованный, я пополз к нему быстрее и вдруг (уже потянувшись к карманам) понял, что он не спит. А поддержанные восклицательным знаком (знаком, обычно маркирующим позицию конца), включенным в их структурный блок, служат сигналом перемены модальности высказывания: Развернулись и поспешили (вспомнив!) каждый назад к своему углу – к вышкам.*

Особо следует сказать о конструкциях экспрессивного синтаксиса – в первую очередь о парцелляции. Она подразумевает полное не только интонационное, но и семантическое вычленение деепричастного оборота: *Тартасов шел и шел. Не разбирая дороги. Ноги привели сами; Она нет-нет и появляется как знак. Не давая человеку сойти с пути; Небо, в которое можно глядеть... Задрав голову... Идти и думать о синеве; И вышел, посвистывая. Набираясь отваги....* Точка и многоточие (углубляющее смысловую разобщенность) здесь выступают как «субститут» запятой.

Выделительная сила парцеллированных элементов высказывания приумножается благодаря появлению «двойного» обособления – в случаях, когда наряду с точкой применяются скобки: *...Афонцев за обедом обнаружил в своей миске кусок говядины. (Наткнувшись на него ложкой.); Вот тут она смутилась. (Уже почувствовав победу.); Гурьев, из 473-й, проборматывает иногда отдельные сумбурные моленница, просьбы, молитвы-самоделки, не отдавая, правда, себе в этом отчета. (Боясь отдавать отчет.).* Использование таких пунктуационных контаминаций в художественном тексте усиливает позицию выделения и акцентирует внимание на деепричастном обороте, делая его значимым в коммуникативном и смысловом плане, привносит в текст экспрессивность, эмоциональность, служит средством выражения авторской интенции.

Подводя некоторые итоги, отметим, что совокупность пунктуационных средств и приемов в художественном тексте являет собой не просто элемент усложненной формы. Зачастую знаки препинания не только выделяют конструктивно значимые блоки, но и маркируют важные в коммуникативном плане части текста, определяя характер отношений между ними. Пунктуация, особенно в прозаическом тексте, выступает мощным орудием «создания особого ритма и объемности, многомерности текстового пространства» (Кольцова 2006, с. 119), отражает синтактико-смысловое членение текста. Рассмотренная в коммуникативно-прагматическом аспекте система пунктуационно-графических средств позволяет выявить скрытые смыслы и значения, на структурно-семантическом уровне обнаружить уникальные черты авторского мировидения.

Иванова В. Ф. История и принципы русской пунктуации / В. Ф. Иванова. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. – 64 с.

Кольцова Л. М. Пунктуационный эксперимент в художественном тексте: монография / Л. М. Кольцова. – Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2006. – 194 с.

Ломов А. М. Русский синтаксис в алфавитном порядке: Понятийный словарь-справочник / А. М. Ломов. – Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2004. – 400 с.

Национальный корпус русского языка Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 05.06.2013).

Шварцкопф Б. С. Современная русская пунктуация: система и ее функционирование / Б. С. Шварцкопф. – М.: Наука, 1988. – 192 с.

Л.В. Леденева

Художественное своеобразие романа Кадзуо Исигуро «Остаток дня»

Кадзуо Исигуро родился в Японии (Нагасаки) в ноябре 1954 года. Когда ему было пять лет, его семья переехала жить в Британию. Он является автором таких известных произведений, как «Там, где в дымке холмы» (1982), «Художник зыбкого мира» (1986), «Безутешные» (1995), «Когда мы были сиротами» (2000), «Не отпускай меня» (2005) и другие. Его работы были переведены на несколько языков мира, но настоящую известность писателю принес роман «Остаток дня», опубликованный в 1989 году.

Роман начинается с пролога, в котором автор рассказывает о событиях, разворачивающихся в поместье Дарлингтон-Холл (Англия) в 1956 году. Он

представляет собой дневник, в котором дворецкий Стивенс описывает свое шестидневное путешествие на запад страны, однако большая часть книги посвящена событиям на рубеже двух мировых войн.

Дарлингтон-Холл, где Стивенс проработал более 35 лет, теперь принадлежит американцу, мистеру Фаррадею, который и предлагает дворецкому взять заслуженный отпуск. Это первый отпуск Стивенса за пределами Дарлингтон-Холла. Не будучи способным смириться с идеей бесцельной поездки, Стивенс решает воспользоваться таким щедрым предложением хозяина и навестить бывшую экономку мисс Кентон (теперь миссис Бенн) в надежде убедить ее вернуться в Дарлингтон-Холл, чтобы решить проблемы, возникшие в ведении хозяйства. Он говорит: «The fact is, over the past few months, I have been responsible for a series of small errors in the carrying out of my duties» (Ishiguro 1993, p. 5). «Дело в том, что за последние несколько месяцев я допустил ряд погрешностей при исполнении своих прямых обязанностей» (Исигуро 2012, с. 11). Однако, сам того не осознавая, он надеется вернуть потерянную любовь, любовь мисс Кентон – женщины, на чьи чувства много лет назад он не смог ответить взаимностью. Дворецкий и бывшая экономка были влюблены друг в друга, но из-за нерешительности Стивенса она вышла замуж за другого и покинула поместье. В возвращении мисс Кентон в Дарлингтон-Холл он видит решение всех проблем: «...it is clear that even after a break of so many years, Miss Kenton would prove the perfect solution to the problem at present besetting us at Darlington Hall» (Ishiguro 1993, p. 48 – 49); «...появление в Дарлингтон-Холле мисс Кентон даже после столь долгого перерыва, несомненно, станет идеальным решением проблемы, беспокоящей нас в настоящее время» (Исигуро 2012, с. 67). Однако подсознательно Стивенс хочет исправить ошибки, допущенные много лет назад, и надеется на то, что мисс Кентон вернется не только в Дарлингтон-Холл, но и в его жизнь.

Поездка Стивенса на запад страны порождает также и другое путешествие – в прошлое и в глубины чувств и эмоций. Таким образом, в романе имеет место «взаимосвязь временных и пространственных отношений», которую М.М. Бахтин определял как хронотоп (Бахтин 1975, с. 234). «Время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории» (Бахтин 1975, с. 235). Повествование в романе ведется от первого лица и представляет собой перемещение между несколькими временными периодами. Проживаемые Стивенсом события шести дней в настоящем, переплетаясь с его отрывочными воспоминаниями, образуют единое целое. Исигуро использует прием ретроспекции. Посредством цикличного представления времени автор создает такой эффект, как будто события прошлого происходят в режиме реального времени.

По мере удаления от дома Стивенс вспоминает прожитые годы и задумывается о сущности своей профессии и роли дворецкого. Он считает, что «достоинство дворецкого состоит в полном самоотречении, растворении личности в профессиональной сфере» (Сидорова 2005, с. 220). Стивенс абсолютно уверен, что цель его жизни – служить хозяину и выполнять свою работу в совершенстве. В те моменты жизни, когда он считает, что состоялся как дворецкий, происходят потери в личной жизни (Сидорова 2005, с. 220 – 221). Так, его отец умирает в самый разгар конференции, когда Стивенс был настолько занят приемом гостей, что не смог подойти к постели умирающего: «Miss Kenton, please don't think me unduly improper in not ascending to see my father in his deceased condition just at this moment. You see I know my father would have wished me to carry on just now» (Ishiguro 1993, p. 106); «...не считайте меня таким бесчувственным, раз сейчас я не пошел попрощаться с отцом на смертном одре. Понимаете, я знаю, что, будь отец жив, он не захотел бы отрывать меня от исполнения обязанностей» (Исигуро 2012, с. 143).

По мере развития сюжета, становится очевидным, что Стивенс не только размышляет о значении своей профессии, он пытается найти смысл своей жизни, поскольку если не принимать во внимание его профессионализм и достоинство, то останется не так уж и много. С гордостью описывая свою службу, он говорит: «A “great” butler can only be, surely, one who can point to his years of service and say that he has applied his talents to serving a great gentleman – and, through the latter, to serving humanity» (Ishiguro 1993, p. 117). «“Великим”, конечно же, может быть лишь такой дворецкий, который, сославшись на долгие годы службы, имеет право сказать, что поставил свои способности на службу великому человеку, а тем самым – и человечеству» (Исигуро 2012, с. 156). Однако величие лорда Дарлингтона, перед которым так преклоняется Стивенс, оказывается иллюзорным: руководствуясь старомодными принципами благородства, бывший хозяин Стивенса попадает под влияние фашистов и отстаивает их интересы. Все доводы дворецкого, приводимые в защиту бывшего хозяина, быстро теряют силу, и Стивенс осознает, что и его жизнь потеряла все признаки «величия», что годы безупречной службы оказались потраченными впустую, что он не внес свой вклад на благо человечества: «Lord Darlington wasn't a bad man. He wasn't a bad man at all. And at least he had the privilege of being able to say at the end of his life that he made his own mistakes. His lordship was a courageous man. He chose a certain path in life, it proved to be a misguided one, but there, he chose it, he can say that at least. As for myself, I cannot even claim that. You see, I trusted. I trusted in his lordship's wisdom. All those years I served him, I trusted I was doing something worthwhile. I can't even say I made my own mistakes. Really – one has to ask oneself – what dignity is there in that?» (Ishiguro 1993, p. 243). «Лорд Дарлингтон был неплохим человеком. Совсем неплохим. И он хотя бы имел преимущество – мог в конце жизни сказать, что сам виноват в собственных ошибках. Его

светлость был человеком отважным. Он выбрал в жизни свой путь, как потом оказалось, неверный, но выбрал сам, уж это, по крайней мере, он мог утверждать. А я – я даже этого не могу про себя сказать. Я, понимаете, верил. Верил в мудрость его светлости. Все годы службы я верил, что приношу пользу. А теперь я даже не имею права сказать, что сам виноват в своих ошибках. Вот и приходится задаваться вопросом – а много ли в этом достоинства?» (Исигуро 2012, с. 313).

Роман имеет циклическую композицию. Отправной точкой произведения служат события 1956 года, однако уже в первой главе воспоминания Стивенса возвращают читателя во времена лорда Дарлингтона, когда в поместье Дарлингтон-Холл съезжались именитые фигуры для обсуждения политических вопросов. Во второй главе он возвращается к настоящему лишь для того, чтобы снова перенести читателя во времена 1920-х – 1930-х годов, где он представляет читателям своего отца. Стивенс еще более углубляется в прошлое, вспоминая свое детство на рубеже 20-го века и начало карьеры, когда отец постоянно рассказывал ему свою любимую историю о «великом дворцеком» и несколько других, в которых Стивенс старший являлся истинным воплощением «великого дворцекого» или, говоря словами автора, «...comes close to being the personification itself of, what the Hayes Society terms “dignity in keeping with his position”» (Ishiguro 1993, p. 42); «...воплощает собой то, что Общество Хейса именуется “достоинством, отвечающим занимаемому положению”» (Исигуро 2012, с. 59).

Вспоминая события прошлого, Стивенс пытается найти оправдание своим поступкам, он постоянно предлагает читателю объяснения своих действий, как будто извиняясь за них. Такие перемещения во времени помогают понять Стивенса, а также характеризуют дворцекого как человека неуверенного в собственном будущем, находящегося в постоянном поиске себя, обеспокоенного своими чувствами и эмоциями.

Тесное переплетение событий прошлого и настоящего создают ощущение того, что прошлое вернулось к жизни. Шесть из восьми глав начинаются с событий, происходящих во время повествования (1956 год), и пять глав заканчиваются воспоминаниями о прошлом. Таким образом, в романе прослеживается следующая тенденция – нить повествования проходит от настоящего к прошлому, затем прерывается, и все начинается с начала в новой главе. Примерно две трети романа занимают воспоминания. Исходя из этого, мы можем сделать вывод, что прошлое имеет *большую* значимость, чем настоящее.

Ishiguro K. *Remains of The Day* / K. Ishiguro. – New York : Vintage International, 1993. – 245 p.

Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / Бахтин М. М. // Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975. – С. 234 – 407.

Исигуро К. Остаток дня : Роман / Пер. с англ. В. Скороденко / К. Исигуро. – М. : Эксмо СПб. : Домино, 2012. – 320 с.

Сидорова О. Г. Британский постколониальный роман последней трети XX века в контексте литературы Великобритании / О. Г. Сидорова. – Екатеринбург : Изд-во Урал. Ун-та, 2005. – 262 с.

Лю Цзиньянь, Т.Ф.Ускова

Использование китайской лексики и фразеологии в произведениях писателей «русского Харбина»

Как считают ученые-синологи, «первые контакты между русскими и китайцами начались еще в средние века. На Русь стали прибывать торговцы из Поднебесной империи, которые по Великому шелковому пути привозили в русские города диковинные товары, чай, невиданные досель шелковые ткани и знакомили москвитов с особенностями китайской цивилизации. В 1654 году в Пекин прибыло первое русское посольство. В XVIII в. начался процесс разграничения окраинных территорий. Первый международный договор Китай заключил именно с Россией. Произошло это в 1689 году» (Несмелов 1990, с.11).

Русско-китайские отношения особенно оживились в конце XIX в., когда по договору 1897 года была построена и начала функционировать Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД) с центром в Харбине.

Харбин в судьбе дальневосточной эмигрантской литературы не случайно занял ведущее место. Еще в начале XX века он стал, образно говоря, «отдаленной веткой русского дерева». Вся жизнь этого русского города на северо-востоке Китая, в Маньчжурии, связана с историей создания и функционирования Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). «Прокладывать ее начали в 1897 году по договору между Россией и Китаем, а в преддверии русско-японской войны провели и юго-восточную железнодорожную линию до Порт-Артура» (Несмелов 1990, с.380).

Именно в Харбине (или, как тогда говорили, в Харбинé) сосредоточились основные культурные силы восточной части белой эмиграции. К «харбинскому направлению» относились также и литераторы, оказавшиеся, определению А.Цветаевой, «после России» в разных городах и районах Китая – в Пекине, Шанхае, Тяньцзине, Дайрене, а также в Маньчжурии, Корее и даже в Японии.

После окончания Гражданской войны «Харбин и так называемую «полосу отчуждения» вдоль железной дороги заполнили беженцы и

остатки белых армий. Население города возросло до 200 тыс. человека. Оно было очень пестрым» (Гончаренко 2009, с.51). Пестрота эта стала для города благотворной, ибо волна беженцев, в большинстве своем состоявшая из интеллигенции, принесла в Харбин крупные культурные силы.

По сведениям исследователей, «в городе действовало 20 православных храмов, два монастыря, священнослужители занимались благотворительными и миссионерско-просветительскими делами (в частности, наладили изучение китайского языка). В короткий срок в Харбине были созданы высшие учебные заведения – Политехнический институт, два вуза университетского типа и Институт ориентальных и коммерческих наук; позднее открыт Педагогический институт (Несмелов 1990, с.381). Еще с дореволюционных времен функционировали русские гимназии, русские издательства, на улицах господствовал русский язык. Харбин долгое время оставался русским городом, даже социально-административный уклад его жизни носил ярко выраженный русский характер. При коммерческом собрании в 1922 году возник литературно-художественный кружок «Зеленая лампа», позднее оформившийся в литературное объединение «Чураевка» (название взято по имени героев многотомного романа писателя-эмигранта И.Гребенщикова «Братья Чураевы»).

На заседаниях этого литературного объединения сначала выступал, а затем и учил молодых поэтов и прозаиков А.И.Несмелов – пожалуй, самый яркий поэт «русского Харбина».

Арсений Иванович Несмелов (настоящая фамилия – Митропольский) родился в Москве 8 июня 1889 года. Его судьба оказалась характерной для судьбы людей его круга и поколения. Двдцатипятилетний подпоручик с августа 1914 года «месил сапогами окопную глину, воевал с австро-германцами», как писал он позднее в автобиографии. «Монотонность окопной жизни ни к стихам, ни к прозе не располагала, но спустя много лет именно события первой войны нашли отражение и в прозе Митропольского, и в поэзии, хотя он давно был к этому времени Несмеловым. Небольшим своим офицерским чином он гордился до конца жизни, никогда не забывал, что он – кадровый военный, гренадер, ветеран окопной войны» (Несмелов 1990, с.6).

В апреле 1917 года поручик Митропольский, перенесший серьезное ранение и награжденный четырьмя орденами, был комиссован из действующей армии по ранению. А в памятные Октябрьские дни семнадцатого года, во время восстания юнкеров в Москве, оказался на той стороне, быть на которой диктовала ему честь офицера, дававшего присягу. Позже об этих событиях Несмелов напишет поэму «Восстание». «Именно в эти дни офицер царской армии Митропольский стал белым офицером. Судьба переломилась. «Два раза уезжал из Москвы, и оба раза – воевать. Уехав в 1918 году в Омск, назад не вернулся», – так скупо

Несмелов изложил в биографии историю своего прощания с родным городом. Ему предстояло доживать свой век и без Москвы, и без России» (Несмелов 1990, с.6).

Арсению Несмелову предстояло жить и умереть в Китае. Остановкой стал Харбин. Этот город поэт называл «полустанком», полустанком на пути его жизни. Кадровый военный, переживший потрясения Октябрьской революции и Гражданской войны, он стал признанным на Дальнем Востоке поэтом. В творчестве Несмелова отразилась вся та боль поражения и утрата родины, которые пережили белоэмигранты; те особенные черты жизни и мироощущения, характерные для дальневосточного региона русского рассеяния» (Несмелов 1990, с.9).

За двадцать с лишним лет харбинской жизни А.Несмелов издал пять сборников стихов («Кровавый отблеск», «Без России», «Полустанок», «Протопопица», «Белая флотилия»), огромное количество рассказов и очерков, рассыпанных в периодике Харбина и Шанхая. И многие из его произведений посвящены Китаю, а конкретнее – Харбину.

Некоторые названия харбинских стихов А.Несмелова отражают типично китайские реалии или топонимы: «Тайфун», «Стихи о Харбине», «Хунхуз», «Около Цицикара», «Ламоза» и другие. Сюда же примыкает очень интересное большое стихотворение «Легенда о драконе». Многие произведения названы нейтрально – «Переходя границу», «На водоразделе», «Лодочник», «В гостях у полковника», «Эпитафия», «Наша вина», «Так на Россию непохоже», но также передают размышления поэта о судьбе русских людей, оказавшихся вне родины.

Там, где живет лирический герой Несмелова, многие вещи и явления, привычные и безопасные на Родине, в России, приобретают непривычный и угрожающий характер. Среди них – река Сунгари, на которой стоит Харбин. Потрясающе ёмкий образ «китайской реки, ведущей наступление на русское селение, где «в глухой окаменелости тоски живут стареющие россияне», создан в стихотворении «Эпитафия»:

*...хищно желтоводная река
Кусает берег, дни жестоко числит,
И горестно мы наблюдаем, как
Строения подмытые повисли.
И через столько-то летящих лет
Ни россиян, ни дач, ни храма – нет,
И только память обо всем об этом,*

Да двадцать строк, оставленных поэтом (Несмелов 1990, с.162).

Еще более опасна, чем природная, стихия социальная. Русские, оказавшиеся в Харбине, вынуждены были принимать вместе с китайским населением и те сложности, которые несла с собой их непростая жизнь на чужбине, и сложное время, в котором им довелось жить. Одной из самых серьезных угроз было нападение хунхузов.

«Само слова «хунхуз», вошедшее в русский язык из китайского, обозначает китайского разбойника, ушедшего в необозримые маньчжурские гаоляновые поля (ср.с текстом вальса «На сопках Маньчжурии»). Приведём словарные определения.

Хунхузы. (кит. трад. 紅鬃子, упр. 红胡子, пиньинь: *hóng húzi* — краснобородый) — члены организованных банд, действовавших в Северо-Восточном Китае (Маньчжурии), а также на прилегающих территориях российского Дальнего Востока, Кореи и Монголии во 2й пол. XIX — 1й пол. XX вв. В широком смысле — любой преступник, промышляющий разбоем. На территории России под хунхузами подразумевались исключительно этнические китайцы, составлявшие абсолютное большинство членов хунхузнических бандформирований. Впрочем их жертвами даже на российской территории были также в основном мирное китайское и маньчжурское население. На более позднем этапе в состав шаяк входили представители разных национальностей, в том числе русские и украинцы, которых соперничающие китайские банды начали использовать для сведения счётов между собой.

Гаолян. Однолетнее растение семейства злаковых, один из видов сорго, которое возделывается в Китае, Корее, Японии, России.

В Харбине было отведено специальное место для казни хунхузов (подробнее об этом см. роман Н.И. Ильиной «Возвращение»). А. Несмелов в одноименном стихотворении рисует романтический образ разбойника, выходящего в гаолян и не боящегося наказания, которое его ожидает. Стихотворение сюжетно, балладного типа, своей взволнованностью и внутренним напряжением напоминает многие баллады Н.С.Гумилева, творчество которого Арсений Иванович очень любил:

*О жене и матери забыл,
Маузер прикладистый добыл,
И, тугие плечи оголяя,
Вышел за околицу в поля.
Те же джунгли этот гаолян,
Только без озер и без полян.
Здесь на свист хунхуза - за версту
Свистом отзывается хунхуз (Несмелов 2006, с.139).*

Ощущение своеобразной причастности к происходящему, почти «родственности» передается неожиданным употреблением слова «околица», которое читатели привыкли видеть скорее в «русском» контексте. «Приближение» к поэту Несмелову героя стихотворения — хунхуза, возможно, китайского Робина Гуда, — происходит и при упоминании маузера — «нового» оружия начала XX века, без сомнения, прекрасно знакомого бывшему офицеру Митропольскому. О том, что события происходят в экзотической для европейца стране — Китае, напоминает еще раз и страшная судьба хунхуза, которую он, однако, встречает с хладнокровием истинно восточного человека:

...И хунхуза, сдавшегося в плен,
 Чьи-то руки подняли с колен,
 Связанного бросили в тюрьму,
 Отрубили голову ему (Несмелов 2006, с.139).

В сборнике Е.П. Таскиной и Д.Г. Селькиной «Харбин. Ветка русского дерева» составители задействовали прозу и поэзию писателей «русского Харбина» (Харбин 1991, с. 399), вышедшую в маньчжурской периодике 1920-1960-х годов: Л. Кравченко «Харбин первоначальный», «Для дела русского...», Н.Байкова «Охота на тигра», Г. Морозовой «Наводнение», Б. Юльского «Хищник», В. Кондратович-Сидоровой «Рикша», Вс. Н. Иванова «Пекин» и многие другие. Как правило, в рассказах и стихах этих авторов так же, как и у А.Несмелова, непременно присутствуют китайские реалии, идиоматические конструкции, выражения своеобразного китайско-русского «пиджина», фразеологизмы. Приведём ряд русских фразеологизмов, отражающих различные взаимоотношения людей, вместо которых могли быть использованы их китайские аналоги.

Плакаться в жилетку. Жаловаться на свою судьбу, ища в ком-либо сочувствия, утешения.

Близкий по значению китайский фразеологизм:

怨天尤人 yuan tian you ren – жаловаться небу и человеку.

Надевать смительную рубашку на кого-нибудь. Укрощать, заставлять кого-либо повиноваться, подчиняться.

Близкий по значению китайский фразеологизм:

卑躬屈节 bei gong qu jie – наклонить спину и изогнуть сустав.

Держаться за бабью (мамкину) юбку. Быть в подчинении у женщины, в полной зависимости от нее. О мужчине.

Близкий по значению китайский фразеологизм:

鹦鹉学舌 ying wu xue she – попугай подражает чужому языку.

Оставлять без рубашки. Без каких-либо средств существования, без денег; в крайней нужде. Ср. Оставлять в одной рубашке.

Близкий по значению китайский фразеологизм:

两袖清风 liang xiu qing feng – ветер дует в два рукава.

В составе фразеологизма – название части одежды – рукава.

Бросить перчатку (кому-либо, чему-либо). Вступать в борьбу; вызывать на борьбу.

Близкий по значению китайский фразеологизм:

单打独斗 dan da du dou – один на один.

Поднять перчатку. Принимать вызов на дуэль, борьбу.

Близкий по значению китайский фразеологизм:

单打独斗 dan da du dou – один на один.

Под красную шапку (идти). Устар. В солдаты (отдавать, пойти и т.п.).

Близкий по значению китайский фразеологизм:

坚甲利兵 jian jia li bing – взять крепкие доспехи, острое оружие.

Спустить рукава. Устар. Беззаботно, предаваясь праздности.].

Близкий по значению китайский фразеологизм:

袖手旁观xiu shou pang guan – сунув руки в рукава, наблюдать со стороны.

Напяливать на себя мундир. Устар. Избирать для себя какую-либо линию поведения; показывать свою принадлежность какому-либо общественному течению.

Близкий по значению китайский фразеологизм:

取长补短qu chang bu duan – заимствовать у других хорошее, восполнять собственные пробелы.

Родиться в рубашке. Быть удачливым, везучим во всем. Ср. Родиться под счастливой звездой.

Близкий по значению китайский фразеологизм:

世外桃源shi wai tao yuan – персиковый источник за пределами мира.

Заливать за галстук. Прост. Выпивать, напиваться пьяным

Близкий по значению китайский фразеологизм:

烂醉如泥lan zui ru ni – пьяный как грязь.

Раздирать на себе ризы. Ирон. Впадать в крайнее отчаяние, выражать глубокое огорчение.

Близкий по значению китайский фразеологизм:

五内如焚wu nei ru fen – пять внутренних органов «печень, сердце, селезенка, легкие, почки» будто в огне.

Показывать кукиш в кармане. Исподтишка угрожать кому-либо, осуждать кого-либо, не выражая своего явного неодобрения, недовольствия и т. п.

Близкий по значению китайский фразеологизм:

杀鸡吓猴sha ji xia hou – зарезать курицу на устрашение мартышке.

Разинуть варежку. Прост. Ирон. Крайне удивляться, изумляться.

Близкий по значению китайский фразеологизм:

大惊小怪da jing xiao guai – большой испуг, маленькая странность.

Ветер в кармане гуляет. Прост. Ирон. Полное безденежье.

Близкий по значению китайский фразеологизм:

囊空如洗nang ong ru xi – карман как будто вода помыла.

Карманная чахотка. Прост. Шутл. Полное безденежье.

Близкий по значению китайский фразеологизм:

囊空如洗nang ong ru xi – карман как будто вода помыла.

Набить карман. Прост. Обогащаться, наживаться, обычно нечестным путем.

Близкий по значению китайский фразеологизм:

沐猴而冠mi hou er guan – надевает обезьяна головной убор.

Болезнь за свой карман. Прост. Быть корыстолюбивым, жадным.

Близкий по значению китайский фразеологизм:

一毛不拔yi mao bu ba – ни один волос не хочет вытаскивать.

Вытрясти карман (кого-либо, чей-либо). Простореч. Израсходовать все деньги или вынудить кого-либо к тратам, издержкам и т. п..

Близкий по значению китайский фразеологизм:

囊空如洗 nang ong gu xi – карман как будто вода помыла.

Выворачивать карман. Расходовать последние средства.

Близкий по значению китайский фразеологизм:

倾囊而出 qing nang er chu – отдать последние деньги из кармана.

Не по карману (кому-либо). Не по средствам, слишком дорого для кого-либо.

Близкий по значению китайский фразеологизм:

无价之宝 wu jia zhi bao – бесценное сокровище.

С толстым карманом (кто-либо). Разг. Экспрес. Очень богат, состоятелен кто-либо.

Близкий по значению китайский фразеологизм:

腰缠万贯 yao chan wan guan – на поясе завернул десять тысяч китайских старых денег.

Тощий карман у кого-либо. Разг. Экспрес. Кто-либо очень беден, совсем не имеет денег, испытывает нужду в них.

Близкий по значению китайский фразеологизм:

缺食无衣 que shi wu yi – не хватает еды и нет одежды.

Полный (тупой) карман (у кого-либо). Кто-либо очень богат, имеет много денег

Близкий по значению китайский фразеологизм:

腰缠万贯 yao chan wan guan – на поясе завернул десять тысяч китайских старых денег.

В кармане вошь на аркане. Прост. Пренебр. Поговорка о полном отсутствии карманных денег.

Близкий по значению китайский фразеологизм:

囊空如洗 nang ong gu xi – карман как будто вода помыла.

Ветер свистит в кармане (чьего-либо, у кого-либо). Совсем нет денег, полное безденежье.

Близкий по значению китайский фразеологизм:

囊空如洗 nang ong gu xi – карман как будто вода помыл.

Пустой (тощий) карман (у кого-либо). Разг. Экспрес. Кто-либо очень беден, совсем не имеет денег, испытывает нужду в них

Близкий по значению китайский фразеологизм:

缺食无衣 que shi wu yi – нехватает еды и нет одежды.

Толстый (тупой) карман (у кого-либо). Кто-либо очень богат, имеет много денег

Близкий по значению китайский фразеологизм:

腰缠万贯 yao chan wan guan – на поясе завернул десять тысяч китайских старых денег.

Ходить в сапогах (сапожках) кто-либо. Устар. Экспрес. 1) О том, что очень дорого стоит; 2) О том, что трудно достается.

Близкий по значению китайский фразеологизм:

洛阳纸贵 luo yang zhi gui – бумага в Лояне стоит дорого.

沐猴而冠 mǐ hóu ér guān – надевает обезьяна шапку. 缺食无衣 quē shí wú yī – не хватает еды и нет одежды. 倾囊而出 qīng náng ér chū – отдать последние деньги из кармана. 腰缠万贯 yāo chán wàn guān – на поясе завернул десять тысяч китайских старых денег).

Снимать шляпу (перед кем-нибудь). Книжн. Выражать кому-либо своё почтение, глубокое уважение; склонять голову.

Близкий по значению китайский фразеологизм:

奉若神明 fèng ruò shén míng – поклоняться словно святому.

Таким образом, в произведениях писателей «русского Харбина» получило отражение взаимодействие двух лингвокультур.

«Русский эпизод в Маньчжурии» закончился к 1960-м годам, когда в КНР началась «культурная революция» и остатки русского населения Харбина рассеялись по всему миру.

Географически «русский Харбин» теперь не существует, он переместился в виртуальное пространство русской памяти и русской литературы. Он существует там. Нет русских храмов, русских кладбищ, русских могил, но есть литература «русского Харбина». Именно в ней, в произведениях русских писателей, живших в Маньчжурии, впервые наблюдаются те китайские слова и выражения, которые широко вошли сейчас в статьи и книги авторов, пишущих о Китае.

Гончаренко О.Г. Русский Харбин / О.Г. Гончаренко. – М.: Вече, 2009.

Несмелов А.И. Без Москвы, без России: Стихотворения. Поэмы, Рассказы / Сост. и коммент. Е.В. Витковского и А.В. Ревоненко / А.И. Несмелов. – М.: Московский рабочий, 1990.

Несмелов А.И. Собрание сочинений. Т.1. Стихотворения и поэмы / А.И. Несмелов. – Владивосток: Альманах «Рубеж», 2006.

Харбин. Ветка русского дерева. – Проза, стихи / [Сост. Селькина Д.Г., Таскина Е.П.] – Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1991. – 400 с.

Т. В. Морозова

Трагедия человеческой личности в повести Мигеля де Унамуно «Авель Санчес»

М. Унамуно (1864 – 1936) – классик испанской литературы первой трети 20-го века, яркий представитель «Поколения 98-го года».

Своеобразие его огромного таланта заключалось в удивительно органичном соединении свойств художника и мыслителя. Образное мышление насквозь пронизывает его философские произведения, его художественное творчество во многом определяется самостоятельно выработанными философскими концепциями. Это соединение Унамуно-

философа и Унамуно-писателя в одном человеке отмечает, в частности, И. А. Тертерян, которая рассматривает произведения испанского писателя в контексте его философской концепции: «Его романы, повести, новеллы и даже стихи остаются как бы осколками его личности и воспринимаются скорее как документы, нежели как художественные произведения ... Его произведения невозможно понять вне его духовного пути...».

Унамуно создаёт философскую концепцию, которую принято называть персонализмом. Личность выступает в ней как центральная реальность.

Унамуно понимает личность (истинную личность) как человека, обладающего трагической и страстной устремлённостью к предмету веры, способного реализовать свою волю, направленную на достижение идеала, наделённого свойством выбирать и решать. Индивид, не имеющий этих свойств, не является подлинной личностью, ибо он лишён реальности внутреннего содержания, общественно пассивен, заражён отвратительным конформизмом.

В концепции личности центральное место занимает жажда бессмертия, возникающая из-за ограниченности человеческого существования. В философском эссе «О трагическом чувстве жизни» Унамуно пишет: «Когда сомнения нас одолевают и наша вера в бессмертие колеблется, болезненно-страстным становится наше желание увековечить своё имя и заполучить хотя бы тень бессмертия». Понимая реальность как результат творческого акта и воли, Унамуно утверждает, что возможность сохранения личности после физической смерти находится в прямой зависимости от активного стремления этой личности к бессмертию. Личность борется со смертью тем, что запечатлевает себя в мире, навязывает себя миру. Все виды творчества, все виды человеческих отношений – материнство, отцовство, дружба, любовь и др. – рассматриваются Унамуно как своего рода сублимация, которая позволит остаться образу личности в других людях, в творениях. Сублимация, по мысли писателя, избавляет человека от одержимости смертью, от страха перед неизбежным физическим концом его жизни. Сублимация трактуется как самоутверждение личности, в процессе которого она сталкивается со многими трудностями и со многими проблемами. Процесс самоутверждения личности – это сложный и многогранный психологический процесс. Исследование его особенностей, завоеваний и потерь на этом пути и составляет содержание большинства произведений Унамуно. Писатель в своих прозаических и драматических работах тщательно изучает и анализирует разнообразные ситуации, в которых может оказаться личность. Унамуно интересуют проблемы самоидентификации, понимаемые им как обнаружение героем его подлинной личности под оболочкой внешнего и случайного, а также проблемы раздвоения личности и взаимоотношений с другими людьми, тоже стремящимися к самоутверждению.

Большинство историй, рассказанных в повестях и драмах писателя, представляют собою образы его философских тезисов. В них царит абсолютное единство действия, ничто не отвлекает от личности протагониста. Да и сам протагонист, как правило, лишён материальности, характерности, так как автор хочет, чтобы читатель признал его героев живыми только по их душевной жизни, при этом он не претендует на роль психолога, так как не считает психологию человека объективной реакцией на внешний мир.

В своих произведениях Унамуну стремился сплавить в единое целое философию и искусство, своего рода «литературизировать» философию, открыть аутентичный способ бытия и философствования. В этих целях он обращается в своём творчестве практически ко всем традиционным литературным жанрам: драме, рассказу, повести, роману, путевому очерку, памфлету и др. Использует и лирические жанры, однако не находит удовлетворения.

К притче об Авеле и Каине Унамуну обращается на протяжении всего своего творчества, эта библейская легенда лежит в основе многих его произведений. В 1917 году Унамуну пишет своё знаменитое произведение «Авель Санчес», которое является одним из кульминационных моментов в развитии темы Каина в творчестве писателя.

В этой повести трагедия человеческой личности «прочитывается» повествователем в свете библейской легенды о вражде двух братьев.

Библейская аллюзия узнаваема уже в имени, вынесенном в заглавие произведения. Паратекстуальное обрамление вместе с подзаголовком («История одной страсти») даёт изначально установку на то, что в пределах данного текста возможно свободное гипертекстуальное перемещение от уровня ветхозаветной притчи к вполне определённой истории, имеющей место в конкретном времени и пространстве современной автору действительности. В некоторых местах повести присутствуют своеобразные «маркеры», переключающие внимание читателя с конкретного плана на мифологический. В такие моменты персонажи начинают идентифицировать себя со вполне определёнными культурными архетипами и выстраивать собственную линию поведения в соответствии с закреплёнными в их сознании образами.

Символическое и вневременное имя Авель в сочетании с типично испанской фамилией Санчес придаёт произведению двойственность и диалогичность, которая впоследствии станет организующим принципом текста.

Несмотря на то, что заглавие апеллирует к одному персонажу, основное внимание на протяжении развития действия уделяется другому герою: Хоакину Монегро. «Авель Санчес», собственно, и есть название его страсти, повествованию о которой посвящено произведение. Страсть, по сути, главный герой произведения и двигатель сюжета, поскольку является скрытым импульсом человеческих поступков.

Фабула ниволы (так определяет жанр произведения автор) достаточно проста. С детства Хоакин и Авель были дружны. Хоакин, несомненно, талантливее и духовно глубже Авеля, но так уж получается, что школьные товарищи тянутся к Авелю, а Елена, возлюбленная Хоакина, становится женой Авеля. Авелю везде и всегда всё достаётся без усилий. Постепенно в сердце Хоакина появляется чувство зависти, которое перерастает в ненависть и поглощает всё его существо. Хоакин страдает от своей ненависти, стыдится её, хочет избавиться от неё, но не может этого сделать до самой смерти.

История Хоакина Монегро начинается как биография, зафиксированная неким третьим лицом: сначала описываются его детские годы, затем учение в университете, научная деятельность и врачебная практика после его окончания, женитьба, рождение дочери, появление внука и, наконец, смерть. Однако это не биография в привычном понимании этого слова, поскольку из всего многообразия фактов жизни героя автор отбирает лишь те, которые имеют отношение непосредственно к интересующей его проблеме: зависти – «душераздирающей страсти», которой Хоакин «терзался всю жизнь». Не известно при этом, какие факты из жизни персонажа остаются вне поля зрения читателя: он имеет возможность увидеть лишь то, что позволил ему увидеть автор и что сам персонаж посчитал нужным о себе сообщить.

Структура произведения такова, что личность Хоакина открывается пред читателем постепенно, по мере того, как он сам себя познаёт. Мы можем наблюдать его с разных точек зрения: сначала повествование ведётся от третьего анонимного лица, затем ему даётся субъективная оценка другими героями (причём их точка зрения может не совпадать с авторской) и, наконец, мы слышим голос самого персонажа в многочисленных репликах, обращённых к самому себе и к другим персонажам. Эти диалогические ситуации важны не только потому, что в них «рождается истина», но и по тому также, что в них приоткрывается сознание Хоакина.

Все свои душевные переживания Хоакин Монегро облекает в форму «Исповеди», которая пишется им для собственной дочери Хоакиниты как назидание, как история о внутренней борьбе со сжигающей его страстью, которую он вёл всю свою жизнь. Это свидетельство о себе самом герой пишет также из глубокой потребности к диалогу с самим собой и самоанализу.

«Авель Санчес» – это повесть самосознания. На протяжении всего произведения происходит становление героя как личности, его постоянная самоидентификация. Подобно дон Кихоту Сервантеса, Хоакин Мигеля де Унамуно творит роман о себе своими поступками. Главный персонаж способен в прямом и переносном смысле творчески перерабатывать действительность, пересоздавать её и жить по законам этой новой преобразованной реальности. Он существует одновременно в нескольких

плоскостях: в плоскости романного времени как герой повести Мигеля де Унамуну, в плоскости написанного им произведения («Исповеди») о себе самом (одновременно и как автор, и как герой), в плоскости библейских символических персонажей, с которыми он себя постоянно ассоциирует, а также в плоскости других чужих текстов (картина Авеля, поэма Байрона «Каин»), где он невольно узнаёт себя, проецируя своё «Я» в акте восприятия.

Авторские комментарии сведены в произведении к минимуму, отсутствуют пространные описания, отступления, детали быта, приметы времени. Для писателя «важно представить не мир... но лишь личности». Мигель де Унамуну словно помогает сформулировать М. Бахтину тезис о том, что окружающий героя внешний мир и быт «не могут быть определяющими героя каузальными и генетическими факторами», поскольку «всепоглощающему сознанию героя автор может противопоставить лишь один объективный мир – мир других равноправных сознаний». Именно поэтому такое большое значение в повести имеют субъективные переживания персонажей.

Произведение Унамуну – это новое прочтение притчи, библейская коллизия видоизменяется на испанской почве, а традиционное противопоставление Авель – Каин получает в ниволе своеобразный смысл: Унамуну смело меняет ролями испанских Авеля и Каина. Образ унамуновского Авеля весьма далёк от образа библейского Авеля, символа невинной жертвы и душевной чистоты. Авель Санчес – обычный человек со своими грехами и недостатками, слабый, тщеславный, эгоистичный, равнодушный к чужим страданиям, пассивный и безразличный к тому, что происходит вокруг него. Автор сознательно наделяет своего героя заурядной испанской фамилией «Санчес», связывая несоединимые имена-символы: «герой – жертва» и «усреднённый антигерой». Тем самым Унамуну дегероизирует современного Авеля, лишает его ореола мученичества, переводит его в ранг посредственных личностей.

В то же время, желая показать читателю нового Каина, писатель наделяет его благородным испанским именем Хоакин Монегро. Хоакин Монегро изображён как истинный герой-агонист, вечно сомневающийся и борющийся. Страсть Хоакина – жажда самоутверждения, все поступки, действия и мысли его подчинены этому желанию. Хоакин стремился «запечатлеться в сознании и памяти творца», памяти последующих поколений, однако зависть-ненависть к Авелю мешают ему. И лишь перед лицом смерти Хоакин осознаёт, что единственным его спасением была любовь. Но на любовь он уже не был способен – ненависть выжгла его душу.

Хоакин был бы поистине комичен и жалок, если бы страдания его были «приземлёнными», но он велик в своей зависти: она заставляет его вести над собой безжалостный и беспощадный суд, совершать постоянные усилия, вести духовную работу, стремиться к недостижимому. На

протяжении всей повести герой внутренне растёт, его самосознание непрестанно меняется, пока, наконец, в финале не происходит просветление, и в этом смысле смерть Хоакина выглядит вполне закономерной и логичной.

«Авель Санчес» – это не назидательная история о том, как губительно и аморально завидовать своему ближнему, а повесть о том, как человек боролся с собственным «Я», страдал, тосковал по бессмертию и в конечном итоге действительно заслужил его.

Необычность трактовки библейской притчи заключается в том, что унамуновский Каин оказался трагическим героем, более того, жертвой собственной зависти. Унамуно вызывает у читателей сочувствие к нему, заставляя его полюбить, ведь любовь, по мысли автора, и есть сострадание. Унамуновский Каин – великий грешник, но и трагическая жертва, обречённая на вечное одиночество. Унамуновское отношение к Каину и Авелю выражено словами одного из персонажей писателя: «Я люблю и Каина и Авеля, в равной мере обоих. Люблю Авеля как возможного Каина, как Каина со своими желаниями...» Унамуно, ставя в своей повести важные философские проблемы о жизни и смерти, о взаимоотношениях человека и мира, о Боге, не решает их, вернее, не даёт однозначных ответов. В конце повести «Авель Санчес» говорится: «Судите сами!». Таким образом, писатель призывает читателя с со-чувствию, к со-мыслию, а в интерпретации библейского сюжета и образов традиционные мотивы претворяются в важнейшую для творчества Мигеля де Унамуно концепцию личности и её существования в мире.

Anne Marie Queras. *Novela contra nivola* / Anne Marie Queras. – Salamanca: Un-d de Salamanca, 1993. – 83 p.

Бахтин, М.М. Диалог у Достоевского / М.М. Бахтин; В.Ю. Попова // Проблемы поэтики Достоевского. – изд. 4-е. – М.: «Сов. Россия», 1979. – С. 293-312.

Ортега-и-Гассет Хосе. Избранные труды / Х. Ортега-и-Гассет. – М.: Весь мир-ИНФРА-М, 2000. – 700 с.

Унамуно Мигель де. О трагическом чувстве жизни у людей и народов. Агония христианства / Мигель де Унамуно. – М.: Худ. лит., 1996. – 406 с.

Пятигорский А. М. Избранные труды. — М.: Языки русской культуры, 1996. — 594 с.

Роль алогизмов в идиостиле А. Платонова

И. Бродский в статье «Послесловие к «Котловану» А. Платонова» писал, что «язык прозы Андрея Платонова заводит русский язык в смысловой тупик или – что точнее – обнаруживает тупиковую философию в самом языке». И добавляет: «...наличие абсурда в грамматике свидетельствует не о частной трагедии, но о человеческой расе в целом» (Бродский 2001, с.72).

Исходя из данного утверждения, представляется интересным рассмотреть логические аспекты идиостиля А.Платонова.

Тремя фундаментальными свойствами логической мысли считаются ее определенность, последовательность и обоснованность (Афанасьева 2011, с.20). Нарушение логики может возникать как в суждениях, так и в умозаключениях и чаще всего ведет к возникновению логической ошибки – алогизму.

Алогизм представляет собой нарушение классической речевой логики, которая основывается, прежде всего, на четырех основных законах, сформулированных Аристотелем: тождества, непротиворечия, исключенного третьего, достаточного основания. На текстовом уровне они реализуются так:

1) по закону тождества, каждая мысль текста при повторении должна иметь определенное, устойчивое содержание;

2) по закону непротиворечия, суждения должны служить для последовательного и непротиворечивого изложения. Некоторое исключение составляет логика бытия тропов, также описанных Аристотелем: метафоры, олицетворения и метонимии возможны при скрытом противоречии (Чернухина 1993, с.102);

3) по закону исключенного третьего, из двух противоположных суждений об одном и том же предмете, взятых одновременно в одном и том же отношении, одно непременно истинно, другое – ложно, третьего не дано;

4) по закону достаточного основания, всякая истинная мысль должна быть обоснована другими мыслями, истинность которых заранее доказана или принята за аксиому.

Однако речевая нелогичность может быть оправданной и служить средством выразительности. На основе алогизма строится ряд стилистических фигур, например: зевгма (соединение сочинительной связью понятий с разным объемом) (Стилистика и литературное редактирование 2004, с. 494), апофазия (опровержение только что высказанной точки зрения) (Москвин 2006, с. 285), гистеропротерон (смещение временной и логической последовательности описываемых событий) (там же, с. 286), аподозис (внешне парадоксальное умозаключение, часто основанное на контрасте) (там же, с. 286) и другие.

Рассмотрим, как используются подобные средства в идиостиле А.Платонова. Некоторые исследователи называют язык А. Платонова «юродивым» (Михеев http://lib.ru/PLATONOW/miheev_platonov.txt). В словаре Д. Ушакова приводятся 2 значения слова *юродивый*:

1. Глуповатый, чудаковатый, безумный. *У каждого свой сказ про юродивого помещика.* Некрасов.

2. В знач. сущ. юродивый, юродивого, муж. Христианский аскет-безумец или принявший вид безумца и обладающий, по мнению верующих, даром прорицания (церк., рел.). Христа ради или во Христе юродивый. *Молись за меня богу, юродивый!* Пушкин.

Такого рода дефиниции наталкивают на мысль о том, что язык А. Платонова с одной стороны необычен и чудаковат, с другой – отражает суть явлений, поворачивает к читателю мир сущностной стороной. Это язык, сочетающий в себе безумство и высокое просветление. М. Михеев, видел в юродстве языка и героев произведений А. Платонова противопоставление физического уродства душевной красоте, «выражающей невыразимое».

Лингвисты пока не дали целостного объяснения феномена платоновского языка, указывая лишь на отдельные аспекты. Так, И.А. Стернин говорит о периферийной сочетаемости лексем (Стернин 1999), И.Я. Чернухина – о сочетании классической логики с альтернативными ей вариантами (Чернухина 1993).

Язык А. Платонова полон противоречий, как полна противоречий окружающая действительность. Например, в одном из ранних фантастических рассказов «Потомки Солнца» А. Платонов пишет: *«Земля с развитием человечества становилась все более неудобна и безумна»*, а затем добавляет, что *чудовищная, сама себя жрущая вселенная была им (людям) не знакома* (Платонов http://books.rusf.ru/unzip/add-on/xussr_mr/platoa19.htm?1/2). Нарушение закона непротиворечия позволяет читателю ярко представить столкновение сил природы и человеческой мысли. Безумие вселенной имеет множество причин – как спровоцированных человеком, так и обусловленных ее внутренним развитием. Бесконтрольные действия людей могут рано или поздно привести к катастрофе, как в мире Вогулова, главного героя рассказа: он решил *действовать, медленно начиная с малого – с перестройки земного шара*. А. Платонов, несомненно, выступает как пророк, которому не безразлична судьба человечества и вселенной.

Человеческая сущность в произведениях А. Платонова не менее сложна, чем макрокосмос. Макар, главный герой рассказа «Усомнившийся Макар» (http://lib.ru/PLATONOW/us_makar.txt), *думать не мог, имея порожнюю голову над умными руками, но зато он мог сразу догадываться*. Читатель понимает, что голова у главного героя пустая, неспособная к мысли, однако вторая часть предложения опровергает первое суждение. «Догадываться» значит «нападать» на правильную мысль, но отмечая, что

*рассуждал Макар в своей голове, умевшей думать, когда руки не были заняты, А. Платонов сталкивает рациональное (голова) и чувственное (руки) начала в человеке. Более того, Макар большую часть своих выводов делает самостоятельно с помощью эмпирических методов (наблюдения, сравнения), а не основываясь на чьих-то теориях: «Трамваи Макару понравились, потому что они сами едут и машинист сидит в переднем вагоне очень легко, **будто ничего не везет**».*

Именно такому человеку – чудаковатому и самобытному – приоткрывается противоречивая сущность этого мира. Аподозис, абсурдность умозаключений, отражает не просто мироощущение героя, но и абсурдность мироздания: *чего только в мире нет, раз он **просторен и пуст***. Суть вещей, кроющиеся в ней множественные связи на первый взгляд непостижимы, однако доступны при глубоком рассмотрении, на которое способны многие платоновские герои.

«Юродивость» языка А. Платонова особенно выразительна в описании духовной близости между людьми. Семантическое наложение, при котором части одних синтаксических единиц заменяют другие, образует множество дополнительных смыслов. Формальное нарушение грамматики и лексической сочетаемости в одном из предложений рассказа «Река Потудань» *более молодые ... близко глядели лица друг другу* (Платонов 2011, с.710) на самом деле состоит из нескольких совмещенных синтаксических конструкций:

- глядели друг на друга,
- близко глядели на лица.

Нарочитая ошибка в данном случае непременно привлечет внимание читателя своей неожиданностью, заставит его логически осмыслить каждое из суждений. Он станет в некотором роде соавтором, стремящимся к пониманию высшей связи, существующей в межличностных отношениях.

Нелогичность мирового пространства видится писателю абсолютно во всех проявлениях этого мира, в самых мельчайших его деталях. Такие детали при описании вещного мира позволяют создать необычный и одновременно глубокий образ. Например, Макар пошел искать **главную** научно-техническую контору, и *такая контора помещалась в прочном несгораемом помещении, в **одном городском овраге*** (http://lib.ru/PLATONOW/us_makar.txt). Алогизм строится на несоответствии статуса учреждения его месторасположению. Овраг представляет собой глубокую длинную впадину на поверхности земли, образовавшуюся от действия дождевых и талых вод, *один* используется в качестве местоименного прилагательного, выражающего в данном контексте неопределенность.

В рассказе «Фро» для описания внешности одного из героев А. Платонов использует типичную зевгматическую конструкцию: *дома отец сидел **обутый, одетый и в шапке*** (Платонов 2011, с.672), тем самым

подчеркивая важную для повествования деталь. Вещи приобретают неожиданные свойства, возникает подтекстовый комизм, который сочетается с серьезностью авторского замысла. Все материальные детали образуют ткань вселенной, дополняя и раскрывая в частных проявлениях безумие макрокосмоса.

Можно с уверенностью говорить о том, что наравне с собственным «юродивым» языком А. Платонов создает и собственную логику. Аристотелевская логика, безусловно, существует в произведениях писателя имплицитно, образуя лишь основу для поисков автора. Логика А. Платонова позволяет читателю раскрыть глубину авторских сентенций, порождаемых грамматической и синтаксической непредсказуемостью платоновского языка. В самом деле, «Платонов говорит о нации, ставшей в некотором роде жертвой своего языка, а точнее – о самом языке, оказавшемся способным породить фиктивный мир» (Бродский 2001, с.74), «впадающий» от него в логическую зависимость.

Афанасьева О. В. Логика: учебное пособие. – Москва: Проспект, 2011. – 272.

Бродский И. Послесловие к «Котловану» А. Платонова // Сочинения Иосифа Бродского. Том VII. - СПб.: Пушкинский фонд. 2001. – 344.

Михеев М. В мир А. Платонова – через его язык. Предложения, факты, истолкования, догадки // http://lib.ru/PLATONOW/miheev_platonov.txt (Дата обращения: 11.05.13).

Москвин, В. П. Стилистика русского языка. Теоретический курс / В. П. Москвин. – Изд. 4-е, перераб. и доп. – Ростов н/Д.: Феникс, 2006. – 630. – (Высшее образование).

Платонов, А. П. «Потомки Солнца» // http://books.rusf.ru/unzip/add-on/xussr_mr/platoa19.htm?1/2 (Дата обращения: 14.03.13)

Платонов, А. П. «Усомнившийся Макар» // http://lib.ru/PLATONOW/us_makar.txt (Дата обращения: 18.11.12)

Платонов, А. П. Чевенгур. Котлован. Рассказы / А. П. Платонов; [предисл. В. Курбатова]. – М.: Эксмо, 2011. – 752.

Стернин И. А. «Язык смысла Андрея Платонова» // Филол. записки. Воронеж, 1999. – Вып. 13, с. 154-162.

Стилистика и литературное редактирование / Под ред. проф. В. И. Максимова. – М.: Гардарики, 2004. – 651.

Чернухина И. Я. "Инакомерность" логики и слова в художественной прозе А. Платонова. // Филол. записки: : Вестник литературоведения и языкознания. - Воронеж, 1993. – Вып. 1, с. 101-110.

Природа и человек в поэзии Г. У. Лонгфелло

Г. У. Лонгфелло (1807-1882) – один из самых известных американских поэтов XIX в., уже при жизни считавшийся классиком. Он был лауреатом множества литературных премий, почетным профессором многих университетов мира, а также иностранным членом академии наук Санкт-Петербурга (1870). Г. У. Лонгфелло – великий просветитель и гуманист, мастер стихосложения, чьи произведения отличались разнообразием ритмов, размеров и особой, сдержанной эмоциональностью. Тем не менее оценка его поэзии неоднозначна.

Его посмертная известность, как утверждают многие критики, основывалась на том, что поэт, не обладая гениальным талантом, использовал в своем творчестве предания, легенды разных народов, изображал картины различных исторических эпох, что он был консерватором и традиционалистом. Считалось, что его творения не отличались той подлинностью и откровением, которые присущи, например, У. Уитмену, что они слишком просты и даже банальны.

Однако, несмотря на попытку умалить значение Лонгфелло для развития американской поэзии, его стихи непременно включаются в школьные и вузовские учебники по литературе США, многие из них знают наизусть, а его широко известные «Псалом жизни», «Песнь о Гайавате», «Нахлынет прилив и отхлынет прилив» и др. стали достоянием мировой художественной культуры.

В чем же секрет такой популярности? Думается, что разгадка кроется в своеобразии его поэтического таланта, в его постоянных и успешных поисках гармонии и красоты. Воспитанный скорее под влиянием идей и традиций Старого Света, чем Нового, ориентированный в творчестве на общечеловеческие ценности, он умел воззвать к лучшим чувствам соотечественников, привнося в свои стихи национальный колорит.

В «Псалме жизни» (1839) Лонгфелло воздает должное многим человеческим ценностям, в частности, труду:

Не печаль и не блаженство

Жизни цель: она зовет

Нас к труду, в котором бодро

Мы должны идти вперед (Лонгфелло 1987, с.273).

Общеизвестно, что трудолюбие является не только одной из важнейших черт американского характера, но и качеством, необходимым для достойной жизни каждого человека. Именно в труде поэт видит и цель жизни, и условие, при наличии которого человечество идет по пути прогресса:

Встань же смело на работу,

Отдавай все силы ей.

И учись в труде упорном

Ждать прихода лучших дней (Лонгфелло 1987, с.272)

Слова о том, что «Жизнь не грезы. Жизнь есть подвиг!» отсылают нас к «Заповеди» Р. Киплинга, написанной гораздо позже «Псалма» и тоже содержащей свод моральных правил.

Невольно вспоминается фраза самого поэта о том, что «нужно умереть стоя» и не следует высказывать прилюдно свои сокровенные чувства и эмоции – самое важное должно храниться в душе человека.

Представляется, что стихи Лонгфелло являются неисчерпаемым источником для изучения концепции человека и ее соотносительности с природой.

В этой связи представляется целесообразным рассмотреть некоторые стихотворения Лонгфелло, посвященные природе, и выявить их особенности.

Собственно пейзажных зарисовок у поэта не очень много. В них природа не обособляется, но дается в сопряжении с чувствами лирического героя. Например, в «Апрельском дне» изображается время, когда:

Луч солнца все теплей,

...Скорее в лес: там влажен блеск ветвей,

Подснежник первый там... (Лонгфелло 1987, с.274).

Здесь поэт словно пишет картину, на которой играют краски. Он использует эффектные эпитеты: «яркий свет», «трепет пестрых крыл» (птичьих), «серебристая мгла» в кустах, сравнения:

Деревья, словно в хрустале зеркал,

Любуются собой (Лонгфелло 1987, с.274)

– и делает вывод о том, что семена, посеянные в апреле, осенью дадут свои плоды. Эти строки можно понимать и буквально, ибо в природе действительно так и происходит, и в переносном смысле, т. к., по мысли Лонгфелло,

Апрель: немало дум,

Сердце и дум соединяешь ты!

В осенний день, под листьев желтых шум,

Созреют их плоды (Лонгфелло 1987, с.275).

«Солнечный день» в унисон «Апрельскому дню» воспевают «безупречно ясный день», когда «биенье жизни все сильнее», когда

В ветвях, склоненных до земли,

Деревья струны обрели (Лонгфелло 1987, с.360),

когда «небо сияет», как «на волшебном полотне», а солнце светит «в бездне голубой» (Лонгфелло 1987, с.360). В такие минуты душа человека воспаряет к небесам, а сердце ощущает радость бытия:

Какое счастье – жизнь вокруг! (Лонгфелло 1987, с.361)

Как видим, атмосфера этих стихотворений радостно-приподнятая, а вот в «Февральском вечере» настроение полярно противоположно. Дело в том, что у поэта февраль ассоциируется не только с холодом и морозом:

*День угасает,
Ночь наступает.
Скованы льдом
Волны реки* (Лонгфелло 1987, с.317),

но и с концом человеческой жизни, который Лонгфелло рисует кратко, всего в трех строфах. Лирический герой видит похороны: гроб, колокольный звон, *«сердце в смятенье бьется, как колокол в час похорон»* (Лонгфелло 1987, с.318).

Пейзажная зарисовка «Хлопья снега» созвучна «Февральскому вечеру», только в ней более значительная роль отведена лирическому герою. Он наблюдает за тем, как с *«сумрачных небес»* из *«хмурых туч»* на *«черный лес»* падает снег, и сравнивает это природное явление с творчеством поэта, когда его душа, наполнившаяся печалью, обнажает себя. Лирический герой дает волю своим тревогам и заключает:

*То тайные стихи небес,
То повесть давней сокровенной муки,
Из глуби сумрачных завес
Летящие неслышно звуки
К невидимой во мгле
Немой земле* (Лонгфелло 1987, с.360).

С природой и человеком в ней связано еще одно небольшое по объему произведение – «Четыре часа утра». Масштабы, как и свойственно романтикам, взяты космические:

*...Во мгле ночной
Летит в пространство шар земной.
Несет он земли и моря
Туда, где встретит их заря* (Лонгфелло 1987, с.391).

Здесь Лонгфелло не изображает, а скорее вспоминает свою любимую стихию – море. Он слышит *«дыханье моря в тишине»* (Лонгфелло 1987, с.391). Роль лирического героя уменьшается, и пространство стиха занимает море.

Отдельную группу представляют собой стихи, написанные в ярко выраженном романтическом ключе, поскольку, будучи сыном своей эпохи, поэт обладал, естественно, романтическим мироощущением. Он интерпретирует образы, весьма характерные для романтиков: ночь, одиночество, жизнь, которая уже прожита, детство, являющееся самым счастливым и беспечным временем человеческого существования, и т. п.

Пейзажные зарисовки органично вкрапливаются в стихотворения Лонгфелло, и природа, как было уже сказано, неотделима от человека.

Так, в стихотворении «Арсенал в Спрингфилде» лирический герой, созерцая горы оружия в Арсенале, вспоминает *«стон минувших поколений»* саксов, норманнов, татар, ацтеков, других воевавших народов и спрашивает:

Ужели человеческому роду

*Так сладки скрежет, лязг, пальба и крик,
Что в чистую гармонию Природы*

Он вечно диссонанс вносить привык? (Лонгфелло 1987, с.297).

Лонгфелло призывает слушать «священные мелодии любви» (Лонгфелло 1987, с.298), звучащие, по его мнению, в каждом человеке, а также воззвание к миру в проповедях Иисуса Христа, но не музыку войны.

Эти стихи наталкивают на сравнение с частью «Песни о Гайавате», озаглавленной «Трубка мира», в которой Владыка Жизни обращается к людям с просьбой прекратить распри и жить в мире:

*Закопайте в землю луки,
Трубки сделайте из камня.
...Закурите Трубку Мира*

И живите впредь как братья! (Лонгфелло 1987, с.24).

Концепция человека у поэта выявляется и в таких известных произведениях, как «Деревенский кузнец» и «Excelsior!».

В первом стихотворении перед читателем предстает образ сельского жителя, который «С утра до вечера по наковальне бьет» (Лонгфелло 1987, с.278), однако труд не приносит ему особого богатства. Но он и не страдает от бедности. Поэт рисует его семью: трех сыновей и дочь, поющую в церковном хоре. Он недавно потерял жену, и воспоминания о ней туманят его взор слезой.

Лонгфелло поет настоящий гимн кузнецу:

*Так труд, и радость, и печаль
Даны ему в удел,
И утро для него всегда*

Начало славных дел (Лонгфелло 1987, с.279).

Финал «Деревенского кузнеца» носит назидательный характер (это часто встречается у Лонгфелло): поэт говорит о своем долге и шире – об обязанности каждого человека. Необходимо

*...ковать судьбу на наковальне дня,
Пусть будут мысли и дела
Всегда полны огня* (Лонгфелло 1987, с.280).

Что же касается стихотворения «Excelsior!», то в нем, как известно, достаточно полно воплотились романтические настроения поэта, а образ юноши со стягом, девиз которого «все выше», остался в американской поэзии символом неустанного движения вперед, несмотря на преграды и соблазны.

В «Mezzo Cammin» («Середине пути») Лонгфелло продолжает размышлять о человеке, на этот раз не юноше, но муже, прошедшем половину жизненного пути и уже не мечтающем

*Из рифм и песен, полных вдохновенья,
Дворец воздвигнуть для грядущих лет* (Лонгфелло 1987, с.283).

Поэт акцентирует мысль о том, что с полгоры он видит

...под собою

Все прошлое, весь этот темный ад (Лонгфелло 1987, с.283), и причина в горестях, которые преследуют его, «едва ль не от рожденья», а также в цепи «забот убийственных и бед» (Лонгфелло 1987, с.283). И во всем, подчеркивает автор стихотворения, слышится дыхание смерти.

У Лонгфелло есть цикл стихотворений «Перелетные птицы», создававшийся долго (1863-1972), в который вошли стихотворения разных лет, объединенные мотивом «перелета», связанные в той или иной степени с природой. В стихотворении, давшем заглавие сборнику, органично сочетаются зарисовки осеннего пейзажа:

*Померк закат.
У дома в ряд
На страже тишины стоят
Седые тополя* (Лонгфелло 1987, с.340).
*...Но тает мгла:
Луна взошла,
На небе звездам нет числа,
Их свет все озарил.
Как воздух чист!
Не дремлет лист.
Вдруг тишину прорезал свист
От взмаха сотен крыл* (Лонгфелло 1987, с.341)

с мыслями о миссии поэта в жизни:

*...Внемли, поэт,
Звучал в душе твоей в ответ
Не птиц осенний зов;
То шелест был
Не птичьих крыл!
Ты чутким слухом уловил
Полет крылатых слов* (Лонгфелло 1987, с.341).
*...Так принесли,
Мелькнув вдали,
Они в безмолвный мрак земли
Гармонию стиха* (Лонгфелло 1987, с.342).

Представляется, что именно такую гармонию стиха и привнес в американскую поэзию XIX в. Лонгфелло, которого часто упрекали в банальности тем и излишней простоте, однако за банальностью стоит фигура тонко чувствующего человека с высокими моральными качествами. Известный американский критик Ван Вик Брукс отмечал, что среди многочисленных произведений поэта есть «созданные на одном дыхании» (Брукс 1967, с.128).

Из всего сказанного можно сделать вывод о том, что человек и природа в лирике Лонгфелло неразрывно связаны. Человек в высшей степени благороден, живет в ладу с природой, которая навевает ему мысли то о

жизни, то о смерти, то о вечности. Цивилизация, вернее, культура как ее часть, связана для поэта с прошлым, причем скорее не с американским, а с европейским, которое для него являлось неисчерпаемым источником вдохновения.

Брукс В.В. Писатель и американская жизнь. В 2-х т. / В.В.Брукс. – М.: Прогресс, 1967. – Т. 1. – 424 с.

Лонгфелло Г. У. Песнь о Гайавате. Поэмы. Стихотворения / Г. У. Лонгфелло. – М. : Худ. лит., 1987. – 414 с.

С.Г.Токмакова

Категория оценки в структуре художественного текста

Категория оценки и проблема ее специфики, которая издавна стояла перед исследователями в различных областях человеческого знания, активно изучается и сегодня. «Ни одно понятие не находит в языке такого разнообразия классификаций, таких разнохарактерных подходов к анализу, такого множества трактовок и такой блистательной плеяды исследователей в истории лингвистических учений от античности до современности, как оценка» (Маркелова 1995, с.67). Ученые по-разному интерпретируют термин «оценка», имея лишь общую «точку опоры».

Так, в философском словаре под оценкой понимается «высказывание, устанавливающее абсолютную или сравнительную ценность какого-то объекта» (Философский энциклопедический словарь 1998, с.467). С точки зрения значимости для изучения этого междисциплинарного явления на первое место выдвигается понятие «ценность. Важным, как отмечает Е.Ф. Серебренникова, является «положение о том, что бытие какой-нибудь вещи как действительной ценности постигается (переживается) в эмоциональном, а не в интеллектуальном рациональном акте» (Серебренникова 2011, с.27). Суть понятия «ценность» одна: ценностью считается предмет некоторого интереса, предмет, являющийся значимым для человека. Среди ценностей, накопленных человеческим опытом, можно обозначить познавательные, утилитарные, эстетические, этические и др., а также ценности самой языковой системы, в которой «индивид» существует. Понимание оценки только как мнения о ценности, по мнению Г.Ф.Гибатовой, сужает границы данной категории. «Функция оценки заключается в соотнесении предмета и события с некоторой идеализированной моделью мира, в которой находят свое отражение и другие (не только ценностные), значимые для субъекта характеристики, например, значения возможности и неизбежности, достоверности и правдоподобности» (Гибатова 2011, с.16).

В лингвистическом исследовании подчеркивается еще одна важная особенность понятия «оценка» – субъективность. Так, Л.М.Васильев отмечает, что членение и освоение мира, заключающее в себе факт оценивания, «включает не реальные свойства предметов и явлений, а лишь наши субъективные от них впечатления, наши эмоциональные реакции на них и умственные заключения о их роли в нашей жизни» (Цит. по: Гибатова 2011, с.14). Именно идея субъективности заложена в разграничении между оценочным и дескриптивным рассуждениями.

В лингвистической литературе изучение вопроса оценки сопряжено с понятиями эмоциональность и эмотивность, экспрессия и экспрессивность.

Нужно, как нам кажется, разграничивать речевые и языковые категории экспрессивности. На лексическом уровне гораздо чаще встречаются примеры языковой экспрессии, а «речевые средства реализации экспрессии на данном уровне достаточно редки» (Буянова, Нечай 2011, с.41).

В лингвистической литературе используются термины «эмоциональность» и «эмотивность», «эмоциональный» и «эмотивный». Однако в современной лингвистике отсутствует единая точка зрения о соотношении эмотивного и эмоционального в значении слова и других языковых единиц. Одни исследователи трактуют их как тождественные, другие считают пересекающимися. Некоторые учёные предлагают разграничить данные номинации. В.И. Шаховский предлагает выполнить «разделение» этих терминов, опираясь на разные дисциплины, в которых они употребляются. «Эмотивный – то же, что эмоциональный, но о языке, его единицах и их семантике (лингвистическая категория). Эмотивность – имманентно присущее языку семантическое свойство выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики» (Шаховский 1987, с. 24). Подобное мнение высказано и в работах Л.А. Пиотровской (1993), Л.А. Калимуллиной (1999), В.Н. Цоллер (1996).

Эмотивность, как и экспрессивность, может быть языковой и ситуативно-речевой. Исследователи отмечают тесную взаимосвязь между этими элементами, **которые в комплексном взаимодействии создают неповторимое своеобразие эмоционального строя художественного текста.**

На наш взгляд, необходимо подробнее охарактеризовать роль экспрессивных и эмоциональных компонентов лексического значения, которые довольно часто совмещают с оценочным значением слова, и определить их текстообразующую функцию и национально-культурную специфику, без понимания которой невозможно адекватное межкультурное общение.

Примером может служить сравнительный анализ фрагментов сказки Ф. Баума «The Wonderful Wizard of Oz» и ее переложение «Волшебник Изумрудного города», сделанное нашим соотечественником А. Волковым. Для подробного анализа мы рассмотрим главу «Ураган», в которой дано

подробное описание маленького степного мира, где жила маленькая девочка Элли до своего путешествия.

В американском и русском текстах имеется подробное описание этой местности. Ф. Баум показывает безрадостное, серое, «неживое» место обитания девочки Элли, ее дяди и тети:

*When Dorothy stood in the doorway and looked around, she could see nothing but **the great gray prairie** on every side. Not a tree nor a house broke the broad sweep of flat country that reached to the edge of the sky in all directions* (Когда Дороти стояла в дверях и смотрела вокруг, она не видела ничего кроме огромной серой прерии, окружавшей ее со всех сторон. Ни дерево, ни дом не нарушали широких просторов равнинной местности, которая доходила до края неба во всех направлениях).

Именно здесь природа властвует над людьми: солнце и ветер все вокруг превращают в серую массу:

*The sun had baked the plowed land into **a gray mass**, with little cracks running through it. Even the grass was not green, for the sun had burned the tops of the long blades until they were the same **gray color** to be seen everywhere.* (Солнце обожгло вспаханную землю, превратив ее в серую массу с маленькими трещинками, бегущими по ней. Даже трава не была зеленой, так как солнце выжгло длинные былинки, пока они не стали того же серого цвета, который был виден повсюду).

Даже тетя Эм и дядя Генри, проживая среди всего серого и унылого, также изменились: тетя Эм потеряла свою привлекательность, в ее глазах перестали блестеть задорные искорки, а с щек пропал румянец:

*When Aunt Em came there to live she was a young, pretty wife. The sun and wind had changed her, too. They had taken the sparkle from her eyes and left them **a sober gray**; they had taken the red from her cheeks and lips, and they were **gray** also* (Когда Тетушка Эм приехала сюда жить, она была молодой прелестной женой. Солнце и ветер изменили ее тоже. Они забрали блеск ее глаз и оставили их неяркого серого цвета, они забрали румянец ее щек и красноту ее губ, и они также были серыми).

Для текста Ф. Баума характерно частое употребление в тексте лексемы «серость». Именно она становится наиболее точной оценочной доминантой пространственной картины описываемого мира. Автор с ее помощью показывает безрадостное существование семьи, бедную обстановку их дома, тяжелые испытания силами природы. И только лишь девочка Элли, подарив серой местности звуки веселого детского смеха, которые были уже давно позабыты обитателями этих прерий, смогла «внести» в жизнь дяди и тети немного ярких красок.

В произведении А.М. Волкова Канзас и его обитатели представлены совсем иначе, что отличает сказку «Волшебник Изумрудного города» от

оригинала гораздо сильнее, чем какие-либо другие существующие переводы в русской культуре.

Изменения, внесенные русским автором, можно разбить на две тесно взаимосвязанные друг с другом группы: связанные с формой и связанные с содержанием.

При рассмотрении содержательной стороны отрывка «Ураган» в интерпретации А. Волкова можно отметить существенные отличия от книги Ф. Баума (добавление и элиминация значимых моментов). В тексте А. Волкова у девочки есть родители (Л.Ф. Баум «дарит» своей героине только дядю и тетю). Автор (в отличие от текста-оригинала) «подселяет» к Элли и ее семье других жителей Канзаса: «дядю Роберта с сыновьями Бобом и Диком», «старого Рольфа», который «делал детям чудесные ветряные мельницы», и других фермеров, которые «сеяли пшеницу и кукурузу». У Элли даже имеется книга со сказкой о «сильном, могучем богатыре Арнаульфе».

Значима интерпретация начала урагана: в книге Баума данное стихийное бедствие представляется природным явлением, а Волков представляет его «рукотворным» детищем «злой волшебницы Гингемы». Автор не случайно вводит героя-антагониста в текст, с его помощью А. Волков еще масштабнее противопоставляет злое и доброе, хорошее и плохое, употребляя при этом большее количество лексем с отрицательным значением. В связи с таким своеобразным, дополненным в содержательном плане переложением текста Ф. Баума книга «Волшебник Изумрудного города» становится более эмоционально насыщенной, что, безусловно, влияет на восприятие текста детским сознанием.

Канзас в переводе А. Волкова (в отличие от текста-оригинала) не выглядит унылой, серой местностью. Используя слова с положительным оценочным значением, автор «вдыхает» жизнь в описание. Интересным отличительным элементом также является употребление в русском тексте лексемы *родина*:

*Широкая степь не казалась Элли унылой: ведь это была ее **родина**.*

И это очень важный момент. Вероятно, такое дополнение в русском переложении не случайно. «Для русского человека характерно очень личное и открытое (в словесном плане) эмоциональное отношение к **родине-матушке, к святому отечеству**» (Тер-Минасова 2004, с.176). В русской языковой картине мира значение слова *родина* имеет широкую положительную коннотацию, о чем свидетельствует целый ряд пословиц и поговорок, закрепивших многовековую народную мудрость (родной край – сердцу рай; Родина – мать, чужбина – мачеха). Автор приписывает всей местности положительное оценочное значение только потому, что она является родиной Элли.

Исследования категории оценки в единстве текста – необходимая работа для понимания глубинных смыслов и тайн воздействия художественного произведения, а также отношения человека к миру, которое в русском

языке нашло воплощение в поговорке: «не по хорошему мил, а по милу хорош».

Буянова Л.Ю., Нечай Ю.П. Эмотивность и эмоциогенность языка: механизмы экспликации и концептуализации. – Краснодар, 2011. – 277с.

Волков А. М. Волшебник Изумрудного города/А.М. Волков. - М.: АСТ, 2002. – 285с.

Гибатова Г.Ф. Ментальные сферы русского языка: мнение и оценка: автореф. дис...докт. филол. наук. - Уфа, 2011. - 43с.

Лукьянова Н.А. О соотношении понятий экспрессивность, эмоциональность, оценочность // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск: НГУ, 1976. Вып. 5. С. 3–21.

Маркелова Т. В. Взаимодействие оценочных и модальных значений в русском языке / Т. В. Маркелова // Филол. науки. – 1996. – № 3. – С. 80–89.

Мягкова Е.Ю. Эмоциональная нагрузка слова: опыт психолингвистического исследования. – Воронеж, изд-во Воронеж ун-та, 1990. – 106с.

Ромашова И.П. Экспрессивность как семантико-прагматическая категория высказывания: дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2001. – 167 с.

Серебренникова Е.Ф. Ключевые понятия аксиологического анализа// Лингвистика и аксиология. – М.: Тезаурус, 2011. – С.27-40.

Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация (Учеб. пособие)/ С.Г. Тер-Минасова. — М.: Слово/Slovo,2000. — 624 с.

Шарифуллин Б.Я. Эксплицитная и имплицитная экспрессивность лексической единицы // Явление вариативности в языке: Материалы всероссийской конференции (13-15 декабря 1994 г.) Кемерово, 1997.

Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка/ В.И. Шаховский. – Воронеж.: изд. ВГУ, 1987. – 191с.

Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА-М, 1998.-574с.

Baum L.F. The Wonderful Wizard of Oz. – Penquin, 2005 – 155p.

С.А.Шутова

Трансформация «американской мечты» в романе Р.П. Уоррена «Место, куда я вернусь»

«Американская мечта» – одна из главнейших составляющих культуры, истории, общественной и политической жизни США, миф, который оказал значительное влияние на формирование американского национального характера.

Впервые словосочетание «американская мечта» было употреблено историком Генри Адамсом в «Истории Соединенных Штатов Америки»

(1884), хотя популярным этот термин стал гораздо позднее, после публикации книги «Эпос Америки» (1931). В этой работе, написанной Джеймсом Адамсом, была предпринята попытка рассмотреть всю историю США через призму «американской мечты».

Однако вопрос о времени зарождения концепции «американской мечты» и сегодня остается открытым. Некоторые исследователи относят появление концепции «американской мечты» к 1607 году, когда на берег Нового Света высадились первые поселенцы. Другие ученые полагают, что «американская мечта» зародилась в Старом Свете и была привезена в Америку. Известный исследователь американской истории Д. Бурстин замечает, что в период освоения Америки «<...> возникали мифы, в основном европейского происхождения» (Бурстин 1993, с. 285).

Говоря о зарождении американского государства и формировании «американской мечты», необходимо подчеркнуть главенствующую роль пуританских идей. В целом, «пилигримы», прибывшие в Америку, верили в то, что они являются преемниками племен, которые сорок лет бродили по пустыне, после того, как покинули Египет и образовали нацию Израиля. Американским пилигримам, как они полагали, было суждено было построить «Град на Холме», где у всех будут равные возможности. Очевидно, что отцы-пилигримы видели в ветхозаветном Израиле прообраз государства, который они собирались создать в Новом Свете. Неслучайно во многих проповедях пилигримов встречаются выражения: «американский Иерусалим», «новоанглийский Иерусалим», «американский Ханаан», «Новый Ханаан». В этом представлении обнаруживаются истоки двух основных концепций, положенных в основу «американской мечты» – концепции американской избранности и особой миссии Америки. Помимо концепции «избранности» пуритане обосновали концепцию божественного предначертания. Эту мысль впервые сформулировал Дж. О' Салливан в политическом журнале *Democratic Review*: «Провидение даровало нам право заселить целый континент для свободного развития Америки. Это право столь же естественно, как право дерева расти» (Сардар, Дэвис 2003, с.115). Пуритане видели в Америке реализацию концепции «Нового Рая», в котором американцы начнут жизнь с чистого листа, избавившись от грехов Старого Света. Таким образом, Америка стала восприниматься как место, в котором можно переписать историю заново, с первого дня сотворения мира.

Еще одной концепцией, вошедшей в состав «американской мечты», наряду с концепцией «равных возможностей», стала идея «успеха», которая зародилась еще в самом начале заселения Америки. Концепция достижения успеха тесно связана с идеей *self-made man* (человека, который сделал себя сам). Таким образом, понятие «американская мечта» представляет собой сложное соединение нескольких концепций: концепции успеха, концепции американской исключительности и богоизбранности, концепции Америки как Града Божьего и американца

как Нового Адама, концепции равных возможностей. Нашей задачей в этой статье становится рассмотрение одной из составляющих «американской мечты» в романе Р.П. Уоррена «Место, куда я вернусь».

Последний роман Р.П. Уоррена, написанный в 1977 г., рассказывает историю Джеда Тьюксбери, выходца из маленького южного городка. Тема особого предназначения Америки связана в романе с фигурой профессора Штальмана, научного руководителя Джеда. За судьбой Штальмана угадываются судьбы многих эмигрантов. Профессор отчетливо понимает, что не смог бы выжить в фашистской Германии, но не может не переживать за оставленную родину. Эмиграция для него – признание собственной слабости, неумения бороться за то, во что ты веришь. Невозможность вернуться в Германию, предчувствие приближающейся катастрофы (события происходят в мае 1942 года) заставляют Штальмана мучительно ощущать полное бессилие перед лицом Истории. Чувство беспомощности пронизывает штальмановскую философию – философию «камня и зайца», образно представленную ученым: однажды Штальман наблюдал в горах каменную осыпь, которая мгновенно поглотила луг и бегущего зайца: «Заяц вострепнулся. Только теперь я впервые услышал грохот. Не очень сильный, но он как будто заполнил собой все вокруг. Он доносился откуда-то из-за леса. Это было похоже на медленный, хриплый выдох. Или на стон боли. <...> Когда на краю леса покатались первые большие камни, он поскакал по лугу. Но не успел» (Уоррен 2004, с. 102).

В период «камнепада» человек оказывается тем самым зайцем, которому не удалось ни спастись самому, ни что-либо изменить в сложившейся ситуации. И профессор Штальман, избравший путь спасения собственной индивидуальности, перед смертью признается Джеду, что единственным правильным решением было бы решение вернуться в Германию. Герой осознает необходимость «публично предавать проклятью» (Уоррен 2004, с.98) то, во что превратили страну фашисты. Решение Штальмана стать американским гражданином (в разговоре с Джедом он подчеркивает, что хотел бы быть чернокожим) представляется попыткой искупления. Профессор несколько раз повторяет, что хотел бы быть достойным своей новой Родины, что возлагает большие надежды на «смертоносное простодушие американцев» (Уоррен 2004, с.100). «Смертоносное простодушие» (murderous innocence) американцев – это простодушие Адама, который не боится начать строить «Град Божий» на земле. Война представляется Штальману повторным изгнанием из Рая, духовным испытанием, выдержать последствия которого сможет та нация, которая верит в свое особое предназначение.

Мысль о построении земного Рая занимает Штальмана, который полагает, что основным положением в Декларации земного Рая должна стать идея мира без наций с равными возможностями для каждого (это положение очень напоминает второй пункт Декларации Независимости). Однако его теория похожа на мечту, в осуществимость которой не верит

даже ее создатель. «Я стал мечтать о таком мире, где не было бы наций. Как царство Божие для христианина освещает небесным светом города, так и «*imperium intellectus*», царство интеллекта, способно осветить и оживить мир нашей блуждающей в потемках плоти и ее низменных органов» (Уоррен 2004, с. 95). Подобную мысль выскажет друг Джеда, бежавший из Германии еврей Стефан Мостовский.

Штальман и Мостовский, на первый взгляд, имеют много общего. Один – еврей, потерявший мать в одном из фашистских лагерей, другой – немец, женившийся на «прекрасной еврейке», чья мать «умерла в лагере» (Уоррен 2004, с. 97). Жизненные идеалы так же оказываются поразительно похожими. «Я стал мечтать о таком мире, в котором бы не было наций», – говорит Штальман. «И он (Мостовский) заговорил о будущем мира без наций и государств» (Уоррен 2004, с. 455).

Однако это будущее они представляют различно. Романтик и философ Штальман, рассуждая о мире без наций, представляет «залитый солнцем луг вне времени и пространства...Царствие Божие...способно осветить и оживить мир нашей блуждающей в потемках плоти и ее низменных органов» (Уоррен 2004, с.95). Циник Мостовский видит «превращение в невероятно эффективные и бесчувственные механизмы, которые будут воспроизводить еще более бесчувственные механизмы» (Уоррен 2004, с.455). Более того, Мостовский не считает плоть низменной и блуждающей в потемках, а охотно рассуждает о «поэзии плоти» (Уоррен 2004, с. 497).

Развивая теорию Штальмана «о камне и зайце», Стефан приходит к выводу, что все люди являются лишь «случайным порождением истории» (Уоррен 2004, с. 498). А значит – нет никакой вины и чувства долга перед Историей и Родиной, которые так терзали Штальмана. Мостовский полагает, что «кролик» ради спасения может менять убеждения и идеалы. Используя категории эмерсоновской этики, Мостовский разделяет людей на «широко мыслящих» ("large-minded") и «узко мыслящих» ("little-minded"). Умение приспосабливаться к любой ситуации – признак широкого мышления. «У меня нет такой страны, которую я мог бы считать своей, и я стараюсь даже в этой ситуации быть счастливым» (Уоррен 2004, с. 498), – замечает Мостовский, отчаянно пытающийся почувствовать себя американцем.

Штальман и Мостовский, занятые размышлением о земном Рае и особой миссии Америки, представляют два типа отношений к понятию «американская мечта». Джордж Сантаяна заметил, что существует две Америки и два типа «американской мечты»: «Одна выражает веру и надежду отцов, другая – инстинкты, практику и открытия нового поколения» (Сантаяна 2003, с. 70).

Интересен тот факт, что в особое предназначение Америки в романе Р.П. Уоррена верят эмигранты из Старого Света (Штальман, Мостовский). Герои, рожденные в Америке, отправляются в поисках истины и свободы в

Европу. Во время войны Джед, находясь в Италии и постоянно общаясь с «головорезами» (так герой называет итальянских солдат), выясняет, что он не чувствует никакой связи с родиной. Отряд Джеда берет в плен немецкого лейтенанта, чей жизненный путь оказывается удивительно похож на жизненный путь Тьюксбери (будучи ровесниками, они оба занимаются изучением литературы в университете, оба прекрасно разбираются в античной культуре). Перед расстрелом лейтенанта, отказавшегося сообщать сведения о своих товарищах, Джед спрашивает его на латыни: *dulce est decorum est?* (3-я ода Горация: приятно и почетно умереть за Родину?). Свой издевательский тон и жестокость в поведении герой объясняет тем, что испытывал зависть к человеку, который был готов умереть за родину и собственные убеждения. «И когда, одним выстрелом разнеся голову лейтенанту СС, я вышел во тьму, лишь время от времени освещаемую выглядывающей из-за облаков луной, и меня вырвало – даже в эту минуту я знал, что ненавидел его. Ненавидел просто потому, что завидовал ему» (Уоррен 2004, с.113). Джед признается, что сам он не способен умереть за округ Клаксфорд, и единственной причиной его смерти может стать смерть от смеха. Герою Уоррена придется пройти долгий путь, прежде чем он снова почувствует свою связь с местом, где родился и своей страной в целом.

Таким образом, Р.П. Уоррен в романе «Место, куда я вернусь» пытается переосмыслить концепцию мессианского предназначения Америки. В статье «Наследие гражданской войны» писатель называет национальную политику Америки «моральным нарциссизмом», который ярко проявился во время «крестового похода 1941-1945 годов» (Уоррен 1988, с.195). Америка, уверенная в «своей правоте» (Уоррен 1988, с.197), вызывает у Уоррена двойственные чувства. С одной стороны, вера в собственное предназначение и непогрешимость своих идеалов позволила молодому по меркам мировой истории государству стать политическим и экономическим лидером. С другой – американская «нация живет иллюзиями безгрешности и добродетели» (Уоррен 1988, с.195). Писатель отмечает, что американцы «еще не доросли до того, чтобы понять всю сложность нравственного выбора, двойственность человеческого опыта» (Уоррен 1988, с.195).

В романе Уоррена герои-американцы выражают скептическое отношение ко многим составляющим понятия «американская мечта». И Адамом, который готов попробовать возвести новый земной рай, оказывается сбежавший из фашистской Германии еврей. Джед Тьюксбери, миссис Джонс-Толбот, Розелла Хардкасл (американцы по происхождению) в поисках мечты отправляются в странствие по Европе, чтобы восстановить утраченную связь с родиной. В этой парадоксальной ситуации особенно ясно проявляется то, что Уоррен называл «иронией истории» (Уоррен 1988, с.195), указывающей на необходимость

переосмысления многих элементов американской идеологии, в число которых входит понятие «американской мечты».

Бурстин Д. Американцы: Национальный опыт / Д.Бурстин. – М.: Прогресс, 1993.

Сантаяна Дж. Характер и мировоззрение американцев / Дж. Сантаяна. – М.: Идея-Пресс, 2003.

Сардар З., Дэвис М.В. Почему люди ненавидят Америку? / З. Сардар, М.В.Дэвис. – М.: Изд-во Проспект, 2003.

Уоррен Р.П. Место, куда я вернусь / Р.П. Уоррен. – М.: Текст, 2004.

Уоррен Р.П. Как работает поэт / Р.П. Уоррен. – М.: Радуга, 1988.

Т.Г.Эстрина

Метафора *узор ковра* в одноименной новелле Г. Джеймса

Особое видение художника, осмысление творческого акта как такового составили краеугольную проблематику творческой деятельности Генри Джеймса. О неиссякаемом интересе Джеймса к этому предмету свидетельствуют не только его художественные произведения: романы «Родрик Хадсон» (Roderick Hudson 1875), «Трагическая муза» (The Tragic Muse 1890), «Золотая чаша» (The Golden Bowl 1904); новеллы «Мадонна будущего» (The Madonna of the Future 1873), «Урок мастера» (The Lesson of the Master 1888), «Письма Асперна» (The Aspern Papers 1888), «Подлинные образцы» (The Real Thing 1892), «Смерть льва» (The Death of the Lion 1894), «В следующий раз» (The Next Time 1895), «Узор ковра» (The Figure in the Carpet 1896), «Фликербридж» (Flickerbridge 1902) и др., но и многочисленные литературно-критические эссе писателя.

Особое внимание Джеймс уделяет фигуре своего предшественника и соотечественника Натаниэля Готорна, посвящая ему обширное литературно-критическое исследование под названием «Готорн» (Hawthorne 1879).

В размышлениях обоих писателей о творчестве можно выявить определенную преемственность, очевидные и неочевидные переклички. Мы сосредоточимся на метафоре *ковра* и *узора ковра*, которая служит Джеймсу средством осмысления процесса литературного творчества. Есть некоторые основания предположить, что ее возможным источником было творчество Готорна.

Новелла Джеймса «Узор ковра» (The Figure in the Carpet 1896), неоднократно становясь объектом исследования, получила самые разнообразные интерпретации. Так, Вольфганг Изер (Wolfgang Iser) находит в новелле подтверждение своей теории о том, что значение

литературного текста может актуализироваться лишь в его воздействии на читателя (Iser W. 1978, с.239).

Иными словами, *узор* материализуется при реартикуляции читателем смысла, заложенного автором. Джозеф Хиллис Миллер (Joseph Hillis Miller) со своей стороны полагает, что новелла «Узор ковра» иллюстрирует представление о том, что любой знак за своей поверхностью ничего не скрывает, являясь фантазмом, возникающим в результате игры поверхностных, обладающих лишь видимой реальностью элементов. Миллер настаивает на принципиальной невозможности нахождения адекватной формулировки значения метафоры *узора ковра* (Miller J. Hillis 1998, 275 p.).

Росс Чэмберс (Ross Chambers) сосредотачивает свое внимание главным образом на повествовательном импульсе новеллы «Узор ковра», вызывающем у читателя ответный импульс к генерированию собственных повествований. Отечественный исследователь творчества Генри Джеймса О.Ю. Анцыферова усматривает в новелле отклик писателя на современную ему литературную ситуацию, на появление профессиональной литературной критики. «Узор ковра» трактуется исследователем как своего рода игра, ироническое поддразнивание писателем литературных критиков.

В новелле «Узор ковра» выразилось понимание Джеймсом феномена творчества. Завязка новеллы выглядит следующим образом. Хью Верекер, знаменитый писатель, разоткровенничавшись с рассказчиком, молодым литературным критиком, написавшим весьма поверхностную, по мнению писателя, рецензию на его последний роман, рассказывает о загадке своих произведений, которую никто не может постичь. Безуспешно пытаясь найти разгадку тайны, рассказчик дает ей метафорическое определение *узора ковра*.

Сама фамилия писателя при ближайшем рассмотрении оказывается говорящей и отсылает к творчеству. Верекер (Vereker) можно истолковать как «творящий истину» (корень *Ver* происходит от лат. *Verum* — истина; корень *Ker* отсылает к древнеанглийскому глаголу *seorpan* — творить). В.М.Толмачев отмечает, что «говорящие» имена получили широкое распространение в творчестве Джеймса (Толмачев 2008, с. 336–337).

В новелле речь идет о неподдающейся раскрытию тайне творчества – о зримости, даже осязаемости присутствия авторской интенции в художественном тексте, но невозможности (даже для самого автора) прочесть ее однозначно. В самой постановке проблемы и ее образном воплощении можно усмотреть косвенный намек на «Алую букву» (The Scarlet Letter 1850) Натаниэля Готорна. Как Джеймс, так и Готорн, стремятся помощью своего письма проникнуть во внутреннюю жизнь человека, «высветить» его скрытые переживания. Характерной чертой литературного стиля обоих писателей становится неоднозначность, возможность одновременно сосуществующих интерпретаций. Любопытно,

что о загадке буквы – в связи с невозможностью буквального прочтения литературного знака – прямо высказывается рассказчик у Джеймса, пытающийся интерпретировать последний роман мистера Верекера: “Perhaps it’s a preference for the letter P! ...he only said I hadn’t got the right letter” (James 1996, P. 581).

В предисловии к роману «Алая буква» Готорн рассуждает о воображении, игре писательской фантазии: «Нет обстановки, более располагающей сочинителя романов к встрече со своими призрачными гостями, чем издавна знакомая комната, где лунные лучи заливают ковер таким белым сиянием, так явственно вырисовывают узор на нем, делают каждый предмет таким отчетливым и вместе с тем совсем иным, чем в утреннем или полуденном свете!» (Готорн 2001, с. 44).

Ковер выступает у Готорна, с одной стороны, частицей особого микроклимата, располагающего к творчеству, а с другой – переходом в область фантазии. «И вот пол в нашей привычной комнате становится нейтральной полосой, чем-то соединяющим реальный мир со страной чудес, где действительность и фантазия могут встретиться и слиться друг с другом», – пишет Готорн (Готорн 2001, с. 44).

Найденная вышивка с алой буквой, предмет забытого искусства, становится у Готорна импульсом к творчеству. «...Сделана она была с необычайным мастерством: стежки (как меня заверили дамы, посвященные в такого рода тайны) говорили об искусстве, уже забытом, секрет которого нельзя было раскрыть, даже если выдергивать нитку за ниткой. ...Глаза мои невольно устремлялись на нее и не могли оторваться. Конечно, в ней таился какой-то глубокий смысл, настойчиво требовавший объяснения. Словно источаемый буквой, он неуловимо воздействовал на чувства, но не поддавался анализу ума» (Готорн 2001, с. 39).

Алая буква, воплощающая в себе сокровенную тайну, обжигает при прикосновении к ней, при малейшей попытке ее разгадать: «Мне почудилось ... будто что-то почти физически обожгло меня; казалось, буква сделана не из красной ткани, а из докрасна раскаленного железа. Я вздрогнул и помимо воли выронил ее из рук» (Готорн 2001, с. 40). Мотив ускользающей загадки объединяет «Алую букву» Готорна и новеллу Джеймса «Узор ковра». Напряжение в новелле Джеймса поддерживается за счет маниакального стремления рассказчика найти разгадку тайны творчества знаменитого писателя. Гвендолен Эрм, жена Джорджа Корвика, критика, постигшего эту тайну творчества (как сообщается читателю), но умершего в результате несчастного случая, подобно героине «Алой Буквы» Эстер Прин, хранит разгадку тайны у себя на сердце, никому не раскрывая ее.

Героиня романа «Алая Буква» Эстер Прин вынуждена носить в качестве клейма позора собственноручно сделанную вышивку с буквой «А» на лоскуте алой ткани. Данный узор в романе символизирует совершенный героиней грех. Эстер на протяжении всей жизни занимается рукоделием,

ее фантазия находит истинное воплощение в создании нарядов для своей маленькой дочери Перл. Героиня шьет дочери пунцовое платье с красивым золотым узором. Пастор Уилсон, увидев девочку, реагирует следующим образом: «Знаете, я видел точно такие фигурки, когда солнечные лучи проникали сквозь цветные оконные стекла и на пол ложились золотые и пурпурные пятна» (Готорн 2001, с. 124).

Здесь тоже речь идет об акте восприятия сложно устроенного «палимпсеста», плотной и многослойной «текстуры» – формы, стихийно и вместе с тем предсказуемо порождающей смысл. Узор, таким образом, символизирует нечто разом и обыденное, и необычайное, отличающееся от повседневности.

Загадка творчества в новелле Джеймса предстает сложным символом, постоянно меняющим свое значение. Так, мистер Верекер метафорически определяет ее как *the organ of life* (орган жизни). Данная метафора оказывается смежной по смыслу с готорновской метафорой *сердца* и также отсылает к «Алой букве». В «Алой букве» мы находим главу с метафорическим названием «тайники сердца». Оба писателя связывают *тайное, сокровенное* с жизненно важным органом. Рассказчик в новелле «Узор ковра» буквально одержим тайной творчества Верекера, его жизнь подчинена маниакальному стремлению найти ее разгадку. Тесное сплетение жизни и литературы доведено Джеймсом в новелле до иронического отождествления. «...Жизнь перетекает в литературу, а литература становится жизнью», – замечает О.Ю. Анцыферова (Анцыферова 2004, с. 384) о рассказчике джеймсовской новеллы.

Алая буква у Готорна, как и *узор ковра* у Джеймса, выступает многозначным символом. Так, с одной стороны, эта эмблема становится символом совершенного героиней греха, а с другой – знаменует рождение ни в чем неповинного дитя. «Перл удерживает меня в жизни, и она же меня карает. Разве вы не видите, что она тоже – алая буква, но эту алую букву я люблю, и поэтому нет для меня на свете возмездия страшнее, чем она» (Готорн 2001, с. 127), – говорит Эстер о своей горячо любимой дочери Перл.

Метафора узора появляется также и в предисловии к роману Генри Джеймса «Родерик Хадсон» (Roderick Hudson 1875). С помощью данной метафоры Джеймс описывает процесс создания произведения. В процессе написания произведения художнику раскрывается бесконечная полнота возможностей. «...Молодой вышивальщик по канве жизни вскоре начинает испытывать ужас перед обширностью поверхности, на которой он трудится, перед бесконечным числом стежков, которые предстоит сделать его игле, перед тенденцией его разноцветных фигур и цветов распространяться во все стороны, покрыть как можно больше крошечных отверстий в основе. Работа над цветком или фигурой состоит в постоянном подсчете этих отверстий холста и тщательном их отборе» (James 1962), – пишет Джеймс об опыте написания романа. Писатель уподобляет жизнь

тканой поверхности, расшитой разными узорами. Одна нить образует на ткани один узор, другая, вплетаясь в существующую основу, выводит другой узор. В этой поверхности заложена возможность бесконечного множества вариантов узора. В созданном произведении, тяготеющем к первоначальной потенциальной полноте, художником закладывается возможность бесконечной множественности его прочтений.

Сама новелла «Узор ковра» предстает сложным узором. В новелле речь все время идет о литературном творчестве, она буквально соткана из неявленных читательскому взору романов и рецензий, с которыми читатель лишен возможности непосредственно ознакомиться и узнает об их существовании лишь со слов рассказчика. Названия романов разбросаны в новелле, словно ключи к разгадке тайны *узора ковра*, и образуют символическую цепочку, с помощью которой можно описать процедуру чтения и интерпретации произведения. Так, первый роман Гвендолен Эрм, написанный под влиянием творчества Верекера, носит название “Deer Down” («Глубоко внизу»), заглавие второго, более сильного романа Гвендолен, “Overmastered” («Покоренный»). Последний роман Верекера – “The Right of Way” («Верный путь»), а название журнала, в котором сотрудничают рассказчик и Джордж Коврик – “The Middle” («Середина»). Эти названия подкрепляют метафору *узора ковра*, представляющую чтение как путешествие, погружение в неведомые глубины жизни, где верность избранного пути всегда остается под вопросом и где читатель из-за невозможности постичь до конца авторскую интенцию всегда вынужден останавливаться на середине пути. Метафора *узора ковра*, примененная Джеймсом, побуждает задуматься о чтении как о сугубо индивидуальном переживании со своим неповторимым рисунком, где главная ценность переживания состоит в открывающемся читателю уникальном опыте.

Новеллу «Узор ковра» венчает смерть всех персонажей, которые могли бы дать молодому литературному критику ответ на мучающий его вопрос. В романе Готорна человеческому бытию приходит конец, а буква «А», несмотря ни на что, продолжает существовать: «На черном поле сияет алая буква «А» (Готорн 2001, с. 295).

Тайна творчества оборачивается как у Джеймса, так и у Готорна принципиальной многозначностью, несводимой к единому смыслу.

Джеймс заимствует у Готорна метафору *узора ковра* как обозначения работы творческого воображения, делая акцент на многогранности данного процесса и непредсказуемости его результатов. Данная метафора отсылает как к воображению писателя, так и к работе воображения читателя. Идеальным читателем и для Готорна, и для Джеймса, становится активный, постоянно осознающий свою роль субъект, способный «расшифровать» скрытые смыслы авторских метафор, построить свой индивидуальный *узор*, дав собственную интерпретацию прочитанному. Служение искусству, напряженная рефлексия над природой творчества

оборачивается для обоих писателей своего рода отчуждением в жизни. Готорн и Джеймс, как известно, вели замкнутый образ жизни, всячески избегая вторжения посторонних в их частную жизнь. Трудно назвать писателя, более склонного к рефлексии над творческим процессом, чем Генри Джеймс, эта рефлексия последовательна, разнообразна по форме, очень нередко принимает вид тонкой и требовательной к читателю работы с метафорами. Литература, замыкаясь на самой себе, демонстрирует парадокс, вызывающий иронию, как это искусно представлено Джеймсом в новелле «Узор ковра».

Анцыферова О.Ю. Литературная саморефлексия и творчество Генри Джеймса. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2004. С. 384.

Готорн Н. Алая буква / Пер. с англ. Н. Емельяниновой, Э. Линецкой. СПб.: Азбука-классика, 2001. С. 295.

Chambers R. Story and Situation: Narrative Seduction and the Power of Fiction. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1984. P. 8–9.

Iser W. The Act of Reading: A theory of aesthetic response. Baltimore; L.: The Johns Hopkins University Press, 1978. 239 p.

James H. Preface to “Roderick Hudson” // The Art of the Novel: Critical Prefaces / Ed. by R.P. Blackmur. N.Y.: Charles Scribner's Sons 1934; rpt. 1962.

Miller J. Hillis. The Figure from the Carpet // Reading Narrative. Norman: University of Oklahoma Press, 1998. XIX, 275 p.

Толмачев В.М. Американский роман: от Г.Джеймса к Т.Драйзеру // Зарубежная литература конца XIX–начала XX века в 2 т. 3-е изд. Т.2. М.: Изд. дом Академия, 2008. С. 336–337.

Религиозный текст

Ю.Л.Пономарева

Эволюция церковнославянского языка XI, XVI, XXI веков по данным канонических текстов (на материале псалма 22)

Исследование текстов определенного жанра основывается на теории языка (различительное означивание) и теории речи (сходное означивание). Аспект стилиобразования текста выявляет речевую стилистическую системность конкретного стиля речи и жанровомаркирующий способ организации его семантического пространства. В анализе языка как системы значимостей актуализируется единица языка. Она выражает противопоставление членов системы. Язык основан на

противопоставлении. Поэтому при сопоставлении церковнославянского языка различных временных срезов важно выявить изменения в его системе, соотнести эти изменения с развитием древнерусского и общенародного языка, влиянием греческого. Рассмотрим это на примере текста псалма.

Псалом 22 читается на богослужении в Последовании ко Св. Причащению и мог быть написан по одному поводу с Пс. 4, т.е. во время бегства от Авессалома из Иерусалима, когда Сави, Махиром и Верзеллием в виду войск Авессалома было принесено пропитание для Давида и его спутников (см. стих 5; ср. Пс. 4:8). Здесь есть косвенный намек на то, что Давид чувствует некоторую вину перед Господом (см. стих 3). <...>

1. Господь – Пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться:

Господь – Пастырь мой – основная мысль псалма, подробно раскрытая во всем его содержании. Как пастырь, Господь охраняет и питает Давида.

2. Он покоит меня на злачных пажитях и водит меня к водам тихим.

Злачные пажити – луга, поросшие богатой травой, на которые пастухи выгоняют свои стада.

Воды тихие – покойные, не бурно текущие, образующиеся от сильных дождей, которые потом быстро же и высыхают, а источники непересыхающие – всегда текущие и доставляющие воду.

3. Подкрепляет душу мою, направляет меня на стези правды ради имени Своего.

Подкрепляет душу – своим попечением о Давиде Господь подкрепляет его, душу мою (гебраизм), то есть «меня».

Направляет меня на стези правды – разными фактами из жизни или откровениями своей воли через пророков указывает в случае уклонений истинный путь жизни. Так, например, было после преступления с Вирсавией, которое обличил пророк Нафан.

Ради имени Своего – выражение, часто повторяемое в псалмах и вообще в Библии. Оно означает, что Господь, который свят и не имеет в себе никакого недостатка, требует и от своих рабов – людей нравственной чистоты, почему и направляет на стези правды, чтобы человек, как раб и сын Божий, своим недостойнством не унижал своего Господина и Отца – Бога.

4. Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной; Твой жезл и Твой посох – они успокаивают меня.

Долина смертной тени – долина, полная опасностей для жизни от возможных нападений врагов. Это долина, где он находился в то время. Давид верит, что Господь спасёт его от смертных опасностей.

Жезл и Твой посох – орудия, которыми пастухи защищают свои стада от хищных зверей. Господь оберегает меня Своей силой, как пастух овец посохом.

5. *Ты приготовил предо мною трапезу в виду врагов моих; умастил елеем голову мою; чаша моя преисполнена.*

Умастил елеем голову – благодаря посланной помощи я испытываю радостное настроение, внешним знаком чего на Востоке являлось умащение елеем головы.

6. *Так, благость и милость [Твоя] да сопровождают меня во все дни жизни моей, и я пребуду в доме Господнем многие дни* (Толковая Библия, т. III, с.260-261).

Первый вариант текста псалма 22 относится к древнейшему глаголическому списку «Синайской псалтири» XI в., переписан в Болгарии, и хранится в монастыре св. Екатерины на Синайском полуострове. Был опубликован в переводе на кириллицу (буква в букву) С. Северьяновым в 1922 г.

XI век

1 Гь\ пасеть м> і ні(есоже 2 мене лішіть? На мѣстѣ паствѣнънѣ ти м> вѣселі На водѣ покоіне вѣспітѣ м>? 3 Дш&@ мо\ обрѣти? Наставі- 1 ль м> есі на стѣс@ правы> |

2 Имені его раді эште бо і 3 пойд@ посрѣдѣ сѣні сѣмръ- 4 тѣны> |□
5 Не убо\ с> зѣла эко тѣ со мно- 6 \ есі | Жезль тво-і палица
7 твоѣ та м> итѣшісте |□□

8 Уготоваль есі прѣдо мно\ 9 трапез@? Прѣдѣ сѣт@жа\– 10 штіими мнѣ□

11 Умастіль есі олѣемъ гла- 12 вѣ мо\? И (еша твоѣ упа- 13 э\шті м> коль дръжавъ– 14 на естѣ |□ 15 И мілостѣ твоѣ поженѣтъ м> 16 вѣс> дѣні живота моего? 17 И да вѣсел@ с> въ домъ 18 гн&ъ въ длѣгот@ дѣны | (Северьянов С. 1922, с.27)

В тексте XI века отмечаются характерные черты старославянского языка: действует закон открытого слога – правильное употребление носовых гласных (юсов), в т.ч. йотированных - м>, дш&@ мо\, стѣс@ правы>, пойд@, сѣмрътѣны>, убо\ с>, мно\, трапез@, сѣт@жа\штіими, упаэ\шті, вѣс>, вѣсел@ с>, длѣгот@; редуцированных гласных ѣ и ѣ в слабой и сильной позициях – паствѣнънѣ, вѣселі, вѣсел@, вѣспітѣ, стѣс@, сѣмрътѣны>, зѣла, сѣт@жа\штіими, дръжавъ– на, вѣс>, длѣгот@; пасеть, лішіть, иготоваль, прѣдѣ, естѣ, въ домъ. Сохраняется долгий гласный э: на мѣстѣ паствѣнънѣ, на водѣ покоіне вѣспітѣ, посрѣдѣ сѣні, итѣшісте, прѣдо, прѣдѣ, мнѣ. Выделяются

старославянские слоговые плавные **рѣ** и **лѣ**: дръжавѣна, длѣготѣ; мягкие шипящие **ж** и **шт** перед гласными переднего ряда (действует закон слогового сингармонизма): лішѣтъ, штѣшісте, сѣтъѣжа\штѣими, ипаѣ\штѣ, жівота. В некоторых случаях наблюдаются черты южнославянского влияния: смешение гласных **ѣ** и **ѣ** – дѣні и дѣньи, мілостѣ, гѣѣ и гнѣѣ, поженѣтъ. Наблюдается замена **z**, а на **э**: эште, эко, твоэ, ипаѣ\штѣ; а на **е** – (еша. Обнаруживаются и древнерусские черты: в слове олѣемъ чередование звуков: вместо **е** – **о**. В письме используется краткая **і**. Фонетические особенности демонстрируют элементы, характерные как для южного, так и для восточного письма.

К морфологическим особенностям можно отнести разные формы в склонениях существительных: с основой на **ǣ** – на водѣ (вода: ж.рода, ед.ч., М.п., обстоятельство места), трапезѣ (трапеца: ж.рода, ед.ч., В.п., прямое дополнение), главѣ (глава: ж.рода, ед.ч., В.п., прямое дополнение), въ длѣготѣ (длѣгота: ж.рода, ед.ч., В.п., обстоятельство времени); с основой на **ǣ̃** – дшѣѣ (дшѣа: ж.рода, ед.ч., В.п., прямое дополнение), палѣца (палѣца: ж.рода, ед.ч., Им.п., подлежащее), (еша ((еша: ж.рода, ед.ч., Им.п., подлежащее), на стѣсѣ (стѣсѣ: ж.рода, ед.ч., В.п., дополнение), с основой на **ǫ** – на мѣстѣ (мѣсто: ср.рода, ед.ч., М.п., обстоятельство места), зѣла (зѣло – ср.рода, ед.ч., Р.п. разделительный, дополнение), жезлѣ (м.рода, ед.ч., Им.п., подлежащее), жівота (жівотѣ: м.рода, ед.ч., Р.п. части целого, обстоятельство времени); с основой на **-ǫ̃** – олѣемъ (олѣи: м.рода, ед.ч., Тв.п., дополнение); с основой на **-ǫ̃** – Гѣ (муж.рода, ед.ч., И.п., подлежащее), посрѣдѣ сѣні (сѣнь: ж.р., ед.ч., Р.п., обстоятельство места), мілостѣ (ж.рода, ед.ч., Им.п., подлежащее), с основой на **-и** краткое: въ домѣ (домѣ: м.рода, ед.ч., В.п., обстоятельство места), с основой на согласный: именѣ (имѣ: ср.рода, ед.ч., Р.п., дополнение), дѣні, дѣньи (дѣнь: м.род, мн.ч., В.п. и Р.п. части целого, обстоятельство времени).

Среди прилагательных в тексте псалма встречаются: относительные в краткой форме – паствѣнѣ (ср.р., ед.ч., М.п., постпозиционное определение), покоінѣ (ж.р., ед.ч., М.п., постпозиционное определение) и в полной форме – сѣмрътѣнѣ (ж.р., ед.ч., Р.п., постпозиционное определение); качественные в полной форме – правѣ (ж.рода, ед.ч., В.п., имеет окончание Р.п. – ѣ>, постпозиционное определение) и краткой форме – дръжавѣна (ж.р., ед.ч., Им.п., компонент составного именного сказуемого); притяжательное прилагательное – гнѣѣ (м.р., ед.ч., В.п., постпозиционное определение).

Наблюдаются две формы причастия действительного залога – сѣтъѣжа\штѣими (субстантивированное, мн.ч., Тв.п. социативный, в роли дополнения, с нестяженным окончанием) и ипаѣ\штѣ (ж.р., ед.ч., Им.п., в роли определения, со стяженным окончанием без конечного >).

Среди местоимений выделяются формы притяжательных: мо\ (ж.р., ед.ч., В.п., постпозиционное определение), моего (м.р., ед.ч., Р.п., обстоятельство), тво-і (м.р., ед.ч., Им.п., постпозиционное определение), твоэ (ж.р., ед.ч., Им.п., постпозиционное определение); личных – 1-го лица: со мно\, прэдо мно\ (ед.ч., Тв.п. социативный, в роли дополнения), мнэ (ед.ч., Д.п., дополнение), м>, мене (ед.ч., В.п., в краткой и полной форме, дополнение), 2-го лица – тыі (ед.ч., Им.п., подлежащее), отрицательного - ні(есоже (Р.п., в роли дополнения); возвратного с> – энклитическая форма, примыкающая к глаголу: не убо\ с>; указательных: его (м. рода, ед.ч., Р.п., дополнение); та (дв.ч., Им.п., подлежащее); определительного - вьс> (м.р., мн.ч., В.п., обстоятельство).

Глагольные формы включают: изъявительное наклонение настоящего времени пасеть (3-го лица, ед.ч., простое глагольное сказуемое), лішіть (3-го лица, ед.ч., простое глагольное сказуемое), нетематические глаголы – есі (2-го лица, ед.ч., как самостоятельное простое глагольное сказуемое и как компонент простого глагольного сказуемого), есть (3-го лица, ед.ч., компонент составного именного сказуемого); прошедшего времени: вьспітэ (сигматический аорист, 3-го лица, ед.ч., простое глагольное сказуемое), итэшісте (сигматический аорист, 3-го лица, дв.ч., простое глагольное сказуемое), наставіль есі (перфект, 2-го лица, ед.ч., простое глагольное сказуемое), иготоваль есі (перфект, 2-го лица, ед.ч., простое глагольное сказуемое), имастіль есі (перфект, 2-е лицо, ед.ч., простое глагольное сказуемое); будущего простого времени: пойдѣ (1-го лица, ед.ч., простое глагольное сказуемое), не убо\ с> (средне-возвратный, 1-го лица, ед.ч., простое глагольное сказуемое), поженэть (3-го лица, ед.ч., простое глагольное сказуемое), вьселѣ с> (средне-возвратный, 1-го лица, ед.ч., простое глагольное сказуемое, в данной форме с> сохраняет некоторую самостоятельность) и формы повелительного наклонения: вьселі, обраті (2-го л., ед.ч.), которые образованы от глаголов законченного действия (в данной форме глаголы выражают действие, которое представляется как длительное в своём результате).

Встречаются в тексте местоименные наречия: ти (=там) и коль(=сколько), союзы: эште бо і (если бы и), эко (так как), и.

Текст псалма разделен на синтагмы, последние три нанизаны при помощи союза **И**. Фактически подлежащее в синтагме отсутствует (кроме 6, 12, 15-й строки), однако его заменяет смысловое восстанавливаемое подлежащее (местоимение 1-го или 2-го лица). Наличие союзов свидетельствует о формировании сложных предложений с сочинительной и подчинительной связью. Деление на синтагмы основано на смысловом, грамматическом и интонационном единстве синтаксем.

XVI век

Гь&паселтъмз,иЗничтожемзлишитъ.
 намэсптэзла~чнэта~мовселима·наводэпокоиннэвъспитамз·
 дш&юмоюо#брати·наста1вимзнастъszпра1вы:иЗменирадиеЗгоаЗщебоЗиЗ
 поидипосрэдисэнеисм&ртны<:
 неўбоюсзслаккотысьмною2еЗси·палицатвозиЗжезл&твои,
 тамзўптэшиста: иЗготовалъеЗси
 предмноютрапезипредcтижающи<мнэўмастильеЗсиеЗлебНмьглав@мою·
 иЗчшаптвоzўпозва1ющимzkкодръжавна·иЗмлСтъптвоzпоженелтъмз,въвсзд
 н&иживотамоего2·иЗвселитимисзвдо1мьгн&,
 въдлъготудн&iи? (Славянские рукописи (№ 47). Собрание Российской
 Государственной библиотеки и Свято-Троицкой-Сергиевой Лавры, с.28).

В версии XVI века нужно отметить изменения на разных уровнях языка – фонетическом, графическом, морфологическом и (в наименьшей мере) лексическом и синтаксическом.

В тексте отсутствуют йотированные юсы, юс большой встречается только в одном случае – в слове глав@, в остальных употребляется юс малый или а, ю, и: мз, ма, дш&юмою, поиди, мною2, трапезипредcтижающи<, ўпозва1ющи. Вместо шт употреблена щ - азще, стигающи<, ўпозва1ющи. Наблюдаются случаи нарушения действия закона открытого слога: отсутствуют редуцированные ъ и ѣ в слабой позиции: всели, всз, вселити, см&ртны<, дн&iи, сла; ѣ заменена на ѣ в конце слова: паселтъ, лишитъ, еЗлебНмь, млСтъ, поженелтъ и ѣ на ѣ – в середине: стъsz. Сохранены редуцированные в словах: въспита, ўготовалъ, ўмастиль, въдо1мь, съмною; сочетание плавного с редуцированным: дръжавна, длъготу. Правильно употребляется э в перспективном ударном и безударном положениях – соблюдается закон сокращения долгот: намэсптэзла~чнэ, наводэпокоиннэ, посрэдисэнеи, ўптэшиста. В некоторых случаях заметна замена э на и: посрэди, и на а, я: азще, кко; э, е на з: птвоz, чзша. В слове покоиннэ удвоенная согласная н. В слове олземъ появляется характерный для старославянского е и более поздняя буква w, обозначающая долгий звук на месте е: еЗлебНмь.

Интересны изменения на морфологическом уровне: мягкие окончания у глаголов настоящего времени (древнерусская черта) - паселтъ, лишитъ. Форма аориста глагола въспита образована без изменения гласной на конце слова, аорист ўптэшиста употреблен в форме 2-го, а не 3-го лица дв.ч. В этой версии глагол наста1ви употреблен в повелительном наклонении (2-е л., ед.ч.), а в версии XI века в форме перфекта. Глагол вселити-sz, имевший в предыдущей версии форму простого будущего времени, употреблён в форме инфинитива. Существительное настъsz

имеет грамматическую форму винительного падежа множественного числа мужского рода, а в тексте XI века – винительного падежа единственного числа женского рода – на стьс@.

Прилагательное пра1вы употреблено в краткой форме множественного числа вместо полной формы множественного числа. В итоге в предыдущем тексте имеет место несогласование существительного с прилагательным. В согласованном словосочетании посрэдисэнеисм&ртны< существительное с прилагательным имеет форму множественного числа родительного падежа в отличие от версии XI века, где то же сочетание употреблено в форме единственного числа родительного падежа - посрэдэ сэні сьмрътъны>. Причастие стижаяущи< имеет форму род. падежа, а не творительного, и стяженное окончание. Отрицательное местоимение ничтоже употреблено в форме винительного, а не родительного падежа. Наречие ту (=здесь) изменено на та~мо (=туда), коль (=сколько) на союз яко (так как, ибо).

Некоторые слова в синтагме поменялись местами: вселима вместо м> въсели, и3менирадие3го на месте имені его раді, палицаптвои3жезл&пвои вместо жезлъ тво-і палица твоэ. Добавлен предлог – въвсз. В сочетании слов вселитимисз появляется личное местоимение ми (1-го лица, ед.ч., Д.п., краткая форма) и инфинитив вселипи, что характерно для более поздних старославянских и древнерусских памятников периода XV-XVII веков.

Лексические изменения отмечаются в слове - паствінънэ и слове на зла~чнэ. Первое имеет значение «где пасётся крупный и мелкий рогатый скот» (Священник Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь 1993, с.409), второе – «обилующее злаками, пажитями, пастбищами» (Протоирей А. Свирелин «Церковнославянский словарь 2008, с.108).

В данной версии появляются определённые отличия в синтагматическом членении текста. Появляются запятые внутри синтагм (внутри сложных конструкций обособляются некоторые члены, но однородные члены при этом не выделяются).

XXI век

№. ГдСъ паселтъ мS, и3 ничто1же мS в&. лишилтъ. На мэлстэ слалчнэ, та1mw всели1 мз: на водэ@ поко1йнэ G. воспита1 мз. Ду1шу мою2 ъбрати2, наста1ви мS на стези2 пра1вды д&. и\$мене ра1ди своегоw2. Ѓще бо и3 пойду@ посрэдэ@ сэ1ни сме1ртныз, не ўбою1cz сла2, ѣkw ты2 со мно1ю є3си2: же1зль тво1й и3 палица твоS, є&. таб мS ўтэ1шиста. Ўгото1валь є3си2 предо мно1ю трапе1зу сопроти1въ стужа1ющимъ мнэ2: ўма1стиль є3си2 є3зле1ломъ главу2 мою2, и3 ча1ша твоS s&. ўпозва1ющи

мS, ѱkw держа1вна. И# млСтъ твоS пожене1тъ мS всъ дниб живота1
моегw2: и3 е\$же всели1ти ми sz въ до1мъ гдСнь въ долготу2 днй.

(Рсалти1рь 2005, с. 57-58)

В современной версии псалма наблюдаются очевидные следы правки текста (графической, грамматической и лексической) и соотнесения с греческим вариантом.

В последнем из представленных текстов редуцированные гласные ѣ и ѡ сохранены только на конце слова как показатель твёрдости или мягкости предшествующего согласного: пасе1тъ, стужа1ющимъ, млСтъ, гдСнь и др. Исконно мягкие шипящие **ж, ч, ш, шт** отвердели, и написание перед гласными переднего ряда сохранилось по традиции: стужа1ющимъ, ўпозва1ющи. Сохранилась э в проспективном ударном и безударном положении: на мэ1стэ сла1чнэ, на водэ@ поко1йнэ, ўтэ1шиста. Употребляется юс малый для обозначения мягкости предшествующего согласного, а также после гласных в середине и в конце слова: мS, сме1ртныз, ўпозва1ющи. В начале слова отмечается я: ѱkw. Растождествлены буквы о и w для обозначения различных грамматических форм: ѡбрати, е3ле1омъ, моегw2. Буква w обозначает более долгий звук заднего ряда среднего подъёма, а о более краткий. В слове е3ле1омъ – характерный для старославянского языка начальный е. Различаются графически буквы е и е: широкая буква в начале слова обозначает долгий звук под ударением: е3си2, е\$же, а маленькая е – более краткий звук в безударном положении: держа1вна, ничто1же. Для обозначения звука заднего ряда верхнего подъёма используются буквы и в начале слова и у в середине и конце слов: иго1валъ, трапе1зу, стужа1ющимъ.

В современном тексте чаще употребляется слово-титло, чем титло простое: ГдСъ, млСтъ. Упорядочено употребление надстрочных знаков: острого ударения (1) над гласной в начале и середине слова: сопроти1въ, тяжёлого (2) над гласной в конце слова: твоS, и облегчённого (б) ударения, которое ставится для различения падежных форм множественного (двойственного) и единственного числа: таб. Знак придыхания ставится над гласной, с которой начинается слово(#): е3ле1омъ. Появляется буква й: поко1йнэ.

Изменены грамматические формы некоторых слов, например, в словосочетании на стези2 пра1вды появился современный русский вариант окончания винительного падежа множественного числа – и, а прилагательное заменено на форму родительного падежа существительного и является несогласованным определением. В сочетании слов и\$мене ра1ди своегw2 на месте личного местоимения – притяжательное. Согласованное словосочетание посредэ@ сэ1ни сме1ртныз употреблено в единственном числе родительного падежа. Часть синтагмы же1зль тво1й и3 па1лица твоS, таб мS ўтэ1шиста соотнесена с более древним вариантом, а в части трапе1зу сопроти1въ стужа1ющимъ мнэ2 появилось наречие сопроти1въ, выполняющее функцию

производного предлога, очевидно, для лучшего понимания фразы. У сочетания всѣ днѣи отсутствует предлог, как и в версии XI века, а в издании вселилѣи ми появилось местоимение еѣже (=которое), которое употреблялось в старославянском языке перед инфинитивом, выполняющим роль подлежащего – данная грамматическая форма произошла из греческого языка.

Появились пробелы между словами. Весь текст разделен на предложения, и появилась пунктуация внутри синтагм. Однако надо заметить, что ни в одной версии не выражена позиция именительного падежа подлежащего.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что церковнославянский язык развивался на протяжении тысячелетия в соответствии с неканоническими текстами под влиянием южнославянских языков и древнерусского языка. Кроме того, на сложившийся современный вариант церковнославянского языка, несомненно, оказал влияние современный русский язык, а также сопоставление с греческими текстами. Однако церковнославянский язык остался верен древнеславянской основе согласно традициям Русской Православной Церкви.

Припадчев А.А. Историческая грамматика русского языка. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1996. – 76с.

Протоиерей Свирелин А. Церковнославянский словарь. - М.: ДАРЪ, 2008. - 384с.

Псалтирь. – Издание Сретенского монастыря, 2005. – 480с.

Священник Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. – М.: Издательский отдел Московского Патриархата, 1993. – 1120с.

Славянские рукописи (№ 47). Собрание Российской Государственной библиотеки и Свято-Троицкой-Сергиевой Лавры//

[http:// www.stsl.ru/manuscripts/index/php](http://www.stsl.ru/manuscripts/index/php)

С.Северьянов. Синайская псалтырь (глаголический памятник XI века). – Петроград, 1922. – 214с.

Селищев А.М. Старославянский язык. – М.: УРСС, 2001. – 206 с.

Толковая Библия, т.3/Под редакцией проф.А.П.Лопухина. – М.:Даръ, 2008.- 952с.

Фасмер Макс. Этимологический словарь русского языка в 4 т. - М. Прогресс, 1986. -Т.1 – 573с., 1986. - Т.2 – 671с., 1987. -Т.3– 827с., 1987. - Т.4 - 855с.

Ю.Л.Пономарева

Эволюция церковнославянского языка XIII, XVI, XXI веков

по данным канонических текстов паремий (пророчеств Исаии)

Паремийник (от греч. παροιμία – «притча; поговорка, пословица») – жанр православных богослужебных книг, содержащих паремии – отрывки из Св. Писания, преимущественно из Ветхого Завета (отрывки из Книги Притчей Соломоновых, Книги пророка Исаии, Иова, Исход и Книги Бытия), которые читаются церковным чтецом или дьяконом на вечернем и утреннем богослужении, главным образом, накануне праздников. В греческой церковной практике аналогичные сборники называются “Профитологии”, т. е. книги Пророков.

На каждой службе читается от одной до восьми паремий, во время вечерни Великой Субботы (в канун Пасхи) читается пятнадцать паремий, содержащих ветхозаветные пророчества об Иисусе Христе.

Переводы ветхозаветных библейских книг на древнеславянский язык были сделаны еще в начальный период развития славянской письменности под руководством Мефодия его ближайшими учениками в 80-е годы IX в. Паремии известны на Руси с XII века. Древнейший русский и полный список паремийника – это Захарьинский псковский паремийник 1271 г. Существует около 30 рукописей паремийника, относимых к XII—XIV вв. От периода XV—XVI вв. сохранилось несколько десятков.

Обычай читать Писание в Церкви ведет свое происхождение от синагогального богослужения. Первое свидетельство о таком чтении во время христианского богослужения принадлежит св.Иустину Мученику (II век). Великопостные паремии, читаемые за Литургией Преждеосвященных Даров (Бытия, Притчей, Исход, Иова), являются реликтом той эпохи, когда Великий Пост был периодом оглашения новообращенных. Епископ или пресвитер прочитывал для них важнейшие места Библии и давал к ним комментарии.

В результате анализа богослужебных текстов разных временных периодов в аспекте языка на основе принципа различительного означивания важно выявить, как развивался церковнославянский язык на протяжении тысячелетней истории.

XIII век, рукопись №4 (Триодъ постная до 2-го чтения в среду сыропустной недели).

t пррСфтваісаінаф

Такоглт&ьгъ&приближаютсязмънэлюд~моі·іустьісвоімифртмъзасрцдаіхъ
далефеменестоять·

їбезрмафртмъз·ифащи заповѣдифлв&касегоради приложитъ людисия прило
жень~мъпогмблю

премцдростьпремцдрыхъиразъмъразъмныхъскрюю·горетворзщимънагаС
радигоретворзщимъв

таїнци свѣтъ·їбмдѣтъ тмэдэлаїхъїркѣтъ ктонѣ видэїликтора змэ~тъїлияжемыї
творимъ·

неяколиберни~скѣ делни фе в мэнѣтъсз~гдаре?тъ з дань~късз давшем ѣнетѣ
лимесъзда·

їлитварь створшем ѣю·ира з мнѣ амз створино~щели мало приложѣтъсзлива
нѣякогора хармѣлска

їхермѣлѣ влѣгъ в мэнѣтъсз·їуслѣшѣтъ вѣдн&ьтъ гла Ссѣї·словеса книжная·яже
сѣтъ в оутѣмѣяже вѣ

мѣглѣ вѣ фесслѣпѣхъ про зрѣтъ·вѣ зрадѣютъсз нищѣї·га Срадѣ вѣ веселѣї·їсѣщ
ї вѣ не фаянѣїтѣ флѣ&къ

їсполнѣтъсз веселѣяї вѣскѣдѣ безаконѣнѣї·погѣбегордѣїи погребѣшасз безак
онѣнѣищѣї вѣ злѣбѣ

творѣщѣсз грѣшати флѣ&късслѣ Овесѣ вѣсз жевѣблифающа вѣ вратѣхъ·претѣїк
анѣяположати·

їи клѣниша вѣ не праведнѣя правдѣ·сегора дѣ тако глѣт&ьгъ&бъ&на домѣяковлѣї
жеї збрѣта вѣ раманѣнѣїнѣ

постѣдѣзѣтъсз·їяковѣлицасво~го приложати~гда приложати фадаїхъ дѣла моя·м
енѣ радѣсз вѣїмз

мо~ссто^~їст&гоїзлѣ&аб&аяковлѣзѣбѣятъсз? (Славянские рукописи.
Собрание Российской Государственной библиотеки и Свято-Троицкой-
Сергиевой Лавры, с.46-47).

В версии XIII века очевидна утрата редуцированных гласных ѣ и ѣ, они либо отсутствуют – створшемѣ, скрѣю, вѣтаїнци, рѣкѣтъ, тмѣ, кто, скѣделнифе, влѣгъ, створи, либо заменяются на гласные полного образования – во, мене. Однако в некоторых случаях в слабой позиции сохраняются – мѣнѣ, сѣздавшемѣ, сѣзда, мѣглѣ, вѣзрадѣютъсз, сѣгрѣшати, тѣмѣ, а также преимущественно на конце слов – лѣгъ, вѣдн&ьтъ, надѣмѣ, разѣмѣразѣмнѣхъ, творѣщимѣ, творѣщимѣ, лѣванѣ. Характерно древнерусское окончание -тъ в глагольных формах: глѣт&ь, приближѣютъсз, фѣтѣтъ, стоять, приложѣтъ, бѣдѣтъ, рѣкѣтъ, разѣмѣ~тъ, вѣмѣнѣтъсз, рѣ?тъ, приложѣтъсз, услѣшѣтъ, прозрѣтъ, вѣзрадѣютъсз, їсполнѣтъсз, положѣтъ, постѣдѣзѣтъсз, приложѣтъ, ѣбѣятъсз. Правильно употребляется ѣ в перспективном ударном и безударном положении: мѣнѣ, заповѣдѣ, свѣтъ, тмѣ, дѣла, видѣ, разѣмѣ~тъ, вѣмѣнѣтъсз, мѣглѣ, слѣпѣхъ, вѣскѣдѣ, сѣгрѣшати, вратѣхъ, нѣїнѣ. Сохраняются ѣотированные я и ~: лѣюд~, стоять, сѣя, приложѣнѣ~мѣ, разѣмѣ~тъ, яже, яко, берни~, ~гда, зданѣ~, ~ще, фаянѣї, веселѣя, вѣблифающа, претѣїканѣя, не праведнѣя, яковлѣ, сво~го, мо~ссто^~, ѣбѣятъсз. Графически обозначается краткая і : їустѣїсвоїми, їли и пр. Отмечается древнерусское сочетание плавного с гласным полного образования *ер*: берни~. Действие закона слогового сингармонизма наблюдается в употреблении шипящих ж и щ перед гласными переднего ряда: ѣфѣщи, приложѣтъ, приложѣнѣ~мѣ (но шипящие звуки к XIV веку,

вероятно, отвердели) и твердого заднеязычного **г** перед гласным непереднего ряда: погыбе.

Морфологические формы включают имена собственные: ливанъ, хермиль, таврама, їаковъ, яковлз (несогласованные определения); существительные с основой на **ǣ** - втаїнци (таїна – жен.рода, ед.ч., В.п., обстоятельство), тмэ, вотъмэ (тма – жен.рода, ед.ч., Д.п. и М.п., дополнение и обстоятельство места), гора (жен.рода, ед.ч., И.п., подлежащее), вьмьглэ (мьгла – жен.рода, ед.ч., М.п., обстоятельство места), възлобѣ (злоба – жен.рода, ед.ч., В.п., обстоятельство причины), правдѣ (правда – жен.рода, ед.ч., В.п., дополнение); с основой на **ǫ** - истыі (уста – мн.ч., Т.п. орудия, дополнение), безѣма (мѣ – муж.рода, ед.ч., Р.п., обстоятельство), флвѣка, тфлвѣкъ, флвѣкъ (флвѣкъ – муж.рода, ед.ч., В.п.; мн.ч., Р.п. отложительный и И.п., дополнение и подлежащее), разѣмѣ (муж.рода, ед.ч., В.п., прямое дополнение), горе (ср.рода, ед.ч., В.п., прямое дополнение), свѣтъ (муж.рода, ед.ч., В.п., прямое дополнение), дѣла (дѣло – ср.рода, мн.ч., В.п., дополнение), влѣгѣ (лѣгѣ – муж.рода, ед.ч., В.п., дополнение), глаСси (гласѣ – муж.рода, мн.ч., В.п., прямое дополнение), вовратѣхъ (врата – мн.ч., М.п., обстоятельство места), бѣ, бѣа (муж.рода, ед.ч., И.п. и В.п., подлежащее и прямое дополнение), фада (фадо – сред.рода, мн.ч., И.п., подлежащее); с основой на **-jǫ** - срѣда (срѣде – ср.рода, мн.ч., И.п., подлежащее), приложень~мѣ (приложень~ – ср.рода, ед.ч., Т.п. орудия, дополнение), берни~ : рус. – *грязь*[ж.р.] (ср.рода, ед.ч., В.п., прямое дополнение), здань~ (ср.рода, ед.ч., И.п., подлежащее), вѣвеселїи, веселья (весель~ – сред.рода, ед.ч., М.п. и Р.п., обстоятельство и дополнение), нефаянїи (нефаян~ – сред.рода, ед.ч., М.п., обстоятельство), претѣканья (претѣкань~ – сред.рода, мн.ч., В.п., прямое дополнение), вѣлица (лице – сред.рода, мн.ч., В.п., дополнение); с основой на **-iǫ** - гѣ, нагаС (гѣ - муж.рода, ед.ч., И.п. и В.п., подлежащее и дополнение), людѣ, люди (мн.ч., И.п. и В.п. подлежащее, дополнение), заповѣди (заповѣдь – ж.рода, ед.ч., Д.п., дополнение), премѣдрость (премѣдрость – ж.рода, ед.ч., В.п., прямое дополнение), тварь (жен.рода, ед.ч., И.п., подлежащее); с основой на **-u** - краткое: надомѣ (домѣ – муж.рода, ед.ч., В.п., обстоятельство места); с основой на согласный – вѣднѣ (днѣ – муж.рода, ед.ч., В.п., обстоятельство времени), слова, словеси (слово – сред.рода, мн.ч., В.п. и М.п., дополнение), ѡфеса (ѡко – сред.рода, мн.ч., В.п., прямое дополнение), їмз (сред.рода, ед.ч., В.п., прямое дополнение).

Разнообразно представлены прилагательные. Это субстантивированные: премѣдрыхъ (полная форма, мн.ч., Р.п., стяженное окончание, постпозиционное определение); разѣмныхъ (полная форма, мн.ч., Р.п., стяженное окончание, постпозиционное определение), нищїи (полная форма, мн.ч., И.п., подлежащее), безаконьїи (полная форма, мн.ч., И.п., подлежащее), горды(и) (полная форма, м.р., ед.ч., И.п., подлежащее),

внеправеднѣя (полная форма, ж.р., мн.ч., В.п., обстоятельство места), слѣпѣхъ (полная форма, мн.ч., И.п., постпозиционное определение); притяжательные: скрѣдѣлнѣ (ср.р., ед.ч., В.п., постпозиционное определение), яковль (м.р., ед.ч., В.п., постпозиционное определение), ѣзль&a (м.р., ед.ч., Р.п., постпозиционное определение); относительные: хармилъска (краткая форма, ж.р., ед.ч., И.п., постпозиционное определение), книжная (полная форма, ср.р., мн.ч., В.п., постпозиционное определение); качественные: разѣмнѣла (краткая форма, ж.р., ед.ч., В.п., компонент составного именного сказуемого), сѣсто^~, ст&го (ср. и м.р., ед.ч., В.п. и Р.п., определение).

Среди местоимений встречаются личные: мѣнѣ (1-го лица, ед.ч., Д.п., дополнение), мѣ (встречается вариант ме) (1-е лицо, ед.ч., В.п., прямое дополнение), мѣне, мѣнерѣди (1-е лицо, ед.ч., Р.п., дополнение), нѣи (1-е лицо, мн.ч., В.п., дополнение), мѣи (1-е лицо, ед.ч., И.п., подлежащее), тѣи (2-е лицо, ед.ч., И.п., подлежащее); притяжательные: моѣ (мн.ч., И.п., определение), своѣми (мн.ч., Т.п., определение), сво~го (ед.ч., В.п., определение), моя (ср.р., мн.ч., В.п., определение), мо~ (ср.р., ед.ч., В.п., определение); указательные: ю (ж.р., ед.ч., В.п., дополнение), ѣхъ (мн.ч., В.п., определение), ѣ (м.р., ед.ч., В.п., определение); сѣгорѣди (м.р., ед.ч., Р.п., дополнение), сѣя (мн.ч., И.п., определение), тѣ (м.рода, ед.ч., В.п., определение); вопросительное: кто; относительные: яже (ж.р., ед.ч., в роли союза), ѣже (м.р., ед.ч., союзное слово); определятельное: всѣже (ж.р., ед.ч., В.п., дополнение).

Употребляются глаголы изъявительного наклонения настоящего времени: глѣтъ& (3-го лица, ед.ч., простое глагольное сказуемое), приближаются (средне-возвратный, 3-го лица, мн.ч., простое глагольное сказуемое), фѣтъ (3-го лица, мн.ч., простое глагольное сказуемое), стоять (3-го лица, мн.ч., простое глагольное сказуемое), приложить (3-го лица, ед.ч., простое глагольное сказуемое), разѣмѣ~тъ (3-го лица, ед.ч., простое глагольное сказуемое), творимъ (1-го лица, мн.ч., простое глагольное сказуемое), ре?тъ (3-го лица, ед.ч., простое глагольное сказуемое), сѣтъ – нетематический (3-го лица, мн.ч., простое глагольное сказуемое), сѣве (предположительно наст.время, 3-го лица, мн.ч., простое глагольное сказуемое); будущего простого времени: погѣблю (1-го лица, ед.ч., простое глагольное сказуемое), скрю (1-го лица, ед.ч., простое глагольное сказуемое), бѣдѣтъ – нетематический (1-го лица, мн.ч., простое глагольное сказуемое), рѣтъ (1-го лица, мн.ч., простое глагольное сказуемое), вѣнѣтъ& (возвратный, 3-го лица, ед.ч., простое глагольное сказуемое), приложѣтъ& (возвратный, 3-го лица, ед.ч., простое глагольное сказуемое), услѣшитъ (3-го лица, ед.ч., простое глагольное сказуемое), прозрѣтъ (3-го лица, мн.ч., простое глагольное сказуемое), вѣзрадѣются (средне-возвратный, 3-го лица, мн.ч., простое глагольное сказуемое), ѣсполнѣтъ& (средне-возвратный, 3-го лица, мн.ч., простое глагольное сказуемое), положить (3-го лица, мн.ч., простое

глагольное сказуемое), постыдѣтъсѣ (средне-возвратный, 3-го лица, мн.ч., простое глагольное сказуемое), приложать (3-го лица, мн.ч., простое глагольное сказуемое), ибоятсѣ (возвратный, 3-го лица, мн.ч., простое глагольное сказуемое); прошедшего времени: видѣ (сигматический аорист, 3-го лица, ед.ч., простое глагольное сказуемое), създа (сигматический аорист, 2-го лица, ед.ч., простое глагольное сказуемое), створи (сигматический аорист, 2-го лица, ед.ч., простое глагольное сказуемое), wskдѣ (сигматический аорист, 3-го лица, ед.ч., простое глагольное сказуемое), погыбе (сигматический аорист, 3-го лица, ед.ч., простое глагольное сказуемое), погребѣшасѣ (возвратный, сигматический аорист, 3-го лица, мн.ч., простое глагольное сказуемое), иклониша (сигматический аорист, 3-го лица, мн.ч., простое глагольное сказуемое), їзбра (сигматический аорист, 3-го лица, ед.ч., простое глагольное сказуемое), инфинитив – съгрѣшати.

Выделяются причастия действительного залога: ираши (наст. врем., ж.рода, ед.ч., Д.п., в роли обстоятельства), творщимъ (наст.врем., субстантивированное, мн.ч., Д.п., в роли дополнения), късъздавшемъ (прош.врем., субстантивированное, ед.ч., Д.п., в роли дополнения), створшемъ (прош.врем., субстантивированное, ед.ч., Д.п., в роли дополнения), сѣи (наст.врем., субстантивированное, мн.ч., И.п., подлежащее), безаконѣи (наст.врем., субстантивированное, мн.ч., И.п., подлежащее), творзи (наст. врем., муж.рода, ед.ч., И.п., в роли определения), вблифающая (наст. врем., ж.рода, ед.ч., И.п., в роли определения); наречия местоименные: тако, ѿгда; первообразные – нѣи, ѿщѣи; образованные от прилагательных – далефе, мало. Среди служебных частей речи отмечаются союзы: – а, ѿ, и, ѿл, но, яко.

Текст разделен на синтагмы, в некоторых четко выражены подлежащее и сказуемое. «Глаголы говорения» – глѣтъ, ре?тъ, ркътъ указывают на наличие прямой речи. Сформированы простые предложения с однородными членами и сложные предложения, что подтверждается наличием союзов. Определения в основном согласованы, к несогласованным относятся имена собственные. В целом памятник XIII века демонстрирует взаимодействие языковых черт старославянского и древнерусского периодов.

XVI век, рукопись №65.

t пррбчстваісаинач1т□ее .#

Такоглѣтъ&приближаютсяnode\$сиизистнысвоимиистнаисвоизмичтѣтъ
ьмзи3срцдеи<дал9етстоизтъ

меневс&ме1жечт8мъмзу1чащазаповедичлвСчьскыкпи~чения~сегорадипр
иложипривестилуод3воя1·

и1положи<преложениембъизпогублюпремудростьпремудрыхъ·иразМир
азмны<скрюНгореглбоче

творщимъсвѣты·анезагаСижевтаи3нэсвѣтътворщеи3бѣдт8ъвотм8эдэлаи
<изректь}ктонаСвидѣ.

и3 }кто на Сразмэ3тъкже мытворимъ не я1 ко беэрниэ ескр дэлни. ?мэниетее3
датымз съз1 да и1 хитворение

ство3 рше мнеразмномз створи.ное3 щемало.и3 преложить Сливанъ въ горц
хер1 мелъихер8мЛеволцгъ

въмэнить Сноу слышати въ днь □ & w. глц сии3 словеса книжн8 аи3 и3 жевотъ мэи
3и3 жевМоглэ. w3 числэпы < u1 zpTz

и3 възрадцють С нищии1 нага Свъвеселии3 ·и не надежи и въчл&вцэхъ и3 испол
нитсз веселия1 и3 щеze бе законныи3 и3 погыбе гордыи3.и3 потребиша бе законн
мю3 щей1 възлюбэ·и1 творзщей3 съгрэшишати.члв&кы в о словэи3

вс8 зиже w3 блічаю3 щая привратэ < претыкания1 ·пологаю3 тыи попользошавн
эправдэ. праведнаго сего

рад тако глтъ&гы&на домъ иякововъ его жетлц читаврΣ аманенынэли постыдесз
и3 я3 ковъненынэлилице

е3 го.и3 м8энитс8 зное3 гдавидзтъ дэла моя менерад.тст&зтъимзмое3 w3 ст&зтъ
ыст&гои3 яковлзиба&и3и3 ср&лва

и~боятъсз. (Славянские рукописи. Собрание Российской Государственной
библиотеки и Свято-Троицкой-Сергиевой Лавры, с. 94-95)

В тексте XVI века отмечаются фонетические и графические изменения: практически полное исчезновение редуцированных гласных ъ и ѣ, они сохраняются только на конце слов, в середине слова в слабой позиции выявляются только в единичных случаях: члвСчьскык, съз1 да, въмэнитьС, възрадцютьС, съгрэшиша. Действует закон сокращения долгот – гласный э в перспективном ударном и безударном положении: втаи3 нэсвэть, вотм8эдэла, видэ, размэе3тъ, скр дэлни?, мэни, въмэнитьС, вотъмэи3и3 жевМоглэ, слэпы<, въчл&вцэхъ, възлюбэ, съгрэшиша, внэправдэ, нынэ, и3 м8энитс8з, дэла. Гласные переднего ряда перед шипящими сохраняются по традиции, а также встречаются исконно твердые заднеязычные г, к перед гласными непереднего ряда: члвСчьскык, члв&кы, погыбе. В слове беэрниэ сохраняется, как и предыдущем памятнике, древнерусское сочетание плавного с гласным полного образования *er*. Не обозначаются йотированные гласные.

Существенно различаются морфологические формы и лексика в сравнении с версией XIII века. В части синтагмы приближаются к люде\$ сии3 и стны свои ми стна ми свои3 ми чтъмъ исчезло личное местоимение мьнэ и притяжательное моі, но появилось указательное сии3 (мн.ч., И.п., определение), а также Тв.п. словосочетания стны свои ми стна ми свои3 ми повторяется, причем у существительного стна появляется согласный «н» и разные окончания творительного падежа. В части синтагмы срцдеи< дал ѓ етстои3 тьт мене существительное срцде и глагол тстои3 ть (появилась приставка) употребляются в единственном падеже вместо множественного числа, появился предлог t, местоимение находится в постпозиции к глаголу. Сочетание безума заменено на наречие вс&це1 же. Причастие ифащи (наст. врем., ж.рода, ед.ч., Д.п., в роли

обстоятельства) изменено на форму жен.рода, мн.ч., Им.п. – ифаща. Вместо существительного флв&ка употребляется притяжательное прилагательное члвСчьскык в роли постпозиционного определения.

Появляется новая фраза:
пи~чения~сегорадиприложипривестилюодс3воя1·и1положии<преложениембъ

В синтагме
Нгореглдбочетворзщимъсвѣты·анезагаСижевтаи3нэсвѣтътворзщей введены новые слова: Н – выполняет функцию междометия, наречие, образованное от прилагательного – глбоче, указательное местоимение иже (муж.рода, ед.ч., в роли определения), союз а, изменена форма у существительных втаи3нэ (М.п., обстоятельство), свѣты (мн.ч., В.п., прямое дополнение), у причастия творзщей (полное, м.рода, И.п.). У существительного вотм8э изменилась форма падежа с дательного на местный падеж. Местоимение ны изменилось на наС. Вместо вмэнитьсз – мэниете. Лексическое и морфологическое несоответствие с версией XIII века в синтагме: мэниетее3датымзсѣз1даи1хитворениество3ршемцнеразмномзствори.

ное3щемало. В слове преложитьС приставка *пре-* вместо *при-*. Синтаксическая и морфологическая форма сочетания въгормхер1мельС не соответствуют более ранней версии: якогорахармилъ. В части синтагмы: ноўслышатиъвднъ□&w.глцсии3словесакнижн8а появился союз но, лексема глцсии3 (субстантивированное прилагательное, мн.ч., И.п., подлежащее), глагол употребляется во множественном числе, указательное местоимение заменено на личное, у прилагательного книжн8а усечено окончание. В сочетании и3жевотъмэи3и3жевМоглэ нет глагола-связки смтъ. Существительное wfеса заменено на w3чи, у глагола прозрзтъ приставка ѱ - u1zрTz. Вместо гаСрадивъвеселиї - нагаСвъвеселии3. Лексемы їсрциївнефаянї заменены на иненадежіи. Форма существительного тфлв&к (Р.п. мн.ч.) изменена на М.п. мн.ч. - въчл&вцэхъ. Наблюдаются расхождения в употреблении слов в сочетаниях: и3щеzeбезаконнїи3 вместо wskмдэбезаконнїи, потребишабезаконнцю3щей на месте погребисасzбезаконнцю3щей. Изменена грамматическая форма слова възлюбц (В.п.) на възлюбэ (М.п.). В части синтагмы и1творзщей3сѣгрэшишати.члв&кѣвословэ причастие употреблено в полной форме, у глагола форма прошедшего времени (аорист, 3-го лица, мн.ч., простое глагольное сказуемое) вместо формы инфинитива, появилось личное местоимение 2-го лица, ед.числа – ти (в роли дополнения), существительное члв&кы употребляется во множественном числе, вместо словеси – вословэ (М.п., ед.ч.). У существительного привратэ< предлог при на месте во. В различии употребления слова полагаю3тъ-положать прослеживается результат чередования в корне слова.

Различаются лексемы и синтаксическая конструкция в части синтагмы иклонишавнеправеднїяправдц и попользошавнэправдэ, а также фраза праведнагосегорад вместо сегоради; егожетлцчитаврΣаманенынэлипостыдесз

на месте їжеїzбpатавраманенїнэпостыдзтьсз; синтагма
 язковъннынэлилицеезго.изм8энитс8зное3гдавидзтьдэламая не
 соответствует более ранней версии:
 їковълицаcво~гоприложать~гдаприложатьфадаїхъдэламая. В последней
 синтагме некоторые слова поменялись местами:
 менерадисcве^імzмо~сcто^~їст&гоїzлв&аб&аяковлзибоятъсз -
 менерад.tct&zтъимzmое3w3ст&zтъст&го
 из3яковлзиба&и3и3ср&лваи~боятъсз.

В итоге можно сказать, что версия XVI века существенно отличается от текста XIII века. Изменения языка произошли на всех уровнях: фонетическом, графическом, морфологическом и лексическом, вследствие этого заметны и изменения синтаксических конструкций. Данные различия продиктованы, конечно, не только развитием церковнославянского языка, влиянием на него древнерусского, но и личностью переписчика, редактировавшего текст.

XXI век, Триw1дь полстназ, ч.1.

Прбрo1чества изcалиина чте1ніе. [Глава2 к&f, ст. г&i-к&в.]

Ta1ко глаго1леть гдсь: приближа1ютсз мнэ2 люo1діе cіли ўсты2 свои1ми, из ўстна1ми свои1ми почита1ють мз2, ce1рдце же и\$хъ далел1че tстоилть t мене2: всу~е же почита1ють мз2, ўча1ще заповедемъ челоvēческимъ из ўчел1ніемъ. Cегw2 pa1ди ce2 їзь приложу2, е\$же пресели1ти люo1ди cіз6, из преста1влю |, из погублю2 премудрость премудрыхъ, из pa1зумъ разу~мныхъ сокры1ю. Го1ре творз1щымъ глyбо1кw совѣтъ, аз не гдсемъ: го1ре въ тайнэ совѣтъ творз1щымъ, из бу~дутъ во тьмэ2 дэла2 и\$хъ, из реку~тъ: кто1 ны ви1дэ; из кто1 ны ўразумэ~еть, ±же мы2 твори1мъ; Не ±коже ли бpe1ніе скуде1льника вмэнителcз; є3да2 рече1тъ зда1ніе созда1вшему є5: не ты1 мз созда1ль є3си2; изли2 творе1ніе сотво1ршему: не разу~мнw мз2 сотвори1ль є3си2; Не є3ще1 ли малw, из приложи1тсз лива1нь, їки гора2 хермелъ, из хермелъ въ дубpa1ву вмэни1тсз; И# ўслы1шатъ въ де1нь цный глyсји слова2 кни1ги [ceз2], из и5же во тьмэ2, из и5же во мглэ2, цчи слэпы1хъ к3рзть. И# возра1дуютсз ни1щии pa1ди гдса въ веселіи, из тча1звшіисз челоvēцы изcполнзтсз веселіиз. И#счезе2 беззакo1нникъ, из поги1бе го1рдый, из потреби1шасз вси2 беззакo1ннующии въ сло1бэ, И# творз1щии согрэша1ти челоvēки въ сло1вэ: всВмъ же w3блича1ющимъ во вратэ~хъ претыка1ніе положа1тъ, поне1же соврати1ша въ неправдахъ пра1веднаго. Cегw2 pa1ди talkw глаго1леть гдсь на до1мъ i3a1kwвль, є3го1же w3предэли2 t азвра1ма: не нынэ постыди1тсз i3a1kwвль, ниже2 нынэ лице2 свое2 иззмэни1тъ i3и&ль. Но є3гда2 ўви1дзть чаба и\$хъ дэла2 мoз6, мене2 pa1ди w3ст&z1тъ и\$mz мое2, из wст&z1тъ ст&a1го i3a1kwвлз, из бг&a i3и&лева ўбоz1тсз (Триoдь Пoстная. Ч.1 2013, c.мх&є).

Текст XXI века представляет собой правленный вариант рукописей предыдущих периодов: фонетическая структура современного русского

языка соотносится с морфологическими формами церковнославянского и лексикой рукописей более раннего периода (как XIII, так и XVI веков).

Редуцированные гласные ъ и ь употребляются только как показатель мягкости или твердости конца слова, шипящие звуки отвердели, заднеязычные согласные г, к употребляются с гласными переднего ряда: погилбе, человаки. Упорядочена графика: долгий звук [э] после мягких согласных обозначается как э: мнэ2, залповѣдемъ, челоуѣческимъ, совѣтъ и пр. Буквы о, о и w используются для обозначения различных грамматических форм: в суффиксах наречий – глубликw; в приставках - w3бличающимъ, wст&zlтъ; в начале слов – цный, в середине и конце слова – сокрылю, кто1. Различается употребление z и я: в середине для обозначения мягкости – творzлщымъ, в начале слова - ±коже. Буква u в начале слов – ўстна1ми, у – в середине и в конце – бу~дуть, сотво1ршему. Графически различаются буквы є и е: в начале слова – є\$же, єзда, а е – в середине и конце: челоуѣцы, творе1ніе. Систематизировано употребление надстрочных знаков: острого, тяжелого и облегченного ударения, слова-титла.

Грамматические формы текста можно соотнести с разными версиями, но в максимальной степени общность черт проявляется при сравнении с более поздним вариантом. Появились новые формы: почита1ють (появилась приставка по-), залповѣдемъ челоуѣческимъ (окончание мн.ч., Д.п. русского языка), є\$же пресели1ти (грамм.форма греческого языка), глубликw (современная форма наречия), рече1тъ зда1ніе (глагол+сущ. без приставки), созда1ль єзси2, сотвори1ль єзси2 (формы перфекта), не (частица вместо союза), несогласованное определение (словеса2 кни1ги [sez2]), tchalzvшіисz (причастие на месте существительного), потреби1шасz (возвратная форма), w3бличающимъ (окончание полного причастия в русском языке), соврати1ша (форма аориста). Наблюдаются новые лексемы: преста1влю |, въ дубралву, понелже, w3предѣли. У слова бреліе – современный вариант произношения.

Появились знаки препинания, в частности двоеточие, для выделения прямой речи.

Результатом сравнительного языкового анализа памятников разных периодов являются следующие выводы: церковнославянский язык не предстает застывшей структурой, он развивался на протяжении существования христианства у славянских народов; на изменения языка повлиял и общенародный, и древнерусский язык, и формирование современного русского языка. В современных богослужебных текстах можно увидеть и следы сопоставления с греческим протографом и древними рукописями начального периода развития славянской письменности.

Протоиерей Свирелин А. Церковнославянский словарь. - М.: ДАРЪ, 2008. - 384с.

Священник Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. – М.: Издательский отдел Московского Патриархата, 1993. – 1120с.

Славянские рукописи (№ 4, №65). Собрание Российской Государственной библиотеки и Свято-Троицкой-Сергиевой Лавры//

[http:// www.stsl.ru/manuscripts/index/php](http://www.stsl.ru/manuscripts/index/php)

Селищев А.М. Старославянский язык. – М.: УРСС, 2001. – 206 с.

Триодъ Постная. Ч.1 – М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2013. – 704с.

Фасмер Макс. Этимологический словарь русского языка в 4 т. - М. Прогресс, 1986. -Т.1 – 573с., 1986. - Т.2 – 671с., 1987. -Т.3– 827с., 1987. - Т.4 - 855с.

Медиадискурс

А. Лахин

Комические стилистические средства как способ создания текстов современных СМИ

Характерной чертой текстов, принадлежащих публицистическому стилю, является функция воздействия. Речевое воздействие осуществляется при помощи применения автором разнообразных стилистических средств, созданных в том числе на основе различных видов комического: иронии, юмора, сатиры и т.д. Комическое выполняет в тексте несколько функций одновременно и служит как инструментом выражения своей воли и оценки, так и инструментом воздействия, корректировки того или иного общественного мнения посредством осмеяния.

Комическое в широком смысле обозначает любое речевое выражение, способное вызвать у читателя или аудитории смеховую реакцию (Борев 1974). Смех как некая эмоциональная реакция человека может быть разным: добродушным, гневным, радостным, ироничным, веселым, торжественным и т.д. (Пропп 1976). В соответствии с градацией смеха выделяются соответствующие виды комического.

По методам реализации и целям традиционно можно выделить несколько видов комического воздействия: ирония, сарказм, юмор, остроумие, сатира и, отчасти, гротеск (Пивоев 2006). Каждый из них репрезентируется в определенных формах и приемах, а также способен взаимодействовать с другими видами в той или иной степени.

Ирония является не только видом комического, но и философской категорией с определенной спецификой. Иронический метод можно

определить как выражение автором обратного тому, что имеется в виду; сокрытие истинного смысла за словом с противоположным значением (Дынин 1930). При этом сокрытие истинного значения за иносказанием лишь подчёркивает иносказание, вследствие чего осуществляется более высокая степень речевого воздействия (Соловьева <http://journalist.masu.ru/index.php/...>).

Важной характеристикой иронического метода является специфика его эмоционально-ценностного отношения, при котором объект не столько дискредитируется, сколько оценивается автором в той или иной степени. Дискредитирование направлено на призыв объекта к совершенствованию. Такая специфика позволяет иронии находить применение в сатирических жанрах.

Кроме того, ирония, будучи направленной на выявление противоречий между внешним и внутренним, предполагает выражение определенной жизненной позиции. Известна так называемая «сократовская ирония», как ее понимал Платон: самоунижение Сократа, его «неведение», переходит в противоположность, позволяя обнаружить чужое незнание и приблизиться к истине. В этом проявляется философская сторона иронического метода (Лосев 1966).

В разные исторические периоды иронии определяли и использовали по-разному, но принцип отрицания и противопоставления всегда оставался ключевым. В настоящий момент ирония является испытанным орудием современных публицистов. В зависимости от серьезности задач, которые ставит полемист, ирония может приобретать большую или меньшую идеологическую углубленность, служа как выражением враждебности, так и стилистической заостренности (Соловьева <http://journalist.masu.ru/index.php/...>).

В процессе стилистической реализации иронии «пользуется» целым рядом форм, охватывающих разный по объему и характеру материал: она способна локализоваться как в отдельном слове, так и на уровне нескольких предложений и целого текста. Наиболее частой формой иронии является прием антифразиса – употребление слова в противоположном значении, в основе которого лежат ассоциации по контрасту (Грачёва 2009). Она основана на сосуществовании в слове двух противоположных по значению смысловых планов, один из которых при произнесении проецирует в сознание читателя другой, противоположный (Щербина 1976). Также для распознавания иронии важную роль играет контекст, в рамках которого существует ироничная фраза.

Чтобы показать функционирование иронии, обратимся к нескольким примерам из СМИ: *«От всей души хочу выразить благодарность Министерству науки и образования РФ за неоценимый вклад в развитие русского языка» (статья «Люди, нуждающиеся в оптимизации» Григория Тарасевича, «Русский Репортер»)*. Слова «благодарю», «неоценимый» и последующий текст содержат оценку деятельности министерства.

Истинное содержание выражает отрицательную оценку, хотя формально она представлена как положительная. Оценка дается и самому заседанию: *Заседание было **мощным**. Из ученых, например, не пригласили никого. Зато был депутат Хинштейн, а также представители Федеральной службы исполнения наказаний, Федерального агентства морского и речного транспорта и даже Федерального агентства по рыболовству. Кажется, чиновники хотели чего-то разумного*. Слово «**мощный**» употреблено в противоположном значении «**слабый**», в чем убеждает указание в тексте на отсутствие на заседании серьезных ученых.

Таким образом, ирония является приемом, в рамках которого субъект произносит противоположное тому, что имеется в виду, с целью выразить насмешку и обличить. Она всегда характеризуется наличием определенной оценочной структуры, заключенной в подразумеваемом, контекстуальном смысле. Поэтому ирония – довольно частый прием в современной публицистике, так как предоставляет широкие возможности для смысловой игры и речевого воздействия со стороны адресанта.

Также выделяют острую форму иронии – сарказм. Сарказм определяют как крайнюю, с точки зрения критики, степень иронии. Он характеризуется высокой степенью выражения негодования и ненависти, что отличает его от нейтральной и конструктивной иронии и превращает в оружие. Элемент комического в сарказме практически отсутствует. Поэтому использование сарказма с целью рассмешить является немотивированным (Нельс 1930).

Сарказм, в отличие от иронии, открыто подчеркивает негативную оценку, а не скрывает ее за иносказанием. Иносказание в этом случае служит для увеличения воздействия.

Благодаря своей «ударности» и «меткости», сарказм является эффективным средством обличения, использующимся в риторике и публицистике. В современной публицистике сарказм представлен довольно широко: *«Владимир Познер всем телезрителям на радость назвал Думу «Дурой», якобы не зная, что Дума просто хором озвучивает либретто, написанное в Администрации президента; **прошедшего через лоботомию** можно, конечно, обзывать **дураком**, но это **некрасиво и нечестно**»* (статья «Рискну предположить, что бога нет» Дмитрия Глуховского, «Сноб»). В данном случае с помощью сравнения журналист издевательски характеризует Государственную думу: Дума сравнивается с человеком, который прошел лоботомию, о чем свидетельствует намек на потерю депутатами здравого смысла. При помощи итоговой фразы «**но это некрасиво и нечестно**» автор будто говорит, что издеваться над «инвалидом» «**некрасиво**», в чем выражается характерная для приема сарказма издевка.

Юмор как вид комического схож в своей функции с иронией. Он также показывает некоторые недостатки тех или иных явлений через притворство говорящего. Но если ирония притворно изображает должное в качестве данного, то юмор наоборот – данное в качестве должного (Пивоев

2006). Традиционно юмор определяют как добродушно-насмешливое отношение к чему-либо. В юморе внешнее комическое отношение сочетается с внутренней серьезностью. На этой основе формируется юмор как стилистический прием.

В тексте юмор может выражаться как в насмешливой, но доброжелательной по тону оценке, так и в специфичных средствах на основе игры слов. Для создания юмористического эффекта автор может менять структуру фразеологического оборота, создавать каламбуры, использовать приемы паронимии и омонимии, а также создавать окказионализмы (Максимов 2007). Это и многое другое способно придавать тексту или высказыванию юмористический оттенок. Обратимся к примеру: *«Почему судьи в нашей стране уже вообще ничего не боятся, кроме дубины В.В. Путина? Почему это, кстати, В.В.Путин — дубина? Нет, я тоже от него не в восторге, но стоит ли так вот, дорогие россияне, ругаться?»* (статья «Тело для головы» Ивана Давыдова, *lenta.ru*). Как видим, в тексте представлена остроумная юмористическая игра: автор сперва использует слово «дубина» в качестве дополнения в значении «оружие», но впоследствии меняет семантику слова, выступающего уже в качестве предиката, на значение «тупой, глупый человек» (Лосев 1966). Лексема «дубина» имеет два значения-омонима, на чем строится своеобразная языковая игра. Таким образом, создается как юмористический, так и саркастический эффект.

Сатира – также вид комического, отличающийся от иных (иронии и юмора) резкостью и остротой обличения. От сарказма сатиру отличает масштаб обличения и набор средств для его осуществления (Вакуров 1969). Прежде всего, сатира – сложное культурное явление, сформировавшееся в Древнем Риме как разновидность литературы с явным критическим подтекстом (Пропп 1976). С течением времени сатирой стали называть целый ряд явлений критической направленности. Сатирический метод, как утверждалось ранее, состоит в остром обличении общественных явлений. Сатира, как и любой другой вид комического, пользуется целым рядом литературных форм, жанров. Отрицание же является основной характеристикой сатиры и направлено на обличение несовершенства тех или иных сторон общества. Высмеивая отрицательное, сатира тем самым старается показать на контрасте значение положительного идеала, к которому стоит стремиться (Нельс 1929 -1930).

Несмотря на свою едкую природу, сатира сходна с иронией, но прямо противоположна юмору. Юмор «снисходителен» к своему объекту. Сатира – безоговорочно «не принимает» его. Тем не менее комический элемент для сатиры важен как способ превращения отрицания в конструктивную авторскую идею (Вакуров 1969). Изобличаемое показывается автором как нормальное, что вызывает у адресата смех. И лишь с помощью него можно понять, что такая норма – лишь иллюзия, заслоняющая обличающее истинное, реальное зло.

Чаще всего сатира пользуется такими средствами, как гротеск (преувеличение до фантастической степени; совмещение несовместимого), аллегория, типизация. Все эти средства помогают реализовать функции сатиры.

Таким образом, виды комического предоставляют авторам публицистических текстов огромный пласт стилистических средств для оказания речевого воздействия. Каждый из приемов, во-первых, выражает определенную степень насмешки, а во-вторых, репрезентируется в тех или иных формах или на разных уровнях. Ирония чаще всего представлена на уровне слова, тогда как сатира способна «объять» весь текст, часто используя иные виды комического для достижения сатирического эффекта (юмор, иронию, сарказм). Разнообразие форм существования комического в тексте и отсутствие четкой их классификации предопределяют необходимость дальнейшего изучения комического как текстовой категории и средства речевого воздействия.

Борев Ю. Комическое // Словарь литературоведческих терминов. – М.: Просвещение, 1974. — Т. 4. — С. 182-183.

Вакуров В. Н. Речевые средства сатиры и юмора в советском фельетоне. — М.: Изд-во МГУ, 1969. — С. 54.

Грачева Ж.В. Ассоциативный контраст как прием создания комического в прозе А.П. Чехова // Язык и национальное сознание. – Воронеж: «Истоки», 2003. – Вып. 4. – С. 71–73.

Грачева Ж.В. Функция ассоциаций по контрасту в языке и художественном тексте // Текст – дискурс – картина мира: Международный сборник научных трудов. – Вып. 5. – Воронеж: изд-во «Истоки», 2009. – С. 67-70.

Дынник В. Ирония // Литературная энциклопедия — М.: Изд-во Ком. Акад., 1930. — Т.4. — URL: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/> (дата обращения: 10.04.2013).

Ермакова О. П. Вербализированная ирония в естественном диалоге // Русская разговорная речь как явление городской культуры. — Екатеринбург: Арга, 1996.

Лосев А.Ф. Ирония античная и романтическая // Эстетика и искусство. М., 1966, С.54–84.

Максимов В.И. Стилистика и литературное редактирование. — М. : Гардарики, 2007. — 653 с.

Николина Н.А. К вопросу о речевых средствах иронической экспрессии и ее функциях в художественной речи // Русский язык в школе. — 1979. — №5. — С. 79–85.

Нельс С. Сарказм // Литературная энциклопедия — М.: Изд-во Ком. Акад., 1930. — Т.10. — URL: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/> (дата обращения: 10.04.2013).

Нельс С. Сатира // Литературная энциклопедия — М.: Изд-во Ком. Акад., 1929–1930. — Т.10. — URL: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/> (дата обращения: 10.04.2013).

Пивоев В.М. Ирония как феномен культуры — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2006. — 106 с.

Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. М., 1976.

Соловьева О.И. Ирония как средство речевого воздействия в публицистическом дискурсе. — URL: <http://journalist.masu.ru/index.php/about-us/2011-04-05-10-19-40/-q-q/75--i-/438-2011-03-11-16-53-18> (дата обращения: 5.04.2013).

Щербина А.А. О двуплановости и противопоставлении смысла в иронии // Филологические науки. — 1976. — №2. — С. 62–69.

А.В. Ненахова

Речевые неудачи рекламного текста

В современном обществе реклама – это и мощная отрасль индустрии, продукт деятельности которой направлен на обеспечение потенциального адресата рекламного сообщения информацией о товарах или услугах в целях их популяризации (Тюрина <http://ispu.ru/files/75-77.pdf>). Реклама – распространяемая в любой форме информация о лице, товарах, услугах или общественном движении, оплаченная рекламодателем с целью привлечения внимания к объекту рекламирования и увеличения сбыта (Бернадская 2005, с.14–15). В качестве объекта рекламы выступает товар (услуги, фирма, лицо и т. д.). В зависимости от используемых средств распространения рекламного обращения выделяют рекламу полиграфическую, радио- и телерекламу; рекламу в сети Интернет; наружную, транзитную, сувенирную и т. д.

Рекламный текст – это текст, содержащий рекламную информацию. Его отличают следующие признаки: он содержит сообщение о физическом или юридическом лице, товарах, идеях и начинаниях, призван формировать или поддерживать интерес к ним и способствовать их реализации; предназначен для определенного круга лиц (Кривоносов 2001, с.13–14). Рекламные тексты представляют собой неоднородное множество: они разнообразны и по размеру, и по жанру, и по стилю, и по используемым средствам языковой выразительности, и по структуре, и по характеру взаимодействия вербальной и невербальной информации (Добросклонская 2008, с.48).

Влияние рекламного текста на отношение к товару и в конечном итоге на потребительскую активность во многом зависит от того, насколько удачно на маркетинговую идею «поработали» языковые средства, выразительные приемы, речевые стратегии и тактики. Поэтому сегодня

исследование структурной организации рекламных текстов, анализ их языка представляется особенно актуальным.

В настоящее время всё чаще встречается некачественная реклама, насыщенная различными ошибками или просто неэтичная. *Речевые неудачи* рекламного текста – это разного рода ошибки, недопустимые нарушения в обращении с русским литературным языком, которые в конечном итоге способны повлечь за собой разрушение структуры языка в целом. Классифицируя речевые неудачи, можно выделить фактические, логические, речевые (лексические и грамматические) ошибки, а также орфографические, пунктуационные, этические ошибки, недочеты, связанные с употреблением шрифтов, опечатки и другие (Шишлянникова 2004).

Проанализировав материал, извлечённый из рекламных текстов последнего десятилетия, удалось выявить многочисленные речевые неудачи. Спецификация рекламных текстов по принципу наличия в них той или иной речевой неудачи может быть представлена следующими примерами:

1) фактические ошибки

- *«Даёшь первое российское золото!»* – реклама чемпионата мира по хоккею. Впервые сборная России по хоккею завоевала золотые медали мирового первенства в 1993 году на 57-ом чемпионате мира по хоккею с шайбой, проходившем в Германии (рекламный щит был расположен в Москве в 2007 году) [11];

2) логические ошибки

- *«Магазин Машиа. Все для здоровья: чай водка книга»* – световая вывеска магазина в Китае. Обобщающее слово и однородные члены предложения обозначают понятия разных классов; как однородные представлены понятия, имеющие разные логические основания. Также следует отметить, что в данном рекламном тексте отсутствуют запятые, отделяющие однородные члены [12];

3) речевые лексические ошибки:

- *«Страховая брокерская компания ВЕЛЕС. Автокаско – дешевле, чем ты думаешь. Узнай свой тариф»* – рекламная вывеска страховой брокерской компании. Неудачное использование в качестве названия страховой фирмы слова «Велес». Велес – божество в древнерусском языческом пантеоне, «скотий бог», покровитель сказителей и поэзии. Автор рекламного текста не учитывает значения слова-названия (рекламная вывеска находится в Тольятти; фото расположено в сети Интернет) [12];

- *«Шаловляндия»* – название эскимо компании «Снежный городок». Слово «шаловляндия» образовано путём сложения морфем «шалов» и «лянд» (в переводе с немецкого «land» означает «страна, земля»). Следовательно, слово «шаловляндия» следует семантизировать как «страна шалостей». Однако у адресата может возникнуть ассоциация и со словом,

несущим негативную коннотацию (номинация женщины лёгкого поведения), что делает неприемлемым использование данного неологизма в рекламном тексте (реклама расположена в сети Интернет) [14];

4) грамматические ошибки

- «Одежда и обувь для детей отечественного производителя» – ошибка в построении предложения (нарушение порядка слов). Словосочетание «отечественного производителя» относится к слову «детей» (рекламная вывеска магазина детской одежды и обуви) [12];

5) орфографические ошибки

- «деЦкая Адежда» – название магазина детской одежды. В данном случае орфографические ошибки использованы намеренно – для привлечения внимания покупателей, но всё же данный приём следует отнести к речевой неудаче, поскольку нарушение орфографической нормы приводит к разрушению структуры слова (рекламная вывеска находится в городе Волгоград) [14];

6) пунктуационные ошибки

- «Клинекс, мягкий словно бархат» – реклама туалетной бумаги. Ошибка в отсутствии знака препинания: нет запятой перед союзом «словно» (необходимо выделить сравнительный оборот) (рекламный ролик транслировался телеканалом ТНТ в 2005 году) [6];

7) этические ошибки

- «SAKURA. Доставка суши и роллов. ЯПОНИСЬ» – реклама ресторана японской кухни. Ошибка связана с ненормативным образованием неологизма, ассоциативно отсылающего к известному инвективу (реклама расположена в Воронеже в лифте многоэтажного жилого здания на улице Шишкова) [12];

- «– ЧЁ братъ-то? – ВятиЧ, ЧЁ!» – реклама пива. Данный рекламный текст является неэтичным, поскольку в нём графически воспроизводится разговорное произношение, репрезентирующее скрытую речевую агрессию (рекламный щит расположен в Кирове) [15];

- «Удар по ЯЙЦАМ! Всего за 21 руб 90 коп» – реклама скидок в продуктовом магазине. В данном рекламном тексте допущена двусмысленность высказывания: «удар» – сильное снижение цены или «удар» – толчок; «яйца» – распространённый продукт питания человека или «яйца» – просторечное название мужской части тела. Двусмысленность высказывания влечёт за собой комичность восприятия адресатом рекламного текста (билборд был расположен в Санкт-Петербурге в 2010 году) [16];

8) ошибки в использовании шрифтов:

а) нечитаемые шрифты

- «Мы жр[д]ём тебя, папа!» – социальная реклама «Планета людей». На билборде буква «д» в слове «ждём» читается как буква «р» («Мы жрём тебя, папа!») (рекламный щит расположен в городе Сургут) [8].

б) смешение разных видов шрифтов

• «ФЭШН. Бутик» – реклама магазина женской одежды. Смешение русских и английских букв создаёт трудности при восприятии рекламного текста, кроме того, разрушает структуру заимствованного слова (рекламная вывеска находится в городе Борисоглебск) [9];

9) опечатки

• «С нами выгодно» – реклама оператора сотовой связи Уралтел. Ошибка в замене одной буквы другую (не «выгоВно», а «выгоДно») (рекламный щит в Екатеринбурге) [7].

Нельзя забывать, что целью рекламы является массовое воздействие. Следовательно, неудачи в рекламных текстах можно назвать «оружием массового поражения», так как, ввиду их агрессивности, они могут формировать разрушительные языковые тенденции.

1. Бернадская Ю. С. Основы рекламы. [Текст]: учеб. для студентов вузов. // Ю. С. Бернадская, С. С. Марочкина, Л. Ф. Смотров. Под ред. Л. М. Дмитриевой. – М.: Наука, 2005, с. 14–15, 15–17.

2. Добросклонская Т. Г. Язык средств массовой информации. [Текст]: учебное пособие. / Т. Г. Добросклонская // М.: КДУ, 2008, с.48.

3. Кривонос А. Д. PR-текст в системе публичных коммуникаций. [Текст] / А.Д. Кривонос – М.: «Гнозис», 2001, с.13-14.

4. Куликова Е. В. Рекламный текст: лингвистические приемы выразительности [Текст] / Е. В. Куликова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2009, № 6 (2), с. 276–282.

5. Шишлянникова, А. М. Текстовые ошибки. [Текст]: практическое пособие. / А. М. Шишлянникова // Воронеж: ВГУ, 2004, с.4–6.

Электронные источники

6. Интернет-журнал любителей русской словесности <http://www.ruslit.com/?p=74>, 14.04.2013.

7. Надпись-подпись, <http://www.nadpis-podpis.net/2009/03/vygovno.html>, 05.05.2013.

8. Студия Артемия Лебедева, <http://www.artlebedev.ru/kovodstvo/idioteka/2011/10/10/>, 03.05.2013.

9. Типичный Рекламщик, http://vk.com/photo-36498615_282174567, 05.05.2013.

10. Тюрина, С. Ю. О понятиях рекламный дискурс и рекламный текст, <http://ispu.ru/files/75-77.pdf>, 03.04.2013.

11. Фактические ошибки в рекламе, <http://advertka.livejournal.com/5492091.html>, 05.04.2013.

12. Шедевры рекламы, <http://vk.com/bestad>, 05.04.2013.

13. Advis.ru, http://advis.ru/php/view_news.php?id=2B1EC07D-EEB5-8048-87B6-BCED61442FCC, 01.05.2013.

14. Livejournal, <http://count-real.livejournal.com/57790.html>, 14.04.2013.

15. LiveJournal, <http://vyatich.livejournal.com/207898.html>, 03.05.2013.

16. PrMaster, http://prmaster.su/outdoor/antireklama-2010-itogo-proshedshego-goda_65.html, 01.05.2013.

Нужный партии язык

*При помощи печати партия ежедневно
говорит с народом на своем, нужном ей языке.
Газета «Правда», 11 августа 1949 г.*

Когда сейчас говорят о т.н. тоталитарном языке, имеют в виду, безусловно, некий официальный вариант общенационального языка, реализуемый в средствах массовой информации, официальном искусстве, при взаимодействии власти и граждан. Сам термин «тоталитарный», если разобраться, скорее, представляет собой некую довольно яркую и хорошо запоминающуюся метафору и не содержит какой бы то ни было информации о понятии, а служит только для маркирования определенных языковых особенностей конкретным историческим периодом, то есть указывает нам, что этот вариант публичного языка функционировал в государстве, режим которого называют тоталитарным.

В Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка есть такое определение тоталитарного языка: «1) Язык, функционирующий на территории тоталитарного (от лат. *totalis* – весь, целый, полный) государства, осуществляющего полный (тотальный) контроль над всеми сферами жизни общества (например, язык фашистской Германии, фашистской Италии, франкистской Испании, язык, обслуживавший коммунистические казарменные режимы в СССР, Румынии, Польше и др.). Лингвокультурологическая природа Т. я. не позволяет рассматривать его в изоляции от истории и культуры определенного народа. Так, Т. я. в русском варианте прошел несколько стадий развития. Расцвет рус. Т. я. – сталинская эпоха; закат – начало горбачевской перестройки» (Купина 2003).

И здесь встает вопрос о признаках этого самого тоталитарного языка. К ним относят, в частности, насильственное идеологическое влияние, которому подвергся язык в ходе централизованной языковой политики; мифологизм; директивность; наличие единой коллективной точки зрения, редукция человеческой, в том числе языковой, индивидуальности, находящейся за пределами системы ценностей; использование бинарных оппозиций, поляризующих идеологические конструкты (Там же). Возникает вопрос, а достаточно ли этих признаков для того, чтобы вообще выделять тоталитарный язык в качестве особого феномена? Все перечисленные особенности в чистом виде есть в современной публичной речи. Формы экспликации, несомненно, стали иными, хотя они исчислимы и описаны в учебниках риторики и делового общения: «...тактики оппозиционирования отражают разную степень отдаленности от тех или иных политических сил и платформ. Среди них <...> тактики агрессивного противостояния...» «Человек конструирует политическую реальность и

свое место в ней по шкале «свои – в чем-то близкие – чужие – враждебные» (Савцова 2007).

Во все времена у власти был свой особый язык. Тем не менее тот факт, что «советский язык» как лингвистический феномен существует, сомнений не вызывает. Все дело в формах выражения одних и тех же посылов власти, в том, что теперь стало модно называть политической риторикой. Прочитаем один старый номер газеты «Коммуна». Прочитаем его так, как читали те, кто купил этот номер 12 августа 1949 г. или взял его утром по пути на работу в своем почтовом ящике – по порядку, начиная с *передовой* и заканчивая международными новостями и объявлениями. Безусловно, далеко не каждый начинал свое знакомство с газетой с отчета о битве за урожай, а наоборот, открывал последнюю страницу. Такой читатель первым делом узнавал о том, что *«Кузнецова Татьяна Сергеевна, проживающая в г. Воронеже, по Краснознаменной ул., № 64, возбуждает дело о разводе с Шматовым Иваном Тимофеевичем, проживающим в г. Воронеже по Петрозаводской ул., 62»*. Ну, чем не светская хроника?

Здесь же можно ознакомиться с репертуаром Воронежского драмтеатра, цирка, кинотеатров. Это спектакль «Пушкин»; прощальные гастроли аттракциона «Цыгане», от чтения программы которого прямо дух захватывает: подкидные доски, буффонадные сценки «Наводнение», «На лестнице»; фильмы «Призвание поэта», «Свинарка и пастух», «Секретарь райкома», «На вершинах Монблана». Но вершины Монблана ничто в сравнении с теми вершинами духа, на которые должен вознестись советский человек, в том числе при помощи «большевистской печати – печати нового типа»¹: от развода гражданки Кунецовой (так и тянет сказать Грицацуевой) до плана хлебопоставок. Хлеба и зрелищ товарищам!

«Машинисты молотилок! Равняйтесь на Андрея Шопинского!», «Завершили хлебопоставки», «В Липецком районе плохо борются с потерями урожая», «52, 5 тонны зерна в сутки», «О ходе выполнения плана хлебопоставок», «Передовики хлебосдачи», «Намолотил 45 тонн зерна», «Задерживают сдачу пшеницы». Даже если заголовки не содержат слов «урожай», «хлеб», «пшеница» (например, *«Почин комсомолки Нины Христенко», «Славные дела комсомольцев»*), можно быть уверенным, что заметки с этими названиями тоже посвящены уборочной кампании. Читая статьи передовицы «Коммуны», существенно обогащаешь свои знания о процессе производства хлеба: какая техника используется в ходе уборочной – молотилка МК-1100, МО-900, трактор «Универсал»; пополняешь лексикон специальными словами из сферы хлебопроизводства: *розвязь, скирдование, крестцы, открытый гребень* и т.д.

Очень логично начиналась советская газета – с основания пирамиды потребностей, лучше сказать, с ее фундамента. Что может быть более

¹ Все цитаты из газеты «Коммуна» за 12 августа 1949 г., если не указано иное.

фундаментальным для любого человека, чем удовлетворение голода? При этом партия убеждена, что каждый должен знать, откуда берется хлеб, а лучше, если не просто знать, но и принимать активное участие в этом процессе. Любой советский ребенок вплоть до 90-х гг. прекрасно представлял себе, какой длинный путь проделывает хлеб, прежде чем попасть к нам на стол. Помню рассказ из своего детства времен Перестройки, героем которого был обычный школьник: пообедав, он скатал хлебный мякиш и выбросил в окно. После этого мякиш неожиданным образом ожил (хотя чего уж тут неожиданного, вспомним хотя бы колобка или американского Gingerbread Man) и повел мальчика сначала в поле, а затем продемонстрировал ему, что называется, полный цикл производства. Все это произвело на мальчика настолько сильное впечатление, что он сразу же проникся уважением к хлебу и людям, которые причастны к его производству. А для лучшего запоминания весь технический процесс можно зарифмовать.

Положит в землю Человек зерно,
 Прольётся Дождь – зерно орошено.
 Крутая Борозда и мягкий Снег
 Зерно укроют на зиму от всех.
 Весною Солнце выплывает в зенит
 И новый колосок позолотит.
 Колосьев много в урожайный год,
 И человек их с поля уберёт.
 И золотые руки Пекарей
 Румяный хлеб замесят поскорей.
 А женщина на краешке доски
 Готовый хлеб разрежет на куски.
 Всем, кто лелеял хлебный колосок,
 По совести достанется кусок.

Я. Аким. Пшеница

Имена всех участников, в том числе неодушевленных, с большой буквы – то ли как имена персонажей художественного текста, то ли как сакральные имена. Только вот слово «женщина» с маленькой буквы, но она, видимо, олицетворяла собой сферу сервиса, к которому относились без пиетета.

Вообще же ощущение того, что читаешь некий священный текст, почти не покидает, пока держишь в руках газету шестидесятилетней давности: *«К 5 августа выполнил первую заповедь колхоз “Свобода”», «досрочно выполнить первую заповедь...», «Пример государственного подхода к выполнению своей первой заповеди показывают колхозники сельхозартели “Путь к социализму” (председатель т. Перфильев)»*. Хлеб как объект поклонения, выбранный идеологами марксизма-ленинизма, безусловно, также отсылает нас к Святому Писанию: и разве не должна *возчик молока, комсомолка Нина Христенко еще и отработать 500 часов на уборке*

урожая в колхозе: «В поте лица твоего будешь есть хлеб» (Быт, 3:19). Но только *пот* для комсомолки не наказание, а благо, она добровольно берет на себя это обязательство, так как «Не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Господа» (Новый Завет). – *«Отношение отсталых групп трудящихся к своему же социалистическому государству по буржуазному принципу – взять у государства побольше и получше, а отдать поменьше и похуже – есть один из вреднейших пережитков капитализма, борьба с которым имеет большое политическое значение»*. Хлеб в советском государстве, безусловно, является одним из самых важных символов, становится ключевой метафорой советской культуры.

Партия Ленина-Сталина как проводник марксистско-ленинского учения, обладая сверхспособностями, совершенно явно осуществляет функции, близкие к божественным: *«В отличие от других видов общественного сознания революционные идеи обладают способностью предвидеть дальнейшее развитие действительности. В полной мере это относится к марксистско-ленинской теории, как до конца научной и революционной, обладающей тем замечательным свойством, что она не только не отстает от революционной практики, от жизни, но, наоборот, идет впереди жизни»*. Так и хочется поставить в параллель: «Если есть душа, сильная великим знанием и предвидением, которой все прошлое и будущее знакомо так, как мне прекрасно знакома песня, то это душа удивительная, повергающая в священный трепет: от нее ведь не сокрыто ни то, что прошло, ни то, что еще остается в веках, как не сокрыто от меня, когда я пою эту песню, что и сколько из нее уже спето, что и сколько остается до конца.

Да не придет мне в голову, что Ты, устроитель вселенной, устроитель душ и тел, да не придет мне в голову, что Ты знаешь все будущее и прошлое в такой же мере. Ты постигаешь его гораздо-гораздо чудеснее и гораздо таинственнее» (Августин Блаженный. Исповедь).

Не случайно лишены имен, First names Ленин и Сталин, у них есть псевдонимы, которые стали названиями, они даже пишутся через дефис: *партия Ленина-Сталина*. И если Ленин в советской детской литературе прошел некоторый процесс очеловечивания, то Сталин так и остался просто Сталиным, идолом, развенчанным уже в следующее десятилетие. Трудно себе представить детское лицо Сталина на каком-нибудь значке, как лицо юного Володи Ульянова.

Но хорошо рифмуется не только Ленин со Сталиным, человек легко рифмуется с другим человеком и со всем государством: *«единый, сплоченный коллектив», непобедимое морально-политическое единство советского общества», «нерушимая дружба всех народов нашей страны», «широкие массы колхозников»* и др. Да и весь текст газеты не лишен поэзии: *«На полях колхоза им. Ворошилова лежат давно скошенные*

хлеба. Розвязь прибита к земле недавними дождями. Часть копен разметана ветром.

Возчик горючего для тракторной бригады, всю дорогу молча правивший лошадью, вдруг соскакивает с подводы и направляется к скошенному хлебу. Набрав колосьев ржи, покрытых землей, он связывает небольшой снопок и говорит:

- Повезу Бокову, пусть полюбуется...Ведь колхозники не раз напоминали ему, что хлеб надо вязать в снопы да скирдовать!»

Впечатление такое, что это фрагмент сценария советского художественного фильма или проба пера какого-нибудь не очень одаренного писателя-деревенщика. Не случайна установка партии на то, что любой рабочий может стать литератором, ведь *«рабочие-литераторы не падают готовыми с неба, они вырабатываются лишь исподволь, в ходе литературной работы. Нужно только смелее браться за дело: раза два споткнешься, а там и научишься писать»* (И.В. Сталин). А ведь, действительно, в этом нет ничего трудного, когда живешь в стране, где свинарка и пастух объясняются стихами и где должно быть стерто различие между интеллектуальным и физическим трудом, как пишет проф. Г. Васецкий в статье «Преодоление пережитков капитализма в сознании советских людей».

Этот пафос борьбы, преодоления структурирует каждую статью и заметку газеты: *«враги народа»*, *«боевые листки»*, *«борьба за мир»*, *«фронт борьбы»*. Не покидает ощущение, что в то время, пока «комсомолка-книгоноша», 18-летняя Галина Клиньских, «устраивает в поле, в бригадах и звеньях громкие читки», где-то постоянно идет борьба: «с агрессивной внешней политикой Соединенных Штатов», «религиозными предрассудками», с теми, кто в разгар «уборочной кампании еще ни разу не был в колхозах», а вместо этого «составляет бесконечные сводки, проекты резолюций, докладные записки и не знает, что делается в поле». Борьба эта закончилась, как известно, хотя и *досрочно* (тоже одно из любимых слов советской публичной речи), но без успеха, породив, тем не менее, особую мифологию, особый язык, превратившись в одну развернутую целостную метафору, разбираться в нюансах которой становится тем важнее и одновременно труднее, чем дальше отстоит от нас время «смертельного спора за правду»². И в этом нет ничего драматичного, ведь, как сказал Х.-Л. Борхес, «быть может, всемирная история – это история нескольких метафор».

² Перифраз строчки из стихотворения М. Дудина «Считайте меня коммунистом».

Купина Н.А. Тоталитарный язык // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под редакцией М.Н. Кожинной. — М.: Флинта, Наука 2003. — 696 с.

Саввова М.Р. Искусство быть услышанным. Лекции. — М.: Высшая школа управления, 2007. — 155 с.

Сун Чуньчунь

Наименование цвета автомобиля как средство воздействия на покупателя

В языке рекламы, основной задачей которой является внушение реципиенту представления об исключительности свойств и качеств рекламируемых товаров, цветоименование оказывается важным фактором обозначения внешней привлекательности товара. Поэтому в рекламистике и найминге активно используются цветовые номинации.

Рассмотрим их особенности на примере лексики, используемой для обозначения цвета автомобиля. Источником материала послужили объявления о продаже легковых автомобилей из рекламных газет «Ва-Банк-Воронеж», «Камелот», «Из рук в руки».

Анализ показал, что выявленные наименования могут быть расклассифицированы по структурным и семантическим параметрам. В зависимости от структурных характеристик колоративы можно разделить на три группы: 1) простые (монологемные) например: *белый, чёрный, зелёный, жёлтый, сиреневый, красный; оливковый, баклажан; рапсодия, мурена*; 2) составные (состоящие из двух или более основ), например: *ярко-синий, серо-зелёный, серебристо-жёлто-голубой, золотисто-серо-зелёный*; 3) сложные (состоящие из двух или более слов), например: *белый перламутр, спелая вишня, млечный путь, алмазное серебро; красный гранат перламутр*.

По семантике цветовые номинации могут быть распределены на следующие группы: 1) прямые наименования, к которым относятся основные наименования спектра; 2) метафорические, образованные в результате переноса с объекта, являющегося носителем данного оттенка цвета (*васильковый, салатовый, песочный, золотой*); 3) авторские номинации ассоциативного характера, являющиеся результатом нейминга, то есть разработки привлекательного названия (*белая ночь, снежная королева, сочи, рапсодия, совиньон*).

Наиболее частотными в рамках исследуемого материала являются прямые однолексемные и составные номинации цвета. Среди однолексемных используются все прилагательные, называющие основные цвета (*белый, голубой, жёлтый, зелёный, красный, коричневый, серый, синий, чёрный*). Например:

Ауди-100 1983 г. в., двигатель 1.9, цвет синий продаю.

Ауди-100 1988 г. в., двигатель 2, цвет серый продаю.

Среди составных номинаций были выявлены обозначения, связанные с указанием на степень светлоты цвета. Под светлотой в колористике понимают характеристику, которая определяет близость данного цвета к белому (О.Артюшенко). Исходя из этого критерия, можно выделить оттенки:

а) **тёмный** (тёмно-зелёный, тёмно-коричневый, тёмно-красный, тёмно-серый, тёмно-синий), например:

БМВ-523 1999 г.в., кузов 39, двигатель 2.3, цвет тёмно-зелёный продаю.

Ауди-А6 2006 г.в., двигатель 2.4, цвет тёмно-красный в хорошем состоянии продаю;

б) **светлый** (светло-зелёный, светло-серый, светло-синий), например:

ВАЗ-21061 1983 г.в., двигатель 1.5, цвет светло-синий продаю.

ВАЗ-111840 – Лада-Калина 2008 г.в., двигатель 1.4, цвет светло-зелёный продаю.

Среди составных номинаций выделяются также обозначения, указывающие на степень яркости (ярко-белый, ярко-синий), которая определяется количеством света, попадающего в глаз наблюдателя от объекта испускающего или отражающего его. Например:

ВАЗ-21053 2006 г.в., двигатель 1.6, цвет ярко-белый продаю.

Но такие номинации в рамках проанализированного материала встретились только в двух случаях, что свидетельствует о низкой релевантности данного признака для цвета автомобиля.

Следующая разновидность составных номинаций – это указания на сочетания в окраске двух или (реже) трёх цветов (серо-голубой, серо-зелёный, серо-синий; сине-зелёный, сине-чёрный; серо-сине-зелёный), например:

ВАЗ-11113-Ока 2005 г.в., двигатель 0,75, цвет сине-зелёный продаю.

Ауди-100 1989 г.в., двигатель 2.3, цвет серо-голубой продаю.

Среди сложных номинаций наиболее распространёнными являются словосочетания прилагательное + существительное (морская волна, белый перламутр, чёрный жемчуг), например:

ВАЗ 2109 1991 г.в., двигатель 1.3, цвет красная вишня продаю.

ВАЗ 21074 2011 г.в., двигатель 1.6, цвет белое облако продаю.

Реже встречаются сочетания существительное + существительное (золото инков) и прилагательное + с + прилагательное (бежевый с розовым).

По семантическим характеристикам наименования цвета автомобиля можно разделить на следующие тематические группы.

1. Наименования растений и их частей

- наименование **целого растения** (папирус, осока, табак, салатный) и совокупности растений (зелёный сад, колумбийская зелень), например:

ВАЗ-21012 2002 г.в., двигатель 1.5, цвет папирус продаю;

ВАЗ-2107 1997 г.в., двигатель 1.3, цвет зелёный сад продаю;

- наименование **плода** растения (*апельсин, баклажан, баклажановый, вишня, спелая вишня, тёмная вишня, вишнёвый, тёмно-вишнёвый, гранат, дыня, оливковый, оранжевый, красный перец, черешня, черника*), например:

ВАЗ-2104 2011 г.в., универсальный двигатель 1.6, цвет красный перец продаю;

ВАЗ-1118 – Калина 2008 г.в., 16 клапанов, цвет черника продаю;

- наименование **цветка** или цветов растения (*василёк, васильковый, синий васильковый, цветущий миндаль, сиреневый, фиолетовый, сине-фиолетовый, тёмно-фиолетовый, чёрно-лиловый*). Например:

ВАЗ-21083 2006 г.в., инжектор, пробег 26 тыс. км, цвет василёк продаю.

2. Наименования **природных объектов** и связанных с ними явлений (*гейзер, мираж, белое облако, Млечный Путь, морская пучина, морская волна, лунный свет, звёздная пыль, белая ночь, снежно-белый, пустыня, сафари, хаки*), например:

ВАЗ-21099 2002 г.в., двигатель 1.5, цвет мираж продаю.

ВАЗ-21074 2008 г.в., инжектор, цвет морская пучина продаю.

К этой группе примыкают **географические названия** (*Адриатика, Атлантика, Балтика, Ниагара, Сочи, Петергоф, Пицунда, Ривьера, Корсика, Капри, Монте-Карло*). Например:

ВАЗ-2111 2010 г.в., двигатель 16 клапанов, цвет сочи продаю.

ВАЗ-2109 2002 г.в., инжектор, цвет ниагара продаю.

3. Названия **минералов** (*авантюрин, алмазное серебро, бирюзовый, графит, графитово-синий, зелёный малахит, изумруд, изумрудный, кварц, кристалл, опал, золотой песок, песочно-бежевый, чароит, яшма*), например:

ВАЗ-2111 2007 г.в., двигатель 1.6., 16 клапанов, цвет графитово-синий продаю;

ВАЗ-21074 2006 г.в., двигатель 1.6, цвет яшма продаю;

и **металлов** (*бронзовый; золото, золото инков, золотой, золотой металл, золотистый, золотисто-жёлтый, золотисто-серебристый, золотисто-зелёный, золотисто-серо-зелёный; серебро, серебристый, светло-серебристый, серебристо-золотой, серебристо-жёлто-голубой, серебристо-песочный, серебристый металл, серебристо-красный, серебристо-голубой, серебристо-зелёный, серебристо-серый, серебристо-коричневый; металл, бежевый металл, зелёный металл, бежево-зелёный металл, тёмно-зелёный металл, тёмно-синий металл, коричневый металл, серый металл, серо-голубой металл, тёмно-красный металл, вишнёвый металл, ярко-синий металл, черничный металл; стальной металл*), например:

БМВ-735 1983 г.в., двигатель 3.5, цвет золотой.

БМВ-118 2007 г.в., двигатель 2.0 дизель, цвет серебро.

*ВАЗ-21099 г.в., двигатель 1.5, цвет **серебристо-зелёно-голубой**.*

*ВАЗ-21070 2003 г.в., двигатель 1.5, цвет **бежево-зелёный металлик**.*

4. Номинации, связанные с представителями животного мира (*игуана, мурена, слоновая кость, чёрный жемчуг, перламутр*). Например:

*ВАЗ-2106 1996 г.в., двигатель 1.6, **цвет мурена** продаю.*

Особенно широко используются номинации, включающие компонент «перламутр», который в исходном значении называет внутренний слой раковин моллюсков. Вот ряд таких обозначений цвета: *белый перламутр, васильковый перламутр, синий перламутр, зелёный перламутр, серый перламутр, тёмно-серый перламутр*. Например:

*Ауди-100 1983 г.в., двигатель 2.3, цвет **тёмно-серый перламутр** продаю.*

5. Номинации напитков: алкогольных (*бордо, бордовый, тёмно-бордовый, изабелла, мускат, портвейн, рислинг, совиньон*), например:

*ВАЗ-1119-Калина 2011 г.в., хетчбек, двигатель 1.6, **цвет портвейн** продаю;*

и безалкогольных (капучино, молочно-бежевый),

а также продуктов питания (шоколадный, кремовый, сливочно-белый).

6. Имена персонажей мировой истории, культуры и литературы (*Нефертити, Моцарт, Калипсо, Кармен, Нептун, Снежная королева, Фея, Юпитер*), например:

*ВАЗ-21054 2011 г.в., двигатель 1.6, без пробега, **цвет снежная королева** продаю.*

7. Названия музыкальных произведений и их частей (*рапсодия, романс, аккорд*), например:

*ВАЗ 21014 2007 г.в., пробег 91 тыс. км, **цвет романс** продаю.*

8. Номинации события и явлений, связанных с **успехом** (*престиж, приз, триумф*) или силами, привлекающими **удачу** (*амулет, магия*), например:

*Ауди-80 1989 г.в., двигатель 1.8, **цвет триумф** продаю.*

9. Русские и иностранные наименования артефактов, которые или имеют соответствующий оттенок цвета (*беж, бежевый, бежевый с розовым, светло-бежевый, тёмно-бежевый, бежево-чёрный, асфальт, мокрый асфальт, валюта*) или вызывают определённые цветовые ассоциации (*фрегат*), например:

*ВАЗ-2106 1986 г.в., двигатель 1.3, **цвет беж** продаю.*

*Ауди-100 1989 г.в., седан, двигатель 2.3, **цвет мокрый асфальт** продаю.*

Разветвлённая система цветообозначений в автомобильной колористике свидетельствует о том, что, не являясь основным фактором позиционирования товара, цвет играет важную роль в его восприятии, поскольку связан с определёнными личностными предпочтениями покупателя, и это обуславливает выбор именно данного автомобиля из ряда машин, имеющих аналогичные характеристики других параметров.

Хуонг Тхи Тху Чанг

Экономическая лексика тематической сферы «государственный бюджет» в русских печатных СМИ

Экономика – это сфера жизни социума, включающая производство, обмен, распределение и потребление материальных благ и услуг. Поскольку экономические отношения являются базисными для любого социума, они с необходимостью обсуждаются в СМИ, что обуславливает употребление соответствующей терминологии.

Целью данного исследования является выявление тематических групп экономической лексики, репрезентирующей денотативную сферу «государственный бюджет» в печатных СМИ. Источником практического материала послужили газеты «Аргументы и факты» (далее – АиФ) и «Комсомольская правда» (далее – КП), «Российская газета» (далее – РГ), «Независимая газета» (далее – НГ), «Московский Комсомолец» (далее – МК). Выбор данных изданий был обусловлен двумя факторами. Во-первых, это наиболее читаемые газеты (так, АиФ и КП занимают первое место в России по количеству подписчиков), во-вторых, они не являются специальными, как, например, газеты «Деньги» или «Коммерсант», то есть рассчитаны на обычного читателя.

«Государственный бюджет – это смета доходов и расходов государства на определённый период (чаще всего на год), составленная с указанием источников поступления государственных доходов и направлений расходования средств. Бюджет имеет доходную и расходную часть, которые в перспективе должны быть сбалансированы» (Фролова, 2009).

Анализ указанных газет показал, что экономическая терминология тематической сферы «государственный бюджет» используется в них достаточно активно. В рамках исследуемого материала выделяются следующие микрополя:

1. БЮДЖЕТНАЯ СИСТЕМА РОССИИ: бюджет, государственный бюджет, федеральный бюджет, региональный бюджет, местный бюджет, доходная часть бюджета, расходная часть бюджета, доходы бюджета, расходы бюджета, соотношение доходов и расходов, дефицит бюджета, бюджетный дефицит на уровне 1%, сократить дефицит, бездефицитный бюджет, увеличение бюджетного дефицита, резервный фонд России, размер резервного фонда, прогнозный объём резервного фонда, профицитный бюджет, сбалансированный бюджет, бюджет сбалансирован, бюджетная политика, решение социально-экономических задач, планирование мер социально-экономического развития, бюджетное

планирование, нагрузка на бюджет, бюджет исполнен с профицитом, устойчивость бюджетной системы, эффективность управления общественными финансами, заложить в бюджет:

В 2012 году и в начале 2013 года бюджетная политика была направлена на решение социально-экономических задач, ...на обеспечение долгосрочной устойчивости бюджетной системы и повышение эффективности управления общественными финансами (РГ 13.06.2013).

Возросла нагрузка на региональные и местные бюджеты. Также наметилась тенденция негативных изменений структуры бюджетных расходов регионов... (РГ 13.06.2013).

Предвыборные обещания Владимира Путина о бездефицитном бюджете к 2015 году могут оказаться невыполненными (АиФ 23.05.2013).

Бюджет не удалось сбалансировать даже при высокой цене на нефть в 2012г. (АиФ 19.06.2013).

На эти цели Минфин предлагает заложить в бюджет 340 млрд. рублей на ближайшие 7 лет (КП10.07.2013).

2.ДОХОДНАЯ ЧАСТЬ БЮДЖЕТА. В рамках данной группы выделяются следующие подгруппы:

а) **доход его разновидности:** доходы, получать доходы, приносить доход, получать доход, доходность (чего-либо), доходы составят около..., наполнитель бюджета, накопления, пополнение бюджета, сокращение доходов, падение доходов, налоговые доходы, неналоговые доходы, конъюнктурные доходы, доходы целевых бюджетных фондов, безвозмездные перечисления:

«Мы половину всех наших расходов финансируем за счёт конъюнктурных доходов», - указывал Силуанов (НГ 23.05.13).

Замедление экономического роста повлечёт за собой сокращение и нефтегазовых, и ненефтегазовых доходов (НГ 23.05.13).

Зачем обременять бюджет новыми обязательствами, когда он практически сбалансирован и получает доходы за счёт высоких мировых цен на нефть (НГ 20.05.2013).

б) источники доходов

-налоговые источники доходов: налогооблагаемая база, налог на прибыль организаций, налог на доходы физических лиц (НДФЛ), подоходный налог, налог на игорный бизнес, страховые взносы в Пенсионный фонд, экспортная пошлина, импортная пошлина, акцизы, пенсионные взносы, социальные взносы, налогоплательщик

Для тех ИП, у кого годовой оборот составляет до 300 тыс. рублей, страховой взнос планируется снизить до прошлогоднего уровня (из расчёта один МРОТ в квартал) (КП 9 июля 2013).

Мировые цены на нефть снизились, а вслед за ними снизилась стоимость топлива на оптовом рынке. Это даст возможность не поднимать цены после роста **акцизов** (АиФ 22.05.2013).

Нефтяник продаёт свою нефть за рубеж за доллары. Затем он превращает валютную выручку в рубли и платит экспортную пошлину в рублях. Именно **экспортная пошлина** – главный **наполнитель бюджета** (КП 7.06.2013).

Минфин предлагает передать часть **налога на доходы физлиц (НДФЛ)** с местного уровня на региональный. Сейчас региональные бюджеты получают 60% **подоходного налога**, а сорок остаётся местным властям (РГ 17.06.2013).

Действительно, только 48 млн. налогоплательщиков из 86 млн. трудоспособного населения несут на себе всё бремя уплаты **пенсионных и социальных взносов** (КП №14 от 23.04.13).

-неналоговые источники доходов: ВВП, экономический рост, внешние займы, резервный фонд, резервные средства, финансовый резерв, реализация госактивов, приватизация, средства от продажи, золотой резерв, госзапасы золота, накапливать, реализация золота, выручка, безвозмездные перечисления, трансферты, субсидии, субвенции.

Тем не менее правительство не отказывается от цели обеспечения **доходов от приватизации** в максимальном объёме... (РГ №6 от 18.06.2013)

Накапливать золотые запасы надо для обеспечения бюджетных расходов – в критических ситуациях, когда в казне денег не хватает, по решению президента **золото реализуется**, вся **выручка** направляется на финансирование госрасходов (НГ 09.07.2013).

Глава Минфина подверг критике регионы за неэффективное использование **субсидий и субвенций**, поступивших в виде **межбюджетных трансфертов** (РГ 18.06.2013)

Внешние займы становятся для России практически неизбежными (НГ 23.05.2013)

3. РАСХОДНАЯ ЧАСТЬ БЮДЖЕТА: расходы, госрасходы, статьи расхода, расходные статьи, планировать расходы, финансировать, недосчитаться рублей, долговая нагрузка на бюджет, покрывать расходы, расходы неснижаемого характера, выплаты по внешнему долгу, инвестировать в экономику, расходы инвестиционного характера (инвестрасходы), вложения бюджетных денег (во что), выделить финансы, расходование финансов, контроль за расходованием, выплаты, годовой лимит, профинансировать на (треть, четверть и т.д.) годового лимита, недофинансирование, сокращать статьи расходов, бюджетополучатель, материнский капитал.

По данным Минфина, российский бюджет может недосчитаться 650 млрд. рублей (НГ 23.05.2013).

Сегодня объём российских резервных фондов как минимум вдвое превышает оптимальный уровень, то есть мы могли половину накоплений инвестировать в экономику (АиФ №16 2013 г.).

Недофинансирование обороны, безопасности, **соцрасходов** (пенсий, пособий и ЖКХ) немедленно скажется на власти, тогда как недофинансирование образования и здравоохранения будет раздражать, но не приведёт к развалу государства (НГ 11.07.2013).

К 1 апреля текущего года остатки неиспользованных трансфертов на счетах субъектов составили 302 млн. рублей. Эти средства остаются в бюджетах регионов, не доходя до конкретных бюджетополучателей (НГ 11.07.2013).

Таким образом, анализ экономической лексики семантической сферы «государственный бюджет», используемой в печатных СМИ, показал, что её тематические группы отражают основные параметры данного участка экономики страны.

Фролова Т.А. Экономическая теория: конспект лекций /Т.А.Фролова. – Таганрог: ТТИ ЮФУ, 2009.

Научный дискурс

В.В.Головинова

Отражение картины мира в терминах постмодернистской философии

Философия всегда была и остается наукой рефлексирующей. Проблемы осознания собственного бытия, окружающего мира остаются «вечными». В XX веке произошел ряд революций как фактических, так и интеллектуальных. Естественно, это потребовало дополнительного анализа и времени на осознание изменений в картине мироздания. По прошествии нескольких лет, за которые были написаны и выпущены философские

работы по феноменологии, онтологии и ряду других направлений, обновлены словари и энциклопедии, можно говорить о пополнении группы философских терминов.

Постмодернизм принципиально отличается от других направлений. «В отличие от классических и современных социологических теорий, нацеленных на выявление истины, на представление целостного знания о сущностных связях определенной области действительности, теории постмодерна по духу релятивистские. Они открыты не только для рациональных, но и для иррациональных понятий. Их главная цель – найти не исчерпывающие ответы, а выявить характерные тенденции современного общественного развития» (Кравченко 2002, с.303).

Естественно, философия не могла остаться в стороне от революции, произведенной теорией З. Фрейда и его учениками. Так в состав терминологии вошли лексемы **архетип**, **бессознательное**, **Оно** и т.д. Примечательно не это. Осознание и принятие психоанализа открыло возможности дальнейшим исследованиям по выделению некоторых других значимых для современного человека феноменов.

Секс – культурный феномен взаимоотношения полов, фундированный биологическим инстинктом продолжения рода, но выходящий далеко за его пределы, покрывая широкий ареал межличностных экзистенциально-интимных и социально-психологических отношений (Грицанов 2003, с.885).

Лишение сакральности и табуирования данного понятия дало возможность осмыслить секс как характерную черту современного общества. Примечательно, что в состав философской терминологии вошли и дериваты: **сексизм** и **сексуальность**. Кроме того, возникла необходимость описания смежных областей. Соответственно, появились термины: соблазн, желание.

Соблазн – понятие постмодернистской философии, фиксирующее установку на снятие традиционной для классической европейской рациональности линейной семантико-аксиологической оппозиции мужского и женского (в контексте общекультурной установки постмодерна на отказ от бинаризма) (Грицанов 2003, с.940).

Желание – первичный био-психологический импульс – мотивационное основание сопряженной поведенческой установки, задающий главные параметры индивидуальной активности человека (как в норме, так и в патологии), а также выступающий существенно значимой детерминантой массового сознания (Грицанов 2003, с.357).

Также предпринимается попытка переосмысления человека на основе знаковой теории.

Лицо «являет собой уникальное в своей универсальности означающее, маркирующее весь феномен телесности: оно – знак, который не нуждается ни в каком теле и самодостаточен (Ср. у Гвардини:

возможность существования «человека без личности, но с лицом»; у Флоренского: «лицо – предмет истории»)). (Грицанов 2003, с. 560).

Тело «выступает как пакетное понятие, центрирующее на себе ряд значимых ценностей постнеклассического философствования. Данная тенденция является следствием процесса утраты культурой как таковой центрации на Слово: в границах постмодернистской парадигмы опыта телесность реализует традиционные функции ментальности – применительно к процедуре осмысления опытного содержания, Т. приобретает статус «внутреннего», а ментальность – «внешнего» ракурса» (Грицанов 2003, с.1026).

Но наибольший интерес представляют термины, служащие для характеристики современности, того, как человек видит мир. Ключевыми понятиями становятся следующие лексемы и выражения.

Нонсенс – «понятие современной философии, содержание которого явилось результатом переосмысления традиционной фигуры отсутствия смысла в контексте постмодернистской «метафизики отсутствия»: <...> как отсутствие раз и навсегда заданного смысла есть условие возможности семантического движения как такового» (Грицанов 2003, с.702).

Хаос – «в современной культуре понятие, связанное с оформлением в неклассической европейской культуре парадигмальной матрицы исследования нелинейных процессов» (Грицанов 2003, с.1150).

Нулевая степень – «понятие философии постмодерна, означающее мнимую референциональность мифологического (Р.Барт), гиперреального или симулякра (Бодрийяр), а также лимитированность гиперинтерпретации (Эко); де-конструкт радикальной рефлексии развития культуры модерна, вскрывающий ее фундированность идеей присутствия, наличия» (Грицанов 2003, с.704).

Нелинейных динамик теория – «конституируемая в современной культуре теория, описывающая процессы, которые могут быть отнесены к нелинейным, т.е. таким, в процедурности которых реализует себя феномен версификации (ветвления) перспективных траекторий эволюции» (Грицанов 2003, с.672).

В сфере описания процессов привлекает внимание термин **трансгрессия** – «одно из ключевых понятий постмодернизма, фиксирующее феномен перехода непроходимой границы, и прежде всего – границы между возможным и невозможным: «трансгрессия – это жест, который обращен на предел» (Фуко), «преодоление непреодолимого предела» (Бланио)» (Грицанов 2003, с.1048).

В отдельную группу выделяются термины-символы или термины-метафоры.

Дерево – «фундаментальный культурный символ, репрезентирующий вертикальную модель мира, семантически фундированную идеей бинарных

оппозиций (как космологически, так и аксиологически артикулированных)» (Грицанов 2003, с.301).

Ландшафт – «термин географической и искусствоведческой традиции, используемый <...> в контексте конституирования философской парадигмы многомерности структур бытия и человеческого мышления» (Грицанов 2003, с.542).

Руины – постмодернистская метафора, употребляемая для фиксации специфичного для культуры постмодерна способа мироинтерпретации, основанного на отказе от идеи целостности, иерархичной структурности и гармоничной упорядоченности мира (Грицанов 2003, с.859).

Это результат процесса, названного постмодернистами **симуляцией** – «понятие постмодернистской философии, фиксирующее феномен тотальной семиотизации бытия вплоть до обретения знаковой сферой статуса единственной и самодостаточной реальности» (Грицанов 2003, с. 901).

Заметно, что мир в рефлексии человека стал лишенным табу, во многом телесным, лишенным души. С другой стороны, возвышается роль семиотичности, выделяется знаковая или абстрактная структура. В качественном плане окружающее воспринимается как нечто фрагментарное, нелинейное, различное и единое одновременно. Интересно ещё и то, что в «Новейший словарь философских терминов» вошли религиозные лексемы: откровение, Иисус Христос и ряд других – что подчеркивает исключительную толерантность направления, открытость и принятие всего, что имеет место в мире. Это и есть главная отличительная черта современной картины мира.

Алексеев П.В. Социальная философия / П.В. Алексеев. – М.: ООО «ТК Велби», 2003. – 256 с.

Грицанов А.А. Новейший философский словарь / А.А. Грицанов. – Мн.: Книжный Дом, 2003. – 1280 с.

Кравченко С.А. Социология: парадигмы через призму социологического воображения / С.А. Кравченко. – М.: Экзамен, 2002. – 315 с.

Кутырев В.А. Философия постмодернизма / В.А. Кутырев. – Нижний Новгород: Издательство Волго-Вятской академии государственной службы, 2006. – 95 с.

Философский энциклопедический словарь / гл ред. Л.Ф. Ильичев. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.

И.Н.Зубков

Группы пространственных метафор в академическом дискурсе

В данной статье приводятся результаты анализа научного дискурса как одного из подвидов институционального дискурса. Объектом послужили научные статьи. Предметом – метафорическая составляющая. Метафорологическая проблематика прочно вошла в структуру исследований основ научного языка. Становится общепризнанным мнение, что метафора является не только способом выражения значения, но имеет более глубокие связи с процессами человеческого познания. Представляется интересным рассмотреть с данной точки зрения язык научного общения.

В современной лингвистике существует множество трактовок понятия дискурс, а также различные подходы к его изучению. Значение данного термина прошло некоторую эволюцию. Если в середине XX века под дискурсом понимали последовательность предложений и речевых актов, то сегодня, например, В.И. Карасик трактует дискурс как «текст, погруженный в ситуацию общения», допускающий «множество измерений» и взаимодополняющих подходов в изучении, в том числе прагмалингвистический, психолингвистический, структурно-лингвистический, лингвокультурный, социолингвистический (Карасик 2000, с.5-6) и выделяет три основных подхода к исследованию дискурса: имманентно–лингвистический, социолингвистический и прагмалингвистический (Карасик 2002, с. 199).

В нашей работе рассматривается академический дискурс как подвид институционального дискурса, который в свою очередь может быть определен как культурно обусловленное речевое общение людей, играющих какие-либо роли в рамках институциональной системы, призванной обеспечить потребности общества. Научный дискурс занимает особое место в общей системе типов дискурса, так как здесь различия между сокращенной и фиксированной дистанциями общения не являются определяющими.

В. И. Карасик особо отмечает, что участниками институционального общения могут быть люди незнакомые друг с другом, но обязательным условием является соблюдение ими норм поведения в данном социуме. Ядром институционального дискурса является, по мнению данного автора, общение базовой пары участников коммуникации – учителя и ученика, врача и пациента, журналиста и читателя и т. д. Кроме того, институциональное общение имеет четко сформулированную цель и осуществляется в прототипном месте (храм, школа, стадион и т. д.) (Карасик 2002, с. 195).

Академический дискурс можно разделить на педагогический (дидактический) и научный. В настоящее время существует достаточно исследований по данному вопросу. В.И. Карасик, например, отмечает, что

данные два типа академического дискурса различны по многим параметрам – участники, цели, место, жанры, стратегии. Так, типичными участниками педагогического дискурса являются ученики, студенты и их преподаватели, предполагается некоторая иерархия, тогда как в научном дискурсе общение ведется между равноправными участниками – ядро дискурса составляет общение ученых между собой, а иерархически выстроенные акты коммуникации, например, между молодым исследователем и опытным наставником или между ученым и широкой аудиторией занимают периферию. Местом реализации научного дискурса являются лаборатория, кафедра, зал заседаний, а педагогического – класс, аудитория. Целью педагогического дискурса является социализация нового члена общества, научного – процесс получения нового знания. Все множество стратегий научного дискурса может быть сгруппировано в следующие классы: выполнение исследования, экспертиза исследования, внедрение исследования в практику. Стратегии педагогического дискурса сводятся к объясняющей, оценивающей, контролирующей, содействующей, организующей. Не совпадают и жанры педагогического и научного дискурсов: урок, лекция, семинар, экзамен, беседа и т. д. и научная статья, монография, диссертация, научные прения и др. (Карасик 2002, с. 209–221, 230–233).

Предметом нашего рассмотрения стал один из жанров научного дискурса – статья, посвященная проблемам лингвистики, целью – определение языковых особенностей научных статей. Так, в частности, нас интересовала лексическая наполненность и метафорическая составляющая произведений данного жанра. Было проанализировано около 50 статей, объединенных общей темой соотношения языка и мышления.

При детальном рассмотрении выяснилось, что основой метафорики, используемой в рассматриваемых публикациях является категория пространства. В результате анализа их семантики были выделены следующие группы метафор: **Верх-низ-объем; Ближе-дальше; Форма-Содержание; Ступенчатость; Границы; Линейность; Протяженность; Рядность; Цепь; Направленность; Единичность; Точка; Начало; Системность; Наличие структуры; Часть-целое.**

Кроме того, в текстах присутствуют стертые метафоры (*покров тайны, распутать механизмы*), которые в нашем случае не рассматривались. Отобранные контексты были семантически классифицированы. В итоге мы получили две группы пространственных метафор: 1) характеризующие объект исследования; 2) относящиеся к общенаучной аргументации. Говоря о второй группе, надо отметить, что найденные примеры не наполнены в целом общенаучной терминологией (*аргументация, базис, бинарность, оппозиция*), однако, проведя дистрибутивный анализ, их можно однозначно отнести к указанной группе. Примеры распределились в соотношении 4 к 1, таким образом, группа контекстов, характеризующих объект исследования, оказалась значительно более наполненной.

Проведенный затем количественный анализ внутри категорий показал, что преобладающее большинство примеров находится в группе **Верх-низ-объем**, что свидетельствует, на наш взгляд, о главенствующей роли данного вида пространственных представлений. Это так же подтверждает идею о том, что категория *верх-низ* является своего рода когнитивным примитивом, которые «предопределены генетически и не подвержены влиянию опыта и языка», а также «заданы направлением гравитации и прямохождением» (Касевич 2006, с. 176).

Карасик В.И. О типах дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. – Волгоград : Перемена, 2000. – С. 5–20.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И.Карасик – Волгоград: Перемена, 2002. 477с.

Касевич В. Б. Некоторые вопросы отражения в языке пространственных отношений. / Третья конференция по типологии и грамматике. Материалы. - СПб., 2006. - С. 174-177

Ф. А. Селигей

Русские писатели и языковеды XIX–XX вв. о научном жаргоне

Как отдельное направление коммуникативная лингвистика оформилась сравнительно недавно. Но это вовсе не означает, что прежде её проблематика была несущественной или неактуальной. Возьмем, к примеру, коммуникативные качества речи (ясность, точность, лаконизм, простота и т. д.). Ранее, когда они рассматривались исключительно в рамках стилистики и культуры речи, их порой не воспринимали как серьезный объект исследований, а сами наименования кое-кто вообще считал нетерминологическими. И только в контексте коммуникативной лингвистики изучение этих качеств получило новые импульсы, стало более системным и целенаправленным.

В чём состоит значение этих качеств? Их соблюдение делает письменную речь коммуникативно полноценной и эффективной. В противном же случае текст оказывается невыразительным, неудобочитаемым. Любопытно, что невнимание автора к коммуникативным качествам читатель обычно воспринимает острее, тогда как соблюдение их считает само собой разумеющимся.

Проиллюстрируем сказанное на примере того, как русские писатели и языковеды прошлого высказывались о научном жаргоне. Так мы называем искажённую форму научной речи, цель которой – придать

незначительным или неновым идеям видимость важности и новизны. Научному жаргону присущи многословие, злоупотребление терминами и заимствованиями, усложненный строй предложений и, как следствие, малопонятность.

На первый взгляд научный жаргон кажется чем-то случайным, несущественным и даже курьезным. Но это лишь потому, что его до сих пор серьезно не исследовали. Анализ источников убеждает, что стилистически дефектные научные тексты – не такое уж редкостное явление. Появилось оно не вчера и имеет глубокие исторические корни.

С XIX столетия на просторы Российской империи массово попадает немецкая философская литература, влияние которой начинают испытывать книжные стили русского языка. Последствия данного явления В. В. Виноградов описал так: «Наряду с этой тягой к загромождению литературного языка излишними заимствованиями, ... развивается манера искусственно-книжного, синтаксически запутанного изложения. Описательная, пышная фраза заслоняет простое название предмета, понятия. Термины отрываются от вещей. Паутина фраз облекает действительность» (Виноградов 1978, с. 60).

Как относятся к этому русские писатели? Может ли такой стиль служить образцом для развития литературного языка? Публицист и издатель Н. И. Греч упоминает «дикий, темный, непонятный и бессмысленный язык, который вторгается в нашу словесность под именем философского и состоит в мнимом подражании слогу философов немецких, не имеющего ни толка, ни смысла» (Греч 1840, с. 163). Его мнение разделяет поэт и критик П. А. Вяземский: «Влияние немецкого языка и немецкой фразеологии там, где оно у нас встречается, является вредным. Немцы любят бродить и отыскивать себе дорогу в тумане и в извилинах перепутанного лабиринта. Темная фраза для немца находка, головоломная гимнастика вообще немцу по нутру. Французы любят или любили ясный день и прямую, большую дорогу. Русской речи также нужны ясность и столбовая дорога» (Вяземский 1883, с. 488).

Русско-немецкий философский жаргон (термин В. В. Виноградова) высмеял Н. В. Гоголь во втором томе «Мертвых душ». Чичиков, осматривая библиотеку полковника Кошкарёва, натывается на книгу «Философия, в смысле науки». Рядом стоят шесть томищ «Предуготовительного вступления к теории мышления в их общности, совокупности, сущности и во применении к уразумению органических начал обоюдного раздвоения общественной производительности». И далее: «Что ни разворачивал Чичиков книгу, на всякой странице – *проявление, развитие, абстракт, замкнутость и сомкнутость*, и черт знает, чего там не было» (Гоголь 2004, 367). Сам этот полковник Кошкарёв, став помещиком, развалил хозяйство, обнищал, зато создал «идеальную» систему управления помещьем в виде присутственных мест, комиссий, подкомиссий и документооборота между ними.

Немало язвительных стрел в тяжеловесную книжную речь выпустил прозаик и востоковед И. И. Сенковский. Во времена формирования русского литературного языка он ратовал за легкий стиль с короткими фразами и критиковал громоздкое, с длинными периодами изложение.

Русский человек, считал И. И. Сенковский, «мыслит коротко, выражается сжато, пропускает все лишние слова, перепрыгивает через все маленькие заборы мысли и стремится прямо к цели» (Сенковский 1859, с. 212). Непринуждённая русская речь «любит изъясняться быстрыми, короткими предложениями и связывает их строгой логической последовательность мыслей, а не разнообразными союзами» (там же, с. 214). Вместо этого многие вытягивают тяжелые фразы «на огромные дистанции, куда глаз не достигает, мысль не залетает», склеивая их союзами «бог весть какого века» – *ибо, кой, а потому, а посему*. «Помощью этих негодных слов, – обращался И. И. Сенковский к любителям длинных фраз, – вы так изуродовали русский язык, что создали себе отдельный книжный диалект, ... ни оборотами, ни периодом, ни расположением слов, ни логикой, ни гармонией, ни цветом, ни движением – ничем не похожий на то, что мы видим в нашем природном русском языке» (там же, с. 209). Стремление вытягивать предложения «на полтора аршина длиннее идей, которые они выражают» И. И. Сенковский называл *долгодумством*. Привычку насыщать изложение тяжелыми и длинными фразами он приписывал мотиву «отчетности ради» и тоже усматривал здесь влияние немецкого периода, который «лежал камнем на груди нашего языка и не позволял ему двигаться свободно и тем менее иметь свою национальную походку» (там же, с. 216).

На протяжении XIX столетия, когда поток научных публикаций на русском языке всё более увеличивается, писатели охотно размышляют о «языковом лице» научного стиля. Признавая важную общественную роль науки, они вместе с тем ставят в упрек учёным стилистические небрежности, недостаток ясности и доступности.

Вот характерные мнения классиков. А. П. Чехов: «Наши гг. геологи, ихтиологи, зоологи и проч. ужасно необразованные люди. Пишут таким языком, что не только скучно читать, но даже временами приходится фразы переделывать, чтобы понять. Но зато важности и серьезности хоть отбавляй. В сущности, это свинство» (Чехов 1976, с. 27). Ф. М. Достоевский: «В наше время... в иных журналах вменяют даже себе в особую честь неясность, тяжелизну и кудреватость слога, вероятно, думая, что всё это способствует глубокомыслию» (Достоевский 1993, с. 62). Н. В. Гоголь: «Нельзя вообразить не испытавши, какое вредное влияние происходит от того, если слог профессора вял, сух и не имеет той живости, которая не дает мыслям ни на минуту рассыпаться. Тогда не спасет его самая учёность: его не будут слушать» (Гоголь 1952, с. 29).

Резкую критическую оценку тяжеловесности научного стиля давал Л. Н. Толстой. «Нам кажется, – писал он, – что наука только тогда наука,

когда человек... разводит на особенном научном жаргоне смутные, самому ему полупонятные теологические, философские, исторические, юридические, политико-экономические кружева условных фраз...» (Толстой, т. 30, с. 190). Он называет интеллигентов бессильными людьми, запутавшимися в своих неясных понятиях, выражаемых ещё более неясными словами: «И эти люди хотят просветить народ той пустой, напыщенной и громоздкой болтовней, которая называется у них наукой и просвещением» (Толстой, т. 38, с. 289). Из научных исследований, по мнению Л. Н. Толстого, всё более и более вытесняется человеческий язык. Взамен «воцаряется научный воляпюк, отличающийся от настоящего воляпюка только тем, что настоящий воляпюк общими словами называет существующие предметы и понятия, а научный несуществующими словами называет несуществующие понятия» (Толстой, т. 29, с. 319).

Научный жаргон Л. Н. Толстой пародирует в пьесе «Плоды просвещения», в которой профессор Кругосветлов тягучим тоном произносит лекцию:

Погружение некоторых личностей в гипнотическое состояние, отличающееся от обыкновенного сна только тем, что при погружении в этот сон деятельность физиологическая не только не понижается, но всегда повышается, как это мы сейчас видели, — оказалось, что погружение в это состояние какого бы то ни было субъекта неизменно влечет за собой некоторые пертурбации в духовном эфире — пертурбации, совершенно подобные тем, которые производит погружение твердого тела в жидкое. Пертурбации же эти и суть то, что мы называем медиумическими явлениями (Толстой, т. 27, с. 211).

Литераторы минувшего столетия с разными художественными целями стилизуют научный жаргон, пародируют свойственные ему штампы и корявости (см., напр., фельетон З. С. Паперного «К вопросу о золотой рыбке», повесть В. С. Шефнера «Человек с пятью “не”, или Исповедь простодушного» и др.). Как пример пародии приведем отрывок из телефильма А. С. и О. А. Лавровых «Без ножа и кастета» (1987). К начальнику ЖЭКа Мусницкому заходит его подчиненный Алтынов с ответами на жалобы жителей:

— Чего у тебя? — осведомляется Мусницкий, открывая директорскую дверь со своей фамилией на табличке.

— Ответы на жалобы. Куда только не пишут!

— Расхрабрились, — ворчит Мусницкий. — И время такое, что начхать нельзя. — Он просматривает поданные Алтыновым бумаги, подмахивает одну за другой.

— Вот здесь мне не нравится. Человек в высокую организацию обратился, а ты соглашаешься, что у окон на стенах лед. Надо заполитурить, чтоб глаза не резало.

– Если вместо льда так... – Алтынов со вкусом подбирает формулировку. – «В зимнее время периодически наблюдается повышение выпадения конденсата на оконных проемах».

– Уже годится. Повтори, внесу.

– «...Повышение выпадения конденсата на оконных проемах».

Мусницкий зачеркивает строку, вписывает замену... (Лавровы 1989, с. 232).

В 1960-х годах внимание общественности к коверканью русского языка заострила книга Корнея Чуковского «Живой как жизнь», в которой он окрестил бюрократический жаргон убийственным словом *канцелярит*. Речь, однако, шла и о стиле научной литературы: канцелярит «внедрялся... и в школьные учебники, и в критические статьи, и даже, как это ни странно, в диссертации, особенно по гуманитарным наукам» (Чуковский 1990, с. 589). Как можно, удивлялся автор, писать о литературных классиках, истинных мастерах слова суконными и косноязычными фразами вроде *линия отсутствия, фронт недопонимания, полоса застоя, показ Пушкиным, в силу слабости мировоззрения* и т. д. Корней Чуковский предполагал, что канцелярит расцвёл где-то в середине 1930-х годов, а к началу 1960-х уже начал приходить в упадок. Однако мы видели, что канцелярит в науке зародился намного раньше, а позже не только не захирел, а расцвёл ещё больше.

На первый взгляд, все эти резкие оценки кажутся субъективными. Ведь если научный текст непонятен писателю, это ещё не значит, что он непонятен другим, что он неправильный и ненужный. Но ведь оценки давали литературные классики – образованнейшие люди своего времени. Разве им откажешь в языковом вкусе, чутье к слову? Рациональное зерно в их размышлениях всё же имеется.

Критические оценки можно объяснить тем, что научный стиль на протяжении XIX века только формировался, его нормы ещё не устоялись и немало текстов того времени едва ли удовлетворяли требованиям коммуникативного совершенства (как мы понимаем его сегодня). Потому-то писательская критика в целом была полезна: она помогала учёным шлифовать свой слог, а лингвистам подсказывала ориентиры для нормирования научного стиля.

Хотя писатели и работают со словом, строго говоря, их нельзя назвать специалистами по языку. Таковыми являются лингвисты. Однако на научный жаргон они впервые обратили внимание довольно поздно – в 1950-х годах. С тех пор в их работах время от времени проскакивают критические нотки касательно не всегда высокого языкового и логического уровня научных текстов, «тарабарской» манеры изложения.

Вот, к примеру, позиция Р. А. Будагова: «Стиль некоторых наших учёных сочинений, ... иногда превращается в своеобразный научный жаргон, располагающий лишь предельно ограниченным набором синтаксических клише и столь же ограниченной лексикой» (Будагов 1976,

с. 92). В одной из своих семиотических работ А. Ф. Лосев специально предупреждает читателя, что он претендует на ясность и простоту изложения, «которыми наши лингвистические труды часто вовсе не отличаются» (Лосев 1982, с. 93–94). По мнению Н. А. Катагощиной, к научному жаргону приводит неумелое и неуместное употребление иностранных слов и терминов. Для языка научных работ и особенно кандидатских диссертаций он абсолютно недопустим (Катагощина 1981, с. 148). Ф. П. Филин объяснял активизацию заимствований психологическими причинами. Многие учёные, пишет он, считают: «чем иностранней и непонятней, тем якобы учёней и цивилизованней» (Филин 1975, с. 47). За темнотой языка удобно прятать пустоту содержания. Отсюда закономерная реакция: «Самим лингвистам... до смерти надоели языковедческие работы, крайне перенасыщенные иностранной лексикой» (там же). Относительно переизбытка заимствований Ф. М. Березин подметил парадоксальный факт: некоторые лингвистические теории изложены в такой терминологической «одежде», что теряется всякая связь с реально изучаемым языком – языком, который они призваны объяснить (Березин 1977, с. 18).

Если на «темноту» научного текста сетует неспециалист, можно допустить, что ему попросту не хватает фоновых знаний. Но непонятность, искусственную усложненность осуждают и сами специалисты, то есть целевая аудитория текста. «Многие филологи, – отмечает Р. А. Будагов, – усвоили странную манеру: писать сложно даже о простых явлениях и о простых фактах» (Будагов 1971, с. 106). Л. И. Скворцов сомневается, что такое усложнение естественно и что оно действительно служит углублению мысли (скорее – затемняет её) (Скворцов 1976, с. 18). Кроме того, что под научной терминологией маскируют от читателя банальность мыслей, автор зачастую и сам не очень хорошо понимает смысл употребленных им «мудрёных» слов (Горбачевич 1989, с. 47).

Научный жаргон иногда бичуют рецензенты. Вот почти курьезный случай, когда низкую культуру речи ставят в упрек автору работы о культуре речи: «Большим недостатком статьи И. И. Ковтуновой является её тяжелый, вычурно-учёный слог. Отдельные места просто нуждаются в переводе их на русский язык. Всё это, конечно, недопустимо в сборнике, посвященном культуре речи. Например: «Таким образом, предложения, которые являются синонимами в пределах нулевой модальности, теряют это свойство при попытке их перенесения в другой модальный план, что оказывается невозможным из-за того, что одночленное предложение целиком переходит в другой модальный план, а в двучленном – только его следственная часть» (Ефимов 1956, с. 120).

Однако прямая критика – скорее исключение. В рецензиях чаще упоминают не жаргон, а «отдельные языковые шероховатости». И это понятно, ведь чтобы со знанием дела прорецензировать научно-жаргонный текст, его надо понять. А он на понимание особо и не рассчитан. Как ни

странно, на научный жаргон чаще намекают ...в положительных рецензиях. Когда на сером фоне стилистически неуклюжих текстов вдруг появляется работа, написанная хорошей, ясной, изысканной речью, рецензенты не преминут специально отметить сей факт как большое достоинство. Например: «Можно соглашаться или не соглашаться с позицией автора по тому или иному вопросу, но сама формулировка проблемы и точка зрения, изложенная в книге,... всюду даны предельно четко, без модного в наши дни жонглирования мудрёной терминологией» (Откупщиков 1976, с. 167).

Чаше других с научным жаргоном приходится бороться «практическим языковедам» – литературным редакторам. Композиционные, языковые и стилистические изъёмы, писал Г. Д. Каплан, присутствуют почти в каждой рукописи отраслевой литературы; очень редко их бывает мало (Каплан 1961, с. 160). О рукописи одного научного сборника литредактор отозвался так: «Для кого писались эти статьи – неизвестно. Язык псевдонаучный какой-то. А за паутиной терминологии и длиннющих неясных фраз – пустота, даже намёка на мысль нет. О чем статья – тоже загадка: то ли методика, то ли опыт, то ли советы... Даже невозможно поверить, что так пишут люди с высшим гуманитарным образованием, со степенями» (Вьюкова 1986, с. 95).

С авторами текстов литредакторы обычно общаются напрямую, поэтому им несложно выявить психологическую подоплеку наукообразного стиля. Оказывается, авторы одевают простейшие истины в убранство мудрёных терминов и сложных синтаксических конструкций в целях псевдоучёности, чтобы создать впечатление глубокой научности (Павелкин 1962, с. 156). Это может быть попытка опытного автора «скрыть» бедность содержания, замаскировать общеизвестность положений и данных, или стремление новичка в науке писать «как следует, как другие пишут» (Шлюпер 1973, с. 69). Наконец, это и простая глухота к языку. Если писателям, отмечает Л. К. Чуковская, присуща жажда вслушиваться в язык, овладевать им, то авторы-учёные будто кичатся абсолютным равнодушием к стилю – к оттенкам смысла, к звучанию слова, к естественным интонациям. «Громоздкостью, неуклюжестью периодов они будто говорят: "Было бы научно, было бы правильно, а остальное приложится: ведь мы не беллетристы какие-нибудь"» (Чуковская 1963, с. 53).

Наш обзор критических высказываний и оценок, конечно же, не исчерпывающий. Но он убеждает, что проблема научного жаргона остается актуальной уже не одно столетие.

Нельзя сказать, что научный стиль изучен мало. Однако большинство языковедов изучают его скорее в терминологическом, чем в коммуникативном аспекте. Вообще, прежние исследования научных текстов не имели критического характера. Создается впечатление, что ранее эта тема в стилистике русского языка была если не закрытой, то по

крайней мере какой-то «несолидной» или «не рекомендованной». За нежеланием изучать научную речь с критической точки зрения чувствовалось стремление не выносить сор из избы. Следует отметить, что на сегодня вопрос о научном жаргоне уже поставлен и частично исследован на материале других языков – польского (Gajda 1990), французского (Étiemble 1996), украинского (Селігей 2003). Думается, настало время взяться за изучение этой назревшей проблемы и на материале русского языка.

Березин Ф. М. Советскому языкознанию – 60 лет // *Вопр. языкознания*. – 1977. – № 5. – С. 13–26.

Будагов Р. А. Рец. [на книгу «Ленинизм и теоретические вопросы языкознания». – М.: Наука, 1970. – 383 с.] // *Вопр. языкознания*. – 1971. – № 4. – С. 104–108.

Будагов Р. А. Человек и его язык. – 2-е изд. – М.: Изд-во МГУ, 1976. – 429 с.

Виноградов В. В. Избранные труды: История русского литературного языка. – М.: Наука, 1978. – 320 с.

Вьюкова Т. Б. Восемьдесят пять радостей и огорчений: Размышления редактора. – 2-е изд., доп. – М.: Книга, 1986. – 232 с.

Вяземский П. А. Полное собр. сочинений: В 12 т. – Т. 8. – СПб: Изд. Графа С. Д. Шереметьева, 1883. – 526 с.

Гоголь Н. В. Мертвые души; Выбранные места из переписки с друзьями. – М.: Олма-пресс образование, 2004. – 828 с.

Гоголь Н. В. О преподавании всеобщей истории // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: В 14 т. – Т. 8. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 26–39.

Горбачевич К. С. Нормы современного русского литературного языка. – 3-е изд., испр. – М.: Просвещение, 1989. – 208 с.

Греч Н. Чтения о русском языке: В 2 ч. – Ч. 1. – СПб, 1840. – 336 с.

Достоевский Ф. М. II. Г-н –бов и вопрос об искусстве // Ф. М. Достоевский. Собрание сочинений: В 15-ти тт. – Т. 11. – СПб: Наука, 1993. – С. 47–87.

Ефимов А. И. [Рец. на кн.:] Вопросы культуры речи: Сб. статей. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 240 с. // *Вопр. языкознания*. – 1956. – № 1. – С. 116–127.

Каплан Г. Д. Редактирование отраслевой литературы: Из опыта работы. – М.: Искусство, 1961. – 208 с.

Катагощина Н. А. О языке лингвистических диссертаций // *Вопр. языкознания*. – 1981. – № 6. – С. 147–149.

Лавровы О. А. и А. С. Следствие ведут Знаатоки: Сценарии телевиз. фильмов. – Вып. 4. – М.: Искусство, 1989 – 272 с.

Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф: Труды по языкознанию. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – 480 с.

Откупщиков Ю. В. [Рец. на кн.:] Савченко А. И. Сравнительная грамматика индоевропейских языков. – М.: Высш. школа, 1974. – 410 с. // Вопросы языкознания. – 1976. – № 5. – С. 167–171.

Павелкин П. Работа редактора над рукописью общественно-политической книги // Редактор и книга: Сб. статей. – Вып. 3. – М.: Искусство, 1962. – С. 136–203.

Селігей П. О. Науковий жаргон: Основні ознаки та причини появи. – К., 2003. – 56 с.

Сенковский О. И. Собрание сочинений: В 9 т. – Т. 8. – СПб: Типография В. Безобразова и К°, 1859. – 630 с.

Скворцов Л. И. Сокровищница языковой культуры // Рус. речь. – 1976. – № 4. – С. 13–22.

Толстой Л. Н. Полное собр. сочинений: В 90 т. – М.–Л.: ГИХЛ, 1928–1958.

Филин Ф. П. Некоторые проблемы функционирования и развития русского языка // Вопр. языкознания. – 1975. – № 3. – С. 40–49.

Чехов А. П. Полное собр. сочинений и писем: В 30 т. – Письма: В 12 т. – Т. 4. – М.: Наука, 1976. – 656 с.

Чуковская Л. К. В лаборатории редактора. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Искусство, 1963. – С. 352.

Чуковский Корней. Живой как жизнь // Корней Чуковский. Сочинения: В 2 т. – М.: Правда, 1990. – Т. 1. – С. 467–651.

Шлюпер Е. В. Редактор и проблема авторской индивидуальности в «нехудожественной» книге // Книга. Исследования и материалы: Сб. – Вып. XXVII. – М.: Книга, 1973. – С. 66–73.

Étiemble P. Au secours, Athéna! Le jargon des sciences. – P.: Hermann, 1996. – 130 p.

Gajda St. Współczesna polszczyzna naukowa – język czy żargon? – Opole: Instytut Śląski, 1990. – 137 s.

Языковые единицы в дискурсивном пространстве

Н.М.Вахтель

Разговорный дискурс и синтаксическая норма

Разговорный синтаксис – это особая система, отличная от системы кодифицированного литературного языка. В нем допускаются нарушения норм, но в определенных пределах. Синтаксис устной речи реализуется в диалогах при непосредственном общении двух и более людей.

Сиюминутная устная речь обладает своими особенностями. На живое речепроизводство оказывает влияние несколько конфликтующих сил. С одной стороны, говорящий стремится высказать свою мысль как можно короче; с другой, он должен использовать для этого адекватное языковое оформление. Всё это происходит симультанно, что обуславливает специфический характер речевого выражения, который проявляется прежде всего на синтаксическом уровне.

Разговорный синтаксис является отражением обыденного сознания. В повседневной жизни человек стихийно осознает свой опыт. Этот стихийный способ осознания своего опыта, видимо, и есть обыденное сознание. Оно пронизывает все сферы человеческих отношений. Хотя обыденное сознание представляет собой низший и первичный уровень сознания, тем не менее нельзя уменьшать его значения и важности для разговорного синтаксиса, который, передавая ассоциативное мышление этого уровня, развивает конструкции высказываний свободно, не опираясь на законы. Система языка как идеальный объект имеет законы изменения, развития и т.д. Однако, являясь объектом деятельности, язык перестает подчиняться законам. Человек в условиях неподготовленной разговорной речи конструирует свое высказывание в соответствии с ситуацией, социальным статусом, отношением к адресату, с той роли, которую он исполняет, и цели, которую он преследует. Синтаксическая конструкция в этом случае творима. Достаточно вспомнить хрестоматийные примеры синтаксических построений в русской разговорной речи: *Носки я рада / что купила. Не пойду никуда / дождь потому что.* Нарушение порядка слов продиктовано перенесением акцентов в сообщениях, что является оправданным в устной форме существования языка.

Обыденное житейское сознание считается исторически первичной формой мировоззрения. Его целостность достигается за счет (как уже было указано) ассоциативного мышления и произвольной связи знаний о разных сферах бытия, путем случайного (неупорядоченного) смешения результатов мироощущения и результатов миропонимания в единое целое. Главными особенностями обыденного сознания, по мнению Е.В. Улыбиной, являются фрагментарность, эклектичность и бессистемность (Улыбина 200). Сущность обыденного сознания – в восприятии и констатации элементарных фактов в окружающем человека мире. Такое сознание складывается под влиянием жизненных обстоятельств и обеспечивает человеку элементарную ориентацию в мире, цель которой – обеспечить комфорт и спокойствие существования.

На основе обыденного сознания язык отражает ситуацию, объясняет ее, оценивает субъекта и его действия, восстанавливает субъектно-объектные, каузальные и причинно-следственные отношения, чего мы не наблюдаем в случае научного сознания и его языкового воплощения. В связи с этим интересен пример перевода высказывания, сконструированного человеком, руководствующимся практическим обыденным сознанием, на

высказывание, сконструированное человеком, руководствующимся научным сознанием, приведенный Г.П. Щедровицким. Так, фраза «*На столе лежал мел, потом человек взял его и бросил, мел летит, потому что он его бросил*». Научное сознание выражает эту ситуацию иначе: «*Мел летит не потому, что человек его бросил, а по законам природы, поскольку есть закон инерции, закон притяжения и закон сопротивления среды. И поэтому вся кривая его полета определяется сложением трех законов, кроме того, мел не лежал на столе, а летел с постоянной скоростью*» (Щедровицкий 2010). Мы видим, что в обыденном сознании объект берется не как объект созерцания и описания, а как предмет человеческой чувственно-практической деятельности.

Известно, что обыденное сознание обладает парадоксальной природой, поскольку оно содержит различного рода искажения, неточности, противоречия, однако при этом оно обеспечивает человеку эффективное общение и успешное достижение коммуникативных целей. Это позволяет говорить о значительной прагматичности обыденного сознания.

«*Утонешь – домой не приходи!*» Абсурдность этой шуточной фразы хорошо иллюстрирует влияние обыденного сознания на язык. В этом случае роль языка заключается во внутренней организации того, что подлежит сообщению. Высказывание представляет собой речевой акт угрозы, которая заключена в нормативную синтаксическую форму. Лексическое наполнение этой формы неважно для говорящего. Иллокутивная цель сообщения в такой синтаксической форме (если + негативное действие с точки зрения говорящего, то + негативное действие с точки зрения адресата) моментально фиксируется слушающим, что приводит к пониманию сообщения, хотя и абсурдного по содержанию.

В.В. Налимов писал, что человек обладает способностью строить язык, в котором можно выразить любой смысл, не имея представления о том, что означает каждое слово, как оно образовано, так же, как люди говорят, не зная, как образованы отдельные звуки (Налимов 1979). Рассуждение ученого напоминает мысль другого знаменитого лингвиста, Л.В. Щербы, который считал, что «язык наш часто помогает нам не думать; мало того, он зачастую тиранически мешает нам думать, ибо незаметно подсовывает нам понятия, не соответствующие действительности» (Щерба 1974). Автор имел в виду языковое клише типа *человек труда, акулы пера*, специфика которых заключается в том, что с точки зрения семантической структуры «имя + приименной родительный падеж» уничтожаются условия дистанции между знаком и референтом. Такая сжатость форм клише тоже результат работы обыденного сознания.

Если широко понимать сознание, то его можно отождествить с внутренним миром человека, с его субъективностью. Язык – одна из составляющей нашей субъективности. В узком смысле сознание есть простая регистрация реальности, находящейся вне человека. Цель этой регистрации состоит в приспособлении к окружающей человека

реальности, что обусловлено сиюминутной потребностью. Язык и дает человеку возможность приспособиться к действительности.

Существенно, что Л. Витгенштейн под сознанием понимал логику и отождествлял ее с синтаксисом. С точки зрения обыденного сознания, да и здравого смысла, у каждого своя логика, которая проявляется в синтаксисе спонтанной живой русской речи. Когда человек говорит, он имеет дело с ситуацией, основное, что его интересует – это: что мне здесь сейчас необходимо сделать. В сознании происходит акт преобразовательной деятельности, заключающийся в процессе выражения наших представлений в продуцируемых текстах речи, который чрезвычайно сложен. Этот текст кто-то должен понять, то есть приспособить его к своему действию в ситуации, либо построить новое действие в соответствии с полученным (услышанным) текстом. Если от текста сообщения мы можем перейти к ситуации, значит, мы поняли его.

Как нельзя лучше влияние обыденного сознания на синтаксические конструкции разговорной речи демонстрируют следующие примеры: *Говорим и показываем о том, что...* (телеканал НТВ). *Вы такой же гражданин, которые сидят здесь* (А. Малахов). *Он начал на меня орать то, что я сплю с его сыном* (телеканал «Домашний»).

Все приведенные примеры должны быть отнесены к грубым синтаксическим нарушениям. Вполне грамотные люди, сами того не желая, делают ошибки, говоря на родном языке. Сомнительно, что они не знают правил построения грамматически правильного и стилистически адекватного высказывания.

В одном из интервью героиня произнесла следующую фразу: *Я стану такой, которой я была, с которой я привычна* (Первый канал ТВ, программа «Пусть говорят»). Попробуем перевести эту фразу, соблюдая синтаксические правила. Получим: *«Я стану такой, какой я была, какой я привыкла быть»*. Ошибочное высказывание представляет собой формулировку собственной идентичности как субъекта, нечеткое обозначение границ своего «Я», что может быть оправдано с психологической точки зрения и с точки зрения обыденного сознания.

Другой пример: *Наша мама стала изучать нас русскому языку* (из разг. речи). В этом случае неверно передана каузальность в структуре «кто что кому делает».

Абсолютно неправильно построена следующая фраза, произнесенная Н. Бабиной (в качестве соведущей программы «Модный приговор»): *Которые комплексы в тебе есть, ты перетащила из взаимодействия с прошлым браком* (Первый канал ТВ 13.07.2012).

Ни у кого именно на уровне обыденного сознания не возникает вопросов, все всё поняли, фразу не вырезали из передачи, просто не обратили внимания.

В последнее время участились случаи ошибочного построения высказываний, начинающихся с деепричастного оборота. У А.П. Чехова в

«Записных книжках» приведен пример такой ошибки: *Подъезжая к станции, у меня слетела шляпа*. Антону Павловичу не могла придти в голову мысль о том, что когда-нибудь публичные люди таким образом будут выстраивать подобные синтаксические конструкции. Нельзя предположить, что они не знают, что, выстраивая синтаксическую конструкцию с деепричастным оборотом, необходимо учитывать, что действие, о котором идет речь в деепричастном обороте, является добавочным по отношению к основному действию (не случайно деепричастие называют второстепенным сказуемым), которое выражается сказуемым. Основное и добавочное действия должны выполняться одним и тем же лицом. Это правило нарушено в следующих примерах: *Проснувшись завтра, за окном уже будет сентябрь* (А. Малахов). *Посулив Сурову 50 тысяч, договоренность была достигнута* (А. Николаев). *Слушая все эти истории, во мне взыграло мужское самолюбие* (В. Комиссаров).

Видимо, в силу ограниченности эфирного времени краткость и нормативность приходят в противоречие. Однако сказанное не может служить оправданием таких ошибок.

Подобные наблюдения свидетельствуют о том, что обыденное сознание является основой мышления, а устная речь основой общения людей. Устный дискурс развивается и, внедряясь в письменную речь, постепенно размывает ее нормы.

Проанализированные материалы свидетельствуют также о том, что строгой границы между синтаксисом обыденного языкового сознания и синтаксисом нормированного литературного текста не существует. Нормы литературного языка требуют длительного, напряженного и целенаправленного освоения. При отсутствии квалифицированного редактора газетные тексты и публичные выступления в СМИ содержат множество вкраплений синтаксиса обыденного языкового сознания в синтаксис нормированного литературного языка. Некоторые из этих вкраплений со временем могут стать литературной нормой, но многие из них составляют так называемую «зону рисков», которая снижает эффективность воздействия текста на читателя или слушателя.

Налимов В.В. Семантика обыденного языка / В.В. Налимов. – М., 1979.

Улыбина Е.В. Психология обыденного сознания / Е.В. Улыбина. – М.: Смысл, 2001. – 263 с.

Щедровицкий Г.П. Языковое мышление и методы его анализа / Г.П. Щедровицкий. – М.: ННФ «Институт развития им. Г.П. Щедровицкого, 2010.

Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Л.В. Щерба. – Л.: Наука, 1974. – 428 с.

Динамика орфоэпической нормы

Одно из важнейших качеств хорошей речи – правильность, то есть соответствие её языковым нормам. В наше время много информации человек узнаёт из радио и телевидения, где используется устная речь. Именно поэтому очень актуальными являются орфоэпические нормы, которые реализуются именно в устной речи. Орфоэпические ошибки всегда мешают воспринимать содержание речи: внимание слушающего отвлекается различными погрешностями произношения. Правильное произношение облегчает и ускоряет процесс общения. Кроме того, соблюдение орфоэпических норм – один из показателей владения культурой русской речи.

Языковые нормы – явление историческое. Изменение литературных норм обусловлено постоянным развитием языка. Источники изменения норм литературного языка различны: разговорная речь, местные говоры, просторечие, профессиональные жаргоны, другие языки. Но нельзя забывать и о причинах внутреннего характера. К ним относятся влияние формальной аналогии и в то же время противоборство между разнонаправленными устремлениями языка: ассоциации по смежности (стремление ударения сохранить словообразовательную зависимость, например: старое *вИхриться* от *вихрь*) и по сходству (стремление ударения уподобляться более общему структурно однотипному разряду слов, например: *вихрИться* по аналогии с *кружИться*, *носИться* и др.). Важно при этом учитывать, что победителями в таком соперничестве всё чаще выходят формы, следующие за прогрессивными ассоциациями по сходству, которые постепенно преодолевают консервативные по своей природе словообразовательные связи.

Изменению норм предшествует появление их вариантов, которые реально существуют в языке на определённом этапе развития, активно используются его носителями. Историческая смена норм литературного языка – закономерное объективное явление. Оно не зависит от воли и желания отдельных носителей языка. По свидетельству учёных, процесс изменения языковых норм особенно активизировался в последние десятилетия. Нормы отражают закономерные процессы, происходящие в языке, и поддерживаются языковой практикой. В каждом обществе предпринимаются попытки определить и зафиксировать языковые нормы в виде совокупности правил выбора и употребления всех средств языка.

Языковые нормы с течением времени могут подвергаться изменениям, что является причиной вариантности норм. Последняя ориентируется не на неизблемость и всеобщность, а скорее на коммуникативную

целесообразность. Поэтому норма сегодня – это часто не столько запрет на что-то, сколько возможность выбора. Варианты норм отражаются в словарях. Некоторые варианты слов даются с соответствующими пометами («разг.», «доп.», «непр.» и др.). Благодаря пометам, можно проследить судьбу тех или иных вариантов. Так, произношение слова *нарошный* как *нарошнй* является устаревшим. Норма – *нарошный*.

Произносительные нормы по тем или иным причинам могут начать «расшатываться»: возникают колебания произносительных норм, которые в случае приобретения ими массового характера приводят к возникновению вариантов литературной нормы, а затем – к возникновению и укреплению новой произносительной нормы.

Процесс выработки произносительных норм русского языка был длительным. Впервые произносительные нормы русского языка зафиксировал М.В. Ломоносов. Неоценимый вклад в теорию русской орфоэпии внёс Р.И. Аванесов: ему принадлежит авторитетное руководство по современной русской орфоэпии – книга «Русское литературное произношение».

Однако и в наши дни не ослабевает интерес к языковым нормам: в 2009 г. увидел свет «Орфоэпический словарь русского языка» И.Л. Резниченко. «Основными задачами словаря служат отражение норм современного русского языка, реализующихся в устной речи, а также предупреждение типичных речевых ошибок», – указывает автор.

Словно двуликий Янус, норма обращена и к языковому прошлому, озарённому доброй культурной традицией, и к настоящему, которое поддерживается полезными свойствами новообразований и продуктивными тенденциями литературного языка.

Классифицируя и систематизируя материал орфоэпических словарей Рубена Ивановича Аванесова и Ирины Леонидовны Резниченко, мы проследили динамику орфоэпической нормы с 1960-х по 2000-е годы.

В ходе исследования мы пришли к следующим практическим выводам.

1. Оценка нормативности произносительных вариантов в настоящее время идёт по пути ослабления. Тенденция «расшатывания» акцентологической нормы очень прогрессивна, о чём говорят многочисленные подгруппы (например, слова с пометой «доп.» в словаре Р.И. Аванесова, встречающиеся в словаре И.Л. Резниченко как равноправные варианты (Ср.: *высокО* и *доп. высОко* – *высокО* и *высОко*); слова с пометой «непр.» в словаре 1959 г., рассматриваемые как равноправные варианты в словаре 2009 г. (Ср.: *довинтИшь*, *непр. довИнтишь* – *довинтИшь* и *довИнтишь*) и др.) Всего 11 подгрупп, которые были выделены нами с помощью градуированной системы помет словарей. Обратим внимание на такую тенденцию: перемещение ударения к концу слова в профессиональной речи специалистов той или иной области (*ветеринарИя* вм. *ветеринАрия*).

2. Отмечается пассивность тенденции к ужесточению нормы. Об этом свидетельствует немногочисленный состав выявленной группы и всего лишь три способа реализации данной тенденции в словаре: слова с пометами «не рек.», «доп. устар.», с двумя пометами «непр.» в словаре Р.И.Аванесова, перешедшие соответственно без помет (имеют только один вариант произношения), с пометой «устар.», одной пометой «непр.» в словарь И.Л.Резниченко.

3. Обращает на себя внимание многочисленный состав третьей группы (слова, не изменившие своей нормы), на основании чего можно сказать, что язык – весьма устойчивая система, по образному выражению одного из лингвистов, «язык, меняясь, остаётся собой».

4. Проявляется и другая особенность языка: это живая, развивающаяся система, поскольку четвёртая группа даёт нам новые слова. Вообще, состав словаря отражает действительность, особенности данной эпохи, то есть нет реалии – нет слова.

5. Анализ динамики произношения согласных показывает, что в настоящее время наблюдается более жёсткое определение обязательных реализаций произношения. Об этом свидетельствуют группы слов, имевших те или иные пометы в словаре Аванесова Р.И., но встречающиеся без помет в словаре Резниченко И.Л., и группа слов, варьирование помет которой не изменилось, то есть имеющая «стабильную кодификацию». Слова данных групп включают сочетания следующих звуков: преимущественно переднеязычного зубно-зубного с переднеязычным зубно-язычным (христианин, разделённый), с зубно-язычным носовым (оползневый, лосниться), с губно-зубным (свить, произведённый), с губно-губным (распитый, заспишь).

Однако стоит сказать, что выделяется и группа единиц, допускающая варьирование помет. В ней представлены слова с разнообразными звуковыми сочетаниями: согласный с гласным переднего ряда среднего подъёма (медикаменты, анапест, дефис), сочетания *ств* (о мытарстве, о бондарстве, об обществе), сочетание переднеязычного зубно-язычного с губно-зубным (медведь, дверь, недвижимый). Данная группа предоставляет материал для дальнейшего развития языка.

Обращают на себя внимание выделенные в четвёртой группе слова, имеющие в одном словаре пометы, не включённые в другой словарь. Они содержат звуковые сочетания переднеязычного зубно-зубного с переднеязычным зубно-язычным (сплочённость, кичливость, издёвочный), переднеязычного зубно-зубного с губно-зубным (сведение, связной), переднеязычного зубно-зубного с передненёбным боковым (послеродовой, различить), переднеязычного зубно-зубного с губно-губным (недоспишь, заспишь), переднеязычного зубно-зубного с губно-губным носовым (разметённый, сметливость), переднеязычного зубно-зубного с зубно-язычным носовым (казниться).

В этой же группе представлены слова с сочетанием согласного и гласного переднего ряда среднего подъёма (турбокомпрессор, грейфер).

Заметим, что противоречивость в оценке вариантных форм объясняется двумя причинами: 1) объективно процесс становления нормы ещё не завершился; 2) не исключается и доля субъективности в оценке форм, разного отношения к узусу и использованию возможностей языка.

Для выявления активно действующих тенденций, видимо, необходимо проследить и сопоставить употребление разных форм в разных языковых сферах: в кодифицированном литературном языке, в профессиональной речи, в речи разговорной. Процентное соотношение употребления вариантов в разных сферах языка может помочь более объективно оценить путь следования форм к литературной норме.

Проведённое исследование показывает необходимость дальнейшего внимательного изучения динамики орфоэпической нормы с привлечением современных методик исследования, с применением социолингвистических характеристик владения орфоэпической нормой различных слоёв населения, дифференциации по возрастным и половым критериям.

Итак, объективный, динамический и противоречивый характер орфоэпической нормы русского литературного языка диктует необходимость сознательного и осторожного подхода к оценке спорных фактов современной речи. Нормализаторский радикализм, как свидетельствует история языкознания, был отнюдь не лучшим оружием языковой политики. Современный этап научной разработки русского литературного языка предполагает необходимость компетентных и профессиональных решений.

Лу Бо

Дискурсивные характеристики словосочетания «Ну так вот» в русском языке

Сочетание «Ну так вот» таит в себе много лингвистических загадок. Во-первых, две образующих его единицы характеризуются частеречной омонимией: в разговорном дискурсе слово «ну» может выступать в роли частицы, междометия или союза, слово «так» — в роли наречия, союза и частицы. Во-вторых, это сочетание передаёт массу коммуникативных намерений (интенций), в которых отражаются социокультурные,

прагматические, психологические и другие факторы, определяющие характер речевой ситуации.

Цель данной статьи – рассмотреть фактический языковой материал, включающий сочетания «Ну так вот», на предмет выявления выполняемых им в дискурсе коммуникативно-прагматических функций. Источником наблюдений послужили: услышанная автором спонтанная речь носителей языка, сборник «Тексты русской разговорной речи» (1978) и Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru).

Следует отметить, что анализируемое сочетание не зафиксировано ни в одном из фразеологических словарей, ни в Словаре сочетаний, эквивалентных слову (Рогожникова 1983), ни в Словаре эмоционально-экспрессивных оборотов живой речи (Меликян 2001). Между тем наши наблюдения показывают, что сочетание «Ну так вот» проникает и в письменную речь, где выполняет определённые коммуникативно-прагматические функции.

Небезынтересным является тот факт, что в Интернет есть специальный сайт с названием «Ну, так вот...», где собраны фотографии, рисунки, анекдоты и т.п. Это единственный случай, когда в данном выражении после «ну» стоит запятая, а само оно предваряет собой любую информацию, то есть выполняет текстовую функцию аналогично существовавшей ранее рубрике «Знаете ли вы...».

В работе А.Мирович высказана негативная позиция в отношении использования подобного рода сочетаний: «...нередко можно заметить случаи злоупотребления ими. Порой получается впечатление, что они используются говорящим, когда он, обдумывая своё высказывание или подбирая для него соответствующую форму, встречает известные затруднения и старается попросту выиграть время. В этом случае ему на помощь приходят именно такие слова, которые лишены конкретного значения. Такое положение вещей бывает вызвано разными бессодержательными вступлениями, вроде *ну так вот значит, ну так вот например, ну так вот* и т.п. < > Просвечивающие затёртые этимологические значения ничего не дают для характеристики их функции. Так, например, частицы «вот», «это», «так», «действительно», «как-то» ассоциируются со значением указательности, но в этом нет ничего для них существенного» (Мирович 1062, с.110).

Описанию употребления частицы «вот» была посвящена статья Л.М.Чистяковой (1951). Внимание автора сосредоточено на отдельных конструкциях. В статье нет попытки выяснить условия функционирования изучаемой частицы. Н.Ю.Шведова, оценивая указанную статью, писала: «...нередко приписывание частице (вот) таких значений, которых у неё нет» (Шведова 2003, с.115). Кроме того, она отмечала следующее: «Очень разветвлённым является круг построений, конструируемых с участием частицы «вот». Эта частица сохраняет живую и непосредственную связь с наречием в двух его основных значениях: собственно указательном и

временном. Только при утрате этих значений мы можем говорить о переходе слова «вот» в частицу, которая участвует в формировании предложений со значениями: 1) акцентирования; 2) усиления; 3) оценки; 4) отрицательного, иронического отношений (Там же).

В рамках рассматриваемого материала сочетание «Ну так вот» не формирует предложение, а является самостоятельным устойчивым непредикативным и неноминативным образованием, выполняющим специфические функции. Анализ примеров показал, что наиболее часто сочетание «Ну так вот» маркирует переход от одной темы к другой. Вот ряд примеров.

Ну так вот – узнав о позорном, грязном, трусливом и, увы, очередном убийстве чернокожего студента в Питере, я готова согласиться с НАЦИ (Комсомольская правда, 2006. 04.08).

Ну так вот, в тот самый день, когда Корольчук забавлялась с собачкой, зрительская аудитория «Большого Брата» составила 5,4 млн. человек, рекордное число за последние месяцы (Труд-7, 2005.08.11).

Ну так вот, день был выходной, пусто (Комсомольская правда, 2002.06.05).

«Ну так вот, её убили вместе с подружкой сегодня утром на пляже», – вспоминает Карауловский (Комсомольская правда, 2007.03.17).

Когда картину принимали в Госкино, то один из чиновников, желая поддержать Василия Макаровича, похвалил его за то, что он «смог мастерски использовать природный недостаток артиста – его заикание», *ну так вот*, в дальнейшем Шукшин предлагал Куравлёву роли практически во всех своих картинах (Труд-7, 2006.10.07).

Ну так вот, один из предложенных вариантов был – продемонстрировать в камеру футболку с российской символикой (Советский спорт, 2011.02.14).

Учу. *Ну так вот*. Под методологией, кроме привычного понимания философско-гносеологического познания, подразумевается также совокупность приёмов исследования... (О.Н.Трубачёв. Беседы о методологии научного труда).

Ну так вот, слушайте беседы о походе в Крым (Русская разговорная речь).

Ну так вот. С этим гренадером я жить не буду (к/ф «Сдаётся квартира с ребёнком»).

Ну так вот, схлопотали ему пять лет по пьяному делу (к/ф «Девять дней одного года»).

«Наш президент предложил свою помощь в поимке международных террористов, – заявил эмиссар Масхадова Закаев, – если будут представлены доказательства наличия таковых в Чечне». *Ну так вот*. Конкретные доказательства представлены. Теперь от Масхадова ждут не пустых слов, а дела (Труд-7, 2002.01.23).

В следующем примере сочетание «Ну так вот» оформляет вывод из предшествующего высказывания при возвращении к прежней теме или ситуации.

Мать идёт. Давай заниматься. Ну так вот, братец ты мой, – возвышает он голос, – эту дробь надо помножить на эту (А.Чехов. Накануне поста).

Функция оформления вывода из предыдущего контекста наблюдается и в поэтическом тексте:

Я её позабыл.

Ну так вот. *Я скажу: хоть и кажется мне,*

Что нарушена переправа,

Не хочу ещё раз я проплыть по реке Тишине

В снежных сумерках, в ночь ледостава (Л. Мартынов. Река Тишина).

Сочетание «Ну так вот» может выражать переход от сказанного ранее к тому, что из этого следует, что будет дальше. В этом случае оно синонимично единицам «итак», «таким образом», и не случайно после него ставится двоеточие.

Хотите расскажу? Это коротко. Ну так вот: время действия – осень 1905 года, место – южный берег Крыма... (А. Куприн. Гусеница).

Кроме того, сочетание «Ну так вот» используется для возврата к прежней, основной теме беседы или рассказа:

Вчера звонила Полина Мироновна, ты её должен помнить, её муж делал тебе коронки, когда приезжал на развод... Она историю в нашей школе преподаёт. Ну так вот, оказывается, дети теперь выходят к доске и молчат. Полина Мироновна говорит: вопрос такой – СССР накануне второй мировой войны. А ученик: вы спросите, а я отвечу «да» или «нет». Полина: нет, ты, пожалуйста, порассуждай, я хочу услышать, как ты думаешь. А мальчик: чего тут думать? Вы спросите, мои проблемы только «да» или «нет» (М.Вишневецкая. Пусть будут все).

Проведённый анализ показал, что сочетание «Ну так вот» в современном русском языке не является бессодержательным, а выполняет в дискурсе разнообразные функции:

- 1) маркирует переход от одной темы к другой;
- 2) предваряет новый блок информации;
- 3) оформляет вывод из предшествующего высказывания или контекста в целом;
- 4) позволяет говорящему и пишущему вернуться к прежней прерванной теме или коммуникативной ситуации.

Рогожникова Р.П. Словарь сочетаний, эквивалентных слову. – М.: Изд-во «русский язык», 1983. – 143 с.

Русская разговорная речь. Тексты. – М.: Изд-во «Наука», 1978. – 305 с.

Чистякова Л.М. К методике стилистического анализа частиц / Л.М.Чистякова // Русский язык в школе, 1951. – №5. – С.27 – 31.

Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису разговорной речи. – М.: Азбуковник, 2003. – 378 с.

Содержание

От редколлегии с.3

Вопросы теории

Большова А.Ю. (Краснодар) Трансформация субъектного подхода в научном осмыслении интерпретации с.4

Попова З.Д. (Воронеж) Принципы и категории инвентаризации структурных схем простого предложения с.11

Проблемы изучения художественного текста

Арязмова О.В. (Воронеж) Психические механизмы обыденного языкового сознания в романе Д. Данилова «Горизонтальное положение»	с.20
Бабушкин А.П. (Воронеж) «Тот самый Мюнхгаузен» в границах «возможных миров»	с.27
Владимирова М.В. (Воронеж) Освоение «неразрешимого вопроса» как особенность смыслового движения в поэтике художественного текста	с.31
Диденко В.В. (Воронеж) Особенности мифонимов и их перевода на русский язык в «Сказке про водяных» Карела Чапека	с.34
Драйсави Хусейн Кадим Маджди (Ирак), Чарыкова О.Н. (Воронеж) Сравнение как компонент поэтического идиостиля (лингвокогнитивный аспект)	с.39
Инютин В.В. (Воронеж) Глубина обыкновенного (о прозе А. Ягодкина)	с.45
Кудрявцева Т.Ю. (Воронеж) Графическая репрезентация деепричастного оборота как элемент пунктуационной архитектоники текста	с.47
Леденёва Л.В. (Воронеж) Художественное своеобразие романа Кадзуо Исигуро «Остаток дня»	с.51
Лю Цзиньянь (Китай), Ускова Т.Ф. (Воронеж) Использование китайской лексики и фразеологии в произведениях писателей «русского Харбина»	с.55
Морозова Т.В. (Воронеж) Трагедия человеческой личности в повести Мигеля де Унамуно «Авель Санчес»	с.62
Рыжкова Н. (Воронеж) Роль алогизмов в идиостиле А. Платонова	с.68
Савченко А.Л. (Воронеж) Природа и человек в поэзии Г. У. Лонгфелло	с.72
Токмакова С.Г. (Воронеж) Категория оценки в структуре художественного текста	с.77
Шутова С.А. (Воронеж) Трансформация «американской мечты» в романе Р.П. Уоррена «Место, куда я вернусь»	с.81
Эстрина Т.Г. (Воронеж) Метафора <i>узор ковра</i> в одноименной новелле Г. Джеймса	с.86

Религиозный текст

Пономарёва Ю.Л. (Воронеж) Эволюция церковнославянского языка XI, XVI, XXI веков по данным канонических текстов (на материале псалма 22)	с.91
Пономарёва Ю.Л. (Воронеж) Эволюция церковнославянского языка XIII, XVI, XXI веков по данным канонических текстов паремий (пророчеств Исаии)	с.100

Медиадискурс

Лахин А. (Воронеж) Комические стилистические средства как способ создания текстов современных СМИ	с.109
Ненахова А.В. (Воронеж) Речевые неудачи рекламного текста	с.114
Саломатина М.С. (Воронеж) Нужный партии язык	с.118
Сун Чуньчунь (Китай) Наименование цвета автомобиля как средство воздействия на покупателя	с.123
Хуонг Тхи Тху Чанг (Вьетнам) Экономическая лексика тематической сферы «государственный бюджет» в русских печатных СМИ	с.127

Научный дискурс

Головинова В.В. (Воронеж) Отражение картины мира в терминах постмодернистской философии	с.131
Зубков И.Н. (Воронеж) Группы пространственных метафор в академическом дискурсе	с.134
Селигей Ф.А. (Киев) Русские писатели и языковеды XIX – XX вв. о научном жаргоне	с.136

Языковые единицы в дискурсивном пространстве

Вахтель Н.М. (Воронеж) Разговорный дискурс и синтаксическая норма	с.145
Крутских Т.Ю. (Воронеж) Динамика орфоэпической нормы	с.149
Лу Бо (Китай) Дискурсивные характеристики словосочетания «Ну так вот» в русском языке	с.153

Содержание	с.157
-------------------	-------